

ОГОНЁК
№ 40 ОКТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2309)

2 ОКТЯБРЯ 1971

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент СФРЮ, Председатель СКЮ Иосип Броз Тито отвечают на приветствия жителей югославской столицы.

Переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента СФРЮ, Председателя СКЮ И. Броз Тито.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступает на митинге в одном из цехов завода электронной промышленности в Белграде.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Подписание советско-югославского Заявления.

Фото ТАСС.

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

«...Переговоры были нужными, и прошли они успешно. Мы проделали хорошую и полезную работу. Обсужден широкий круг важных вопросов. Намечены пути дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между нашими партиями и странами»,

— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев перед отлетом из столицы Югославии, где он находился по приглашению Президента Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателя Союза коммунистов Югославии товарища Иосипа Броз Тито с неофициальным дружеским визитом.

Вместе с Л. И. Брежневым в Югославии находились секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов.

Между товарищами Л. И. Брежневым и И. Броз Тито состоялись беседы, протекавшие в духе дружбы, товарищеской откровенности и взаимопонимания.

Было выражено обоюдное стремление к дальнейшему расширению и укреплению советско-югославской дружбы и сотрудничества в интересах народов обеих стран, дела мира и социализма. Состоялся обмен мнениями по ряду актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев пригласил Президента СФРЮ, Председателя СКЮ товарища Иосипа Броз Тито посетить с визитом Советский Союз. Это приглашение было с удовлетворением принято.

25 сентября в официальной резиденции Президента СФРЮ — Белом дворце Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев и Президент СФРЮ, Председатель СКЮ товарищ И. Броз Тито в торжественной обстановке подписали советско-югославское Заявление. В этом документе вновь подтверждены принципы, составляющие прочную основу советско-югославских отношений, определены реальные перспективы совершенствования советско-югославского сотрудничества во всех областях.

ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

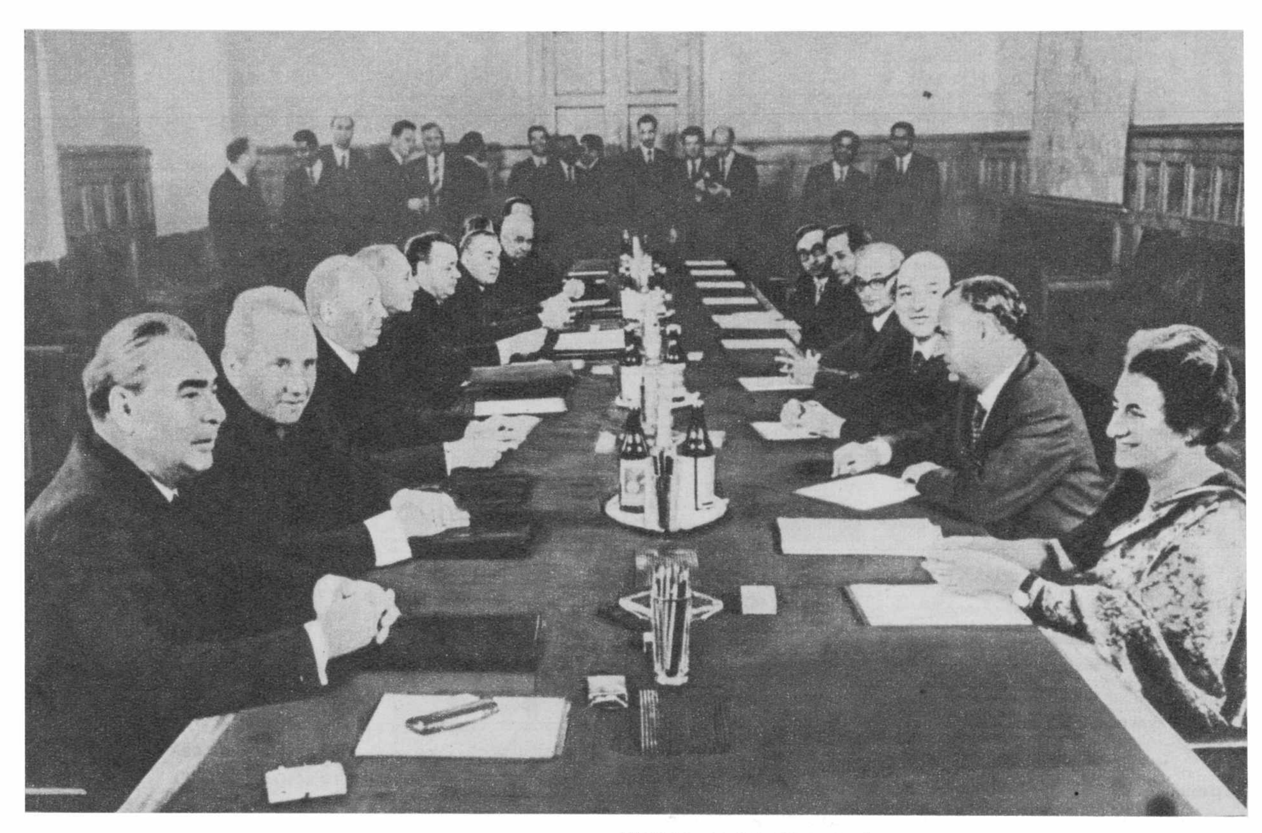
25—26 сентября с. г. в Венгрии по приглашению Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии с дружеским визитом находился Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев.

Между Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежневым и Первым секретарем Центрального Комитета ВСРП Яношем Кадаром состоялся товарищеский обмен мнениями.

На переговорах вновь нашло подтверждение полное единство взглядов обеих сторон по всем обсуждавшимся вопросам.

На снимке: Во время переговоров в Будапеште.
Фото ТАСС.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Начало советско-индийских переговоров.
Фото А. Пахомова.

27 сентября в Советский Союз по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыла Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди.

Под ее руководством за последние годы правительством Индии был осуществлен ряд важных социально-экономических мероприятий, направленных на укрепление экономики страны и повышение благосостояния индийского народа. Во внешнеполитической области правительство, возглавляемое Индирой Ганди, проводит политику неприсоединения, укрепления мира и международного сотрудничества.

Индира Ганди неоднократно посещала Советский Союз. Она последовательно выступает за укрепление дружбы между советским и индийским народами, за дальнейшее расширение и углубление всестороннего сотрудничества между СССР и Индией.

Внуковский аэродром. На флагштоках развеваются государственные флаги двух дружественных стран.

Встретить главу индийского правительства прибыли Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, министры СССР А. А. Гречко, Б. П. Бугаев, Н. В. Голдин, Н. С. Патоличев, Е. А. Фурцева, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, заместители министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и Н. П. Фирюбин, посол СССР в Индии Н. М. Пегов, другие официальные лица.

Среди встречающих находились посол Республики Индии в Советском Союзе К. Ш. Шелванкар и дипломатические сотрудники посольства.

28 сентября в Кремле начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и прибывшей в Советский Союз с официальным визитом Премьер-Министром Республики Индии Индирой Ганди.

В ходе переговоров были обсуждены вопросы дальнейшего укрепления и развития советско-индийских отношений в свете подписанного 9 августа 1971 года Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Индией, а также важнейшие внешнеполитические проблемы, представляющие взаимный интерес.

Переговоры проходили в обстановке искренней сердечности и взаимопонимания.

ТЕПЛАЯ ВСТРЕЧА

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев вручает орден Ленина Первому секретарю ЦК БКП, Председателю Государственного совета НРБ Т. Живкову.

Фото ТАСС.

Народную Республику Болгарию по приглашению Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии с дружеским визитом посетил Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Л. И. Брежнев.

26 сентября в здании Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в присутствии партийных и государственных деятелей НРБ вручил Первому секретарю ЦК БКП, Председателю Государственного совета НРБ товарищу Тодору Живкову орден Ленина, которым он награжден за выдающиеся заслуги в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Народной Республики Болгарии, в укреплении мира и социализма, за многолетнее активное участие в мировом коммунистическом движении и в связи с 60-летием.

Выступая с речью при вручении ордена, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Мы приветствуем Вас, дорогой Тодор Живков, как большого и верного друга Коммунистической партии Советского Союза и Советского Союза, проявляющего неустанную заботу о развитии и углублении чистосердечной крепкой дружбы болгарского и советского народов. Отношения между нашими партиями, между нашими странами стали, можно сказать, образцом искренности, товарищества и подлинного братства».

Во время пребывания в Болгарии между товарищами Л. И. Брежневым и Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым состоялись дружеские встречи и беседы.

Беседы, прошедшие в сердечной товарищеской атмосфере, подтвердили полное единство взглядов КПСС и БКП по всем обсуждавшимся вопросам.

Л. И. Брежнев от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР пригласил партийно-правительственную делегацию Народной Республики Болгарии посетить Советский Союз с официальным визитом. Приглашение было с удовлетворением принято.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, РЕСПУБЛИКА!

7 октября 1949 года впервые на немецкой земле возникла государственная власть трудового народа. Этот день стал днем рождения Германской Демократической Республики, первого в истории германского миролюбивого государства.

Республика взяла себе в качестве эмблемы символы труда: молот, венок из колосьев и циркуль. Труд на фабриках, на полях, в области науки, культуры и искусства отныне стал программой жизни страны.

День за днем, год за годом росла и крепла, опираясь на братскую помощь социалистических стран, новая социалистическая Германия. И вот уже на ее земле встали сотни крупных современных предприятий и среди них металлургический комбинат на Одере «Ост», нефтеперерабатывающий завод в Шведте, химический гигант в Галле «Лейна-2»...

Недавно вместе с группой советских журналистов мне довелось побывать в ГДР и увидеть многие из чудес, совершенных здесь за минувшие годы трудовым народом. В Лейпциге в дни проходившей здесь международной ярмарки мы стали свидетелями того большого интереса, который вызывает сегодня во многих странах мира химическая продукция ГДР, ее новые станки и машины, созданные рабочими и инженерами. Мы увидели в лесах новостроек тысячелетний Галле, который превращается теперь в большой современный город, застроенный многоэтажными домами. Но едва ли не самое важное из всех чудес — становление нового человека социалистического общества. Сложным и нелегким был путь гражданина ГДР от активиста первых лет до сегодняшнего передовика производства, политически сознательного труженика, преданного своей социалистической родине. Но именно они, эти новые люди, преобразили свою страну. Их руками построена нынешняя Германская Демократическая Республика.

Н. ЦВЕТКОВА

Ростокский порт вырос за эти годы в один из крупнейших портов мира.

Фото АДН—ТАСС.

Н. ПАСТУХОВ

ОРЕАНДА: МИР ЕВРОПЕ

(Как оценивают за рубежом итоги крымской встречи).

Шесть месяцев отделяют нас от тех исторических дней, когда проходивший в Москве XXIV съезд КПСС провозгласил великую программу мира. Всего лишь шесть месяцев, а как много уже проведено акций, направленных на нормализацию отношений между государствами, на укрепление международной безопасности. Выступая перед югославскими рабочими в Земуне, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев особо подчеркнул:

«Внешнеполитическая линия КПСС ясна и последовательна. Мы твердо защищаем интересы социализма от всех его врагов. Мы — за мир и международную безопасность, мы за свободу и независимость всех народов. Мы всегда были и всегда будем решительными противниками империалистической политики агрессии, войн, угнетения. Свою политику мы проводим последовательно и настойчиво, мы проводим ее в тесном сотрудничестве с братскими странами социализма, с другими свободолюбивыми и миролюбивыми государствами. И мы видим, что наши усилия дают реальные плоды».

Хотя в эти дни центральное место на страницах зарубежной печати отводится советско-югославскому Заявлению, политические обозреватели и комментаторы продолжают живо обсуждать итоги крымской встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Федеральным канцлером ФРГ В. Брандтом. Значительность этой встречи и ее далеко идущего влияния на политический климат Европы не отрицают ни сторонники и ни противники разрядки напряженности на нашем континенте. Причиной этого является тот факт, что крымское коммюнике касается не только двусторонних отношений между СССР и ФРГ, но и широкого круга международных проблем, имеющих первостепенное значение для всех европейских государств, а также для судеб всеобщего мира.

Суть крымской встречи лаконично и убедительно сформулировала польская газета «Трибуна люду». Она пишет: «Это новый успех мирной политики Советского Союза, Польши и ГДР, а также других социалистических стран — членов Варшавского Договора. Одновременно это успех «восточной политики» правительства Брандта — Шееля, благодаря которой ФРГ перешла с бездорожья опасных реваншистских представлений на проложенные по твердой земле пути реализма. Это успех всей Европы, которая только выигрывает в результате нормализации обстановки в центре континента, укрепления европейского сотрудничества, укрепления коллективной безопасности».

Даже такая консервативная газета, как лондонская «Таймс», вынуждена констатировать, что «СССР и ФРГ уже смотрят дальше соглашения по Западному Берлину. Для Западной Германии откроются новые возможности в области торговли и возможность других соглашений с Советским Союзом. Будут установлены дипломатические отношения с другими странами Восточной Европы. У всех заинтересованных стран почти наверняка появится возможность проведения общеевропейского совещания по вопросам безопасности, созыва которого Советский Союз и его друзья добиваются так давно. Все это будет созревать медленно, но будет представлять новый этап в послевоенной истории Европы».

Что касается общеевропейского совещания, то именно после крымской встречи эта тема занимает одно из центральных мест на страницах зарубежной печати. Обозреватели отмечают, что в Западной Европе усиливается «тяга к сотрудничеству». Все чаще и чаще появляются сообщения, в которых говорится, что многие правительства и парламентские круги в весьма конкретной форме высказываются в поддержку общеевропейского совещания по вопросам безопасности.

Братиславская газета «Правда», анализируя итоги крымской встречи, указывает, что «среди внешнеполитических проблем, которые обсудили два государственных деятеля, значительное место занимал комплекс вопросов, связанных с европейской безопасностью и сотрудничеством, созывом общеевропейского совещания. Очень отрадно, что оба правительства планируют в ближайшее время начать консультации — как между собой, так и с другими европейскими государствами, с тем чтобы ускорить созыв общеевропейского совещания». Французская газета «Комба» в редакционной статье отмечает, что «сейчас, когда одна из пружин «холодной войны» сломана в Западном Берлине, необходимо как можно быстрее заняться созывом общеевропейского совещания по безопасности. Поскольку недостатка в проблемах нет, крымская встреча не оставит времени для отдыха».

Одной из важных проблем, которая сейчас стоит на повестке дня политической жизни Европы, является ратификация договоров между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ в бундестаге и бундесрате Федеративной Республики Германии. С чувством огромного удовлетворения европейской общественностью воспринято заявление Федерального канцлера ФРГ В. Брандта, сделанное в интервью мюнхенской газете «Зюддойче цайтунг» после возвращения из Крыма. Он сказал: «Я полагаю, нет, я уверен, что договор с Советским Союзом так же, как и договор с Польской Народной Республикой, будет ратифицирован. Подготовка к этой ратификации давно уже началась».

Парижская газета «Насьон», комментируя эту проблему, замечает следующее: «Встреча Брандта с Брежневым отвечает логике событий: сначала в августе 1970 года был подписан договор между ФРГ и СССР, в декабре того же года — договор между ФРГ и Польшей, а затем в сентябре нынешнего года — четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, открывающее дверь для ратификации обоих договоров».

Зарубежные обозреватели обращают внимание и на ту часть крымского коммюнике, в которой говорилось о наличии общих элементов в позициях сторон относительно сокращения вооруженных сил и вооружений в Европе. Обозреватели видят в этом факте начало конкретным делам, отвечающим кровным интересам европейских, да и не только европейских народов.

Итоги крымской встречи с чувством глубокого понимания встречены и на других континентах. Так, например, японская газета «Дейли Иомиури» подчеркивает: «У нас нет никаких сомнений в том, что Европа, где враждебность между странами в течение веков была причиной возникновения войн, теперь вступает в новую эру, где войн не будет, и, надо надеяться,— на протяжении столетий». Дамасская газета «Аль-Баас», в свою очередь, отмечает: «Успешное завершение переговоров открывает широкие возможности для плодотворного сотрудничества между СССР и ФРГ, а также способствует коренному улучшению отношений между Востоком и Западом. Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева и Федерального канцлера ФРГ В. Брандта продиктована искренней заботой о мире и спокойствии на европейском континенте. Она уже принесла первые успешные результаты, которые будут полезны и для других стран мира».

Важное значение крымского коммюнике отмечает печать Индии и Чили, Цейлона и Алжира, Боливии и Непала, видя в нем путь не только к миру в Европе, но и к общей разрядке напряженности.

Если резюмировать общее мнение зарубежных комментариев по поводу крымской встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Федерального канцлера ФРГ В. Брандта, то напрашивается следующий вывод:

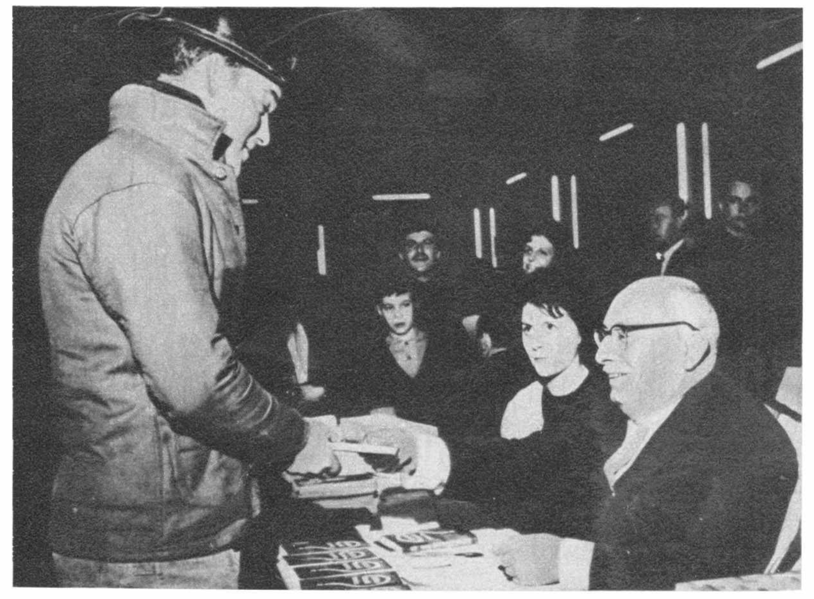
Народы стран социализма, прогрессивная общественность капиталистических и развивающихся стран рассматривают итоги этой встречи как важный вклад в дело укрепления мира и безопасности на европейском континенте и во всем мире.

2 ОКТЯБРЯ ЖАКУ ДЮКЛО ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ

ЖАК ДЮКЛО, КОММУНИСТ

Анатолий ПОТАПОВ

Жак Дюкло на встрече с шахтерами.

Афиши были расклеены на столбах и фанерных щитах по дороге номер двадцать задолго до въезда в город. Они извещали о том, что в парке Норвиля состоится встреча с человеком, которого знают и любят трудящиеся Франции. И не мудрено, что подъезды к парку Норвиля были буквально запружены автобусами и машинами, доставившими тысячи тружеников со всех концов департамента Эссон.

И вот он идет по аллеям парка в сопровождении руководителей департаментской федерации компартии, пожимает протянутые руки, приветливо улыбается, останавливается, чтобы перекинуться двумя-тремя словами со старыми друзьями. «Добро пожаловать, Жак!»

Его называют запросто по имени, как называют обычно старого доброго друга. Коммунисты иногда говорят о нем: «Наш национальный Жак». Вероятно, они хотят подчеркнуть этими словами ту роль, которую играл и продолжает играть в рабочем движении Франции, во Французской коммунистической партии член ее Политбюро товарищ Жак Дюкло.

Жак Дюкло вступил во Французскую коммунистическую партию в день ее рождения, в 1920 году. В 1926 году 30-летний Дюкло стал членом Центрального Комитета, а через несколько лет членом Политбюро и секретарем ЦК. Вместе с партией Дюкло пережил все этапы ее борьбы, все трудности, невзгоды, победы. И «озаренные солнцем», как любит говорить Дюкло, дни Народного фронта, и тяжелые годы подполья в эпоху запрещения партии в конце 30-х годов, и борьбу с гитлеровскими захватчиками — период Сопротивления...

45 лет тюрьмы — таков общий итог приговоров, вынесенных борцу за дело рабочего класса, коммунисту Жаку Дюкло.

— Я бы и по сей день сидел за решеткой, если бы это зависело от тех, кто выносил приговоры,— говорит Дюкло.

Соратник и верный друг Мориса Тореза, Жак Дюкло вместе с ним и другими руководителями французских коммунистов многое сделал, чтобы превратить партию в истинно марксистско-ленинскую, партию союза рабочих и демократических сил. И когда беседуешь с товарищем Дюкло, просто не верится, что ему сегодня — 75 лет. Он по-прежнему полон энергии, бодрости, планов на будущее.

...Март 1971 года. Телефонный звонок в секретариат ЦК ФКП.

— Можно ли встретиться с товарищем Дюкло?

— Он в департаменте Верхних Пиренеев. В городе Тарбе крупный предвыборный митинг. Вы знаете, скоро муниципальные выборы...

Срочно вылетаем в город Тарб. Выступив на митинге, Дюкло отправляется в Париж. В промышленном городе Пюто, в Парижском районе, неофашисты убили молодого рабочего, который расклеивал афиши левых партий. Снова митинг. Дюкло призывает к единству демократических сил, к отпору неофашистам.

Партия начинает проводить новую форму работы с массами — «собрания-диспуты». На таких собраниях нет речей. Просто люди задают вопросы, и ни один вопрос, каким бы он ни был острым, коммунисты не оставляют без ответа. Собрания длятся часами. Сразу в ста городах страны в течение трех дней шли «собрания-диспуты» с участием руководителей компартии. И вот Жак Дюкло уже выступает перед рабочими в Клермон-Ферране.

Видный политический деятель, выдающийся публицист, известный историк Парижской коммуны и французского рабочего движения — таким знают французы Жака Дюкло.

— Сегодня я буду в историческом музее. Хотите посмотреть наш музей? Приезжайте,— пригласил нас однажды товарищ Дюкло.

И мы поспешили в парижский пригород Монтрей, где живет Дюкло и где с помощью коммунистического муниципалитета еще в 1939 году был открыт исторический музей, действующий и поныне. В годы Народного фронта Дюкло, который стал тогда депутатом парламента в городе Монтрей, поставил своей целью создать в городе такой музей, экспозиция которого отражала бы подлинно научную концепцию истории Франции, ее рабочего движения. Сейчас этот музей пользуется успехом у всего рабочего населения Парижского района. Его посещают и трудящиеся из Советского Союза, других социалистических стран.

Залы музея в Монтрей — это волнующие страницы истории Франции, борьбы Французской коммунистической партии. Вот программа Народного фронта с ее лозунгом, наиболее близким народным массам,— «Заставить платить богачей!». Одним из авторов программы был Жак Дюкло.

А вот знаменитое обращение Мориса Тореза и Жака Дюкло к французскому народу. Десятое июля 1940 года. Руководители компартии призвали тогда к организации сопротивления гитлеровским оккупантам.

Жак Дюкло показал мне как-то дом номер 11 на авеню Де ла Плэн близ Версальских ворот. Здесь в небольшой квартире на восьмом этаже он под чужим именем жил и работал в годы оккупации, осуществляя по заданию партии руководство Сопротивлением.

— Никто никогда не видел, как я выходил из этого дома и возвращался сюда,— рассказывает Жак Дюкло.— Конечно, мои борода и очки предохраняли от полиции весьма условно. Узнать меня было легко. Сколько раз на улицах оккупированного Парижа я чувствовал, что люди узнавали меня, но тут же кивком головы или взглядом давали понять, что мне нечего бояться...

О разных этапах долгого пути борьбы и побед своей партии Дюкло часто рассказывает молодым коммунистам. Мне довелось присутствовать на одной такой встрече в городе Эпинэ департамента Сэн-Сен-Дени.

...Небольшой зал забит, что называется, до краев. Здесь все члены партийной ячейки «Перронэ», коммунисты из других ячеек города. Стульев не хватает. Ведь сегодня у них на собрании — камарад Жак.

Дюкло вручает партийные билеты студентам Одили Ботино и Патрису Офреру, молодому рабочему Роберу Микалэ.

Сорок пять процентов новых членов партии французских коммунистов — это молодежь.

— Как молодости не быть наиболее отличительной чертой партии, которая сознает, что она является великой партией будущего,— говорит товарищ Дюкло.

И когда заканчивается собрание ячейки, как это всегда бывает при встречах трудящихся с Дюкло, к нему тянутся руки с книгами, на которых он ставит свой автограф. Автор этих книг — Жак Дюкло. Он очень много пишет, у него удивительная работоспособность. В последний раз при нашей встрече он показал мне объемистую тетрадь, где все страницы были исписаны его убористым почерком. Он создал эту рукопись за короткие недели летнего отпуска. Это будет новая книга под названием «Знаете ли вы коммунистов?».

Одну из своих работ, «Октябрь 1917 года и Франция», Жак Дюкло посвятил «великому Ленину, славной Коммунистической партии Советского Союза и всем тем, кто боролся, чтобы обеспечить победу Октябрьской социалистической революции 1917 года, открывшей новую эру в истории человечества».

...Теплый июньский вечер. Мы сидим дома у товарища Дюкло в его рабочем кабинете. Повсюду по стенам полки с книгами. Здесь тысячи и тысячи томов, многочисленные уникальные издания, которые собрал за свою жизнь этот страстный книголюб. На столе подготовлены для работы томики Ленина.

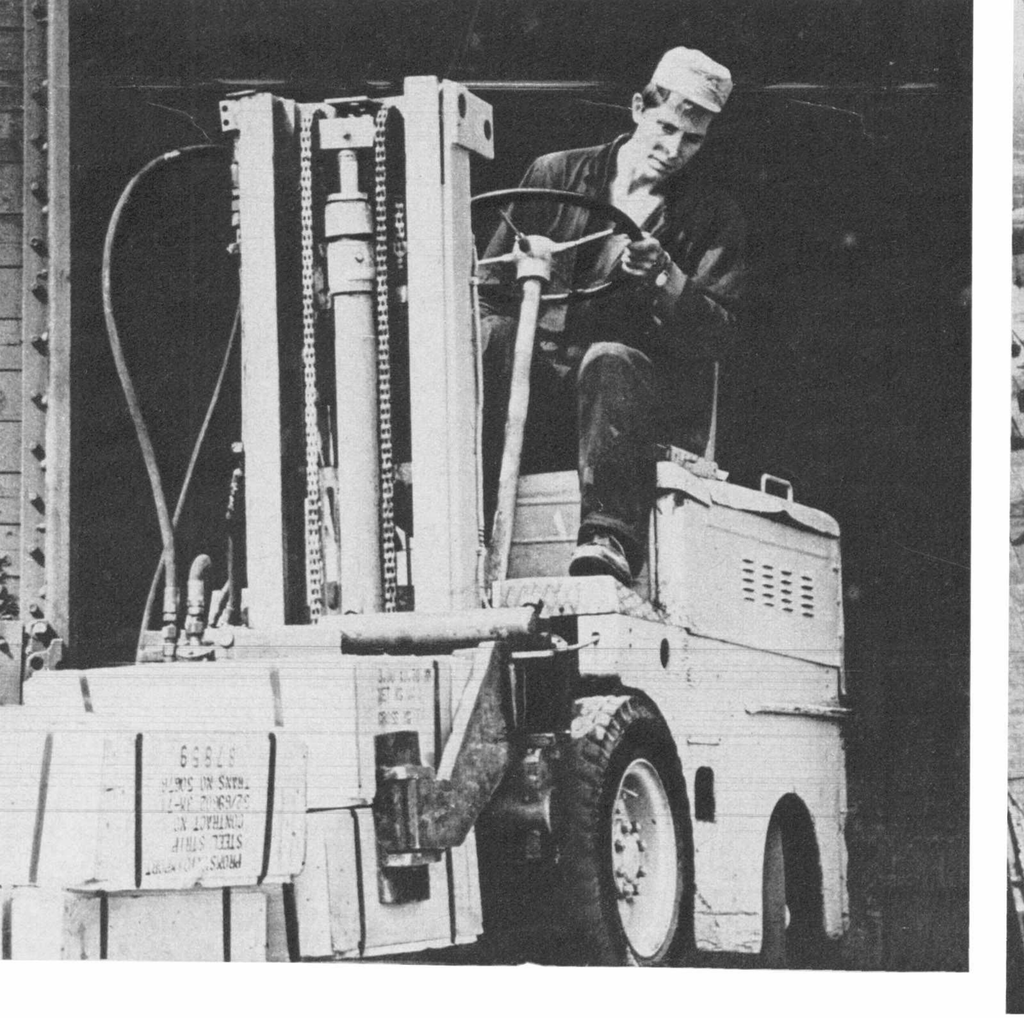
— Люди моего поколения,— говорит товарищ Дюкло,— ответившие на призыв Ленина, испытывают законное чувство гордости, оглядываясь на пройденный путь. Я сознаю, что стал взрослым человеком в полном смысле этого слова с того дня, как сделался коммунистом. Вся моя сознательная жизнь началась с октября 1917 года, открывшего мне глаза на мир и направившего меня по пути, которому я верен сегодня.

Люксембургский дворец. Здесь заседает сенат Французской Республики. Слово предоставляется сенатору Жаку Дюкло, председателю парламентской группы сенаторов-коммунистов. Он говорит в своей речи о том, что Французская компартия выступает за общеевропейское сотрудничество, за дружбу со всеми народами, за конкретные меры по установлению коллективной системы европейской безопасности.

А я слушаю его и думаю о поэме Поля Элюара, подлинник которой я видел в библиотеке Дюкло. Поль Элюар посвятил эту поэму Жаку Дюкло — коммунисту:

...Сквозь пестрый занавес в движеньи бесконечном

Видна дорога им прямая.
Сомненья нет у них, сомненья нет у нас
В победе завтрашнего утра.

«Быстрее, быстрее!» Погрузчик Саши Ганузина не знает усталости.

Таллинский торговый порт.

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ.

ГЛАВ

ВЕРНЫЙ КОМПАС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: ГЛАСНОСТЬ, СРАВНИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ, ВОЗМОЖНОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОГО ПОВТОРЕНИЯ ОПЫТА.

Розовыми каньонами спускаются к морю черепичные крыши, ущельями стекают к берегам узкие, длинные улицы, а у самых волн то ли стадо жирафов пасется, то ли стая диковинных огромных птиц крутит длинными шеями над прибоем: это работают в Таллинском порту краны. По стенкам подковообразной бухты тесно выстроились суда. Синее море, белые теплоходы, пестрые флаги...

Нынче в Таллинском порту особенно чувствуется то самое лучшее состояние человеческого духа, что возникает от удачи в работе. 12 февраля этого года, в разгар предсъездовского соревнования, Таллинский морской порт Эстонского пароходства был награжден орденом «Знак почета» за досрочное выполнение заданий восьмого пятилетнего плана и широкое внедрение передовой технологии погрузочно-разгрузочных работ. За первые месяцы новой пятилетки порт уже награжден двумя переходящими знаменами. Он правофланговый во всесоюзном соревновании портов первой категории.

В чьих же руках его рабочая честь?

... — Добрый день, товарищи, начинаем диспетчерское совещание,— ежедневно в половине двенадцатого раздается по селектору.

Я давно знаю Харри Лидемана — человека, которому принадлежит этот бас: он был пионером в моем отряде. Шла война, ребятам было по тринадцать-четырнадцать лет, они по-взрослому жили общей бедой народа и по-детски представляли себе будущую мирную жизнь. Мечты были самые разные и менялись каждый день. А Харри Лидеман тогда твердил одно: «Кончится война, я стану капитаном дальнего плавания. А если она не так скоро кончится, я все равно стану морским капитаном...» Он уже тогда говорил басом, был немногословен, ходил враскачку и был таким типичным «морским волком», что я иногда подозрительно оглядывала его: не курит ли трубку?

Когда я теперь появилась в кабинете Харри Лидемана, начальник Таллинского порта почтительно усадил меня в кресло (все-таки бывшая пионервожатая!) и стал рассказывать, как осуществлял свои морские мечты. Окончил Таллинское мореходное училище, прошел все ступени морской службы, стал капитаном дальнего плавания. А он не только плавал, но и учился — заочно в Тартуском университете, на юридическом факультете. Специализировался по международному праву — считал, что в морском деле эти знания необходимы.

— В нашем начальнике доброта и чуткость совмещаются с совершенно железной требовательностью во всем, даже в самых незначительных мелочах,— рассказывает о Лидемане парторг порта Борис Иванович Карпухин.

Сам Борис Иванович на первый взгляд может показаться даже педантом: все-то у него в ажуре, все документы под рукой, прическа гладка, углы крахмального воротничка жестки, память ни в чем не подводит, только раз обмолвился, назвав газету «Советская Эстония» «Камчатской правдой». И выяснилось, что Борис Иванович сюда переведен из Петропавловска-Камчатского, где семнадцать лет был главным инженером порта. А здесь коммунисты уже не первый раз избирают его руководителем партийной организации. И все же ежедневно — пусть ненадолго — вынимает он из правого ящика стола журналы по специальности, и парторг снова становится инженером.

— Медленно еще развиваются у нас контейнерные перевозки. А контейнеры — это сохранность грузов, экономия времени, облегчение труда,— говорит Борис Иванович.— Наступит время, когда все грузы по воде и по суше будут перевозиться в контейнерах стандартных размеров, обязательных для всех портов и железных дорог мира. Но до такой перестройки еще далеко, сейчас надо как можно лучше использовать всю известную нам технику...

Вот об этой технике и о технологии погрузочных работ мы, переходя от причала к причалу, долго разговаривали с главным технологом порта Станиславом Слободенюком.

— Когда в отпуск, Станислав Павлович? — спрашиваю я под конец разговора, зная, что его жена и сын отдыхают на юге.

— Скоро,— весело отвечает он,— прямо дождаться не могу.

— К своим, на юг?

— Нет, они вот-вот возвратятся, а я, конечно, останусь в Таллине, мне ведь в порту бывать надо.

Как по заказу — диалог с положительным героем, каковой даже в отпуске не покидает трудового поста! Скромный и застенчивый, главный технолог, как выяснилось, в отпуск стремился для того, чтобы поработать над диссертацией о технологии погрузочно-разгрузочных работ. Где же, как не в порту, можно теоретически осмысливать то, что сделано практически? А сделано немало. Вот пример с бумагой.

Через Таллинский порт перегружается много различной бумаги. Складывают ее в трюмы как бог на душу положит — пачка рядом с колоссальным рулоном. Таллинские портовики навели в «бумажном деле» порядок. Выбрали подходящий тип судна, договорились с портами отправки о лучшей погрузке, с железной дорогой условились о срочной подаче вагонов под бумажный груз, чтобы не переваливать лишний раз в склады, приспособили особые погрузчики, захваты, капроновые стропленты — словом, создали свой, таллинский, способ погрузки. Станиславу Павловичу Слободенюку предстоят поездки по портам Балтики, чтение лекций об этом способе. Так начинается школа передового опыта. И стивидор Арвед Краам, 27 лет отработавший в Таллинском порту, сказал:

— Это умно. Груз из трудного становится легким — государству полезно, грузчикам хорошо...

Стивидор в порту — как прораб на стройке, он организатор разгрузки и погрузки судна. Арвед Краам за выполнение заданий восьмой пятилетки награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1969 году был признан лучшим стивидором Советского Союза. В 1970 году лучшим по стране стал его ученик Ойво Сирп.

— Наступил на пятки,— притворно ворчит Краам.

Николай Шевченко: «У нас, грузчиков, работать надо с умом...»

НЫЙ СИЛАЧ

А Ойво Сирп отводит нас в сторонку и пытается разъяснить стиль работы Краама:

— Четкость. Нет, скорее точность. Вместе и точность и четкость. Вот смотрите, как он заполняет «поручение» — путевку на разгрузку и погрузку судна: почерк, как у чертежника, чертеж расположения грузов в трюме, как у инженера. Даже размеры ящиков в чертеже указаны. Теперь бригадир грузчиков заранее узнает, какие захваты заказывать. Я ведь почему стал лучшим по профессии? Краама копирую. Грузчики любят с нами работать.

Грузчики... Вот я в своих хождениях по порту и добралась наконец до них — до рядовых, до основы основ. Признаюсь, что до сих пор грузчик мне представлялся человеком, таскающим на спине тюки.

— Понятно,— усмехается Павел Денисюк, бригадир восемнадцатой бригады. — Еще многие так думают. По правде говоря, я и сам так думал, когда по объявлению в газете десять лет назад шел наниматься в порт. Потаскать, конечно, в первое время пришлось. Ребята, которые пришли позже меня, рассказывали, что тоже опасались сгорбиться под мешками.

— А все же шли?

— Шли. В 22 года, после армии, знаете, как хочется поскорее стать самостоятельным, обзавестись семьей, то есть побольше зарабатывать! Я вовсе не хочу сказать, что в бригаде ребята — стяжатели какие-то. Познакомитесь с ними, и сами увидите, что это не так. Мы просто считаем, что работа грузчика в порту — по-настоящему мужская работа. И заработок мужской, солидный, меньше 220 рублей не бывает, а вообще-то больше. Да еще и у моря, у судов,— каждый раз словно сам чуточку в дальнем плавании побывал. Вот сейчас начнем разгружать «Троицк». Увидите, кто главный силач на причалах.

Теплоход «Троицк» приплыл из Стокгольма. Павел Денисюк еще за час до начала смены получил у диспетчера наряд, проверил готовность погрузочных механизмов, проследил, как встали у погрузочной площадки вагоны. Вместе с Краамом и Сирпом прикинул, кого куда расставить. В бригаде у всех есть вторые профессии, и Павел продумывает каждый наряд так, словно шахматную задачу решает. Делу польза, и ребятам интересно. И самому Павлу интересно. Даже и не заметил он, как стал прославленным бригадиром, и товарищи стали приходить к нему за советом, как ученики к учителю. Стала бригада Денисюка школой передового опыта для таллинских грузчиков.

В этот раз Герман Патрикеев полез на кран. Николай Шевченко и Саша Митюшов встали в трюмах, Саша Ганузин сел на погрузчик, остальные пошли на погрузочную площадку и в вагон, а двоих Денисюк послал на некоторое время на соседний теплоход «Сымери»: ветврач просил прислать хороших грузчиков для выгрузки ламы и антилоп, прибывших из Дании.

Может, все-таки главный силач в порту — кран? Ящики в его «руке» так и летают над причалом. Работа идет ритмично, свободного времени и перекуров у ребят нет, но, пока груз в воздухе, можно улучить минутку для интервью. Расспрашиваю ребят. Узнаю, что бригада существует десять лет, большинство здесь «старички», только Виктор Горланов новенький, да и тот уже год работает. И все в бригаде учатся, кто в техникумах, кто в училищах. И все проходят курсы повышения квалификации.

— Ну тогда понятно, почему ваша бригада лучшая в порту,— говорю Денисюку, как бы подводя итог.

— Да нет,— возражает он,— не так все просто. Я считаю, что главное в нашей работе — социалистическое соревнование. Пока-то мы действительно еще лучшая бригада. Но уже рядом, с небольшим отставанием, идут бригады Владимира Липинского, Виктора Соскова, Анатолия Коваленского. Возможно, нам и не удастся удержать первенство... В январе мы выполнили план на 180 процентов, да и остальные месяцы первого квартала были такими, что, подсчитав все, мы обязались план первого года пятилетки выполнить к 1 ноября. А бригады Соскова, Липинского и Коваленского планируют закончить к 7 ноября — близко ведь! И у каждого из нас есть чувство собственного достоинства, не хочется уступать первенство...

Вот такие они, нынешние грузчики! И, отдав должное кранам и всем прочим механизмам, убеждаюсь: главный силач в порту, на всех его участках — человек. С его знаниями, мыслями, жизненными целями и устремлениями.

Закончить репортаж хочется абзацем из статьи «Наш порт», автор которой парторг Борис Иванович Карпухин оказался вовсе не педантом, а романтиком:

«Белый лайнер с программным управлением вошел в ковш, мягко прислонился к стенке, облицованной резиновыми надувными приспособлениями. Электромагнитные швартовые устройства бесшумно притянули корабль к причалу. Радиоэлектронная аппаратура включила механизмы открытия трюмов. Безрельсовые портальные краны, поблескивая электронными глазами и подчиняясь автопрограммному управлению, вынимают из трюмов контейнеры с грузом, устанавливают на контейнеровозы...»

Это — о будущем.

В Директивах съезда записано: «Осуществить работы по расширению Таллинского торгового порта...» Значит, ему расти, работать, думать, искать.

Таллин.

Тридцать лет прошло со времени героической обороны Киева, длившейся семьдесят дней и ночей. Мужественно, до последнего вздоха сражались бойцы и командиры Красной Армии, грудью встали киевляне на защиту родного города.

Недавно в Воениздате вышла книга Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна «Так начиналась война». Непосредственный участник событий — он занимал в то время должность начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта,— И. Х. Баграмян особое внимание уделил в своих воспоминаниях битве за столицу Советской Украины.

Ниже печатается отрывок из этой книги.

Маршал Советского Союза
И. Х. БАГРАМЯН

НАРОД И АРМИЯ

Мы въехали в город. Несмотря на раннее утро и частые авиационные налеты, улицы были заполнены народом. На всех перекрестках сооружались баррикады, противотанковые препятствия. Трудились мужчины, женщины, подростки.

Останавливаем машину возле одной из баррикад. Распоряжался здесь сурового вида старик, с вьющейся шевелюрой цвета мыльной пены и желтыми от табачного дыма вислыми усами. Познакомились. Он оказался кадровым рабочим «Ленинской кузницы». Старик охотно рассказал, что уже строил баррикады на улицах Киева. Это было в петлюровские и гетманские времена. Так что опыт у него есть, потому ему сейчас и доверили руководить работами, а в помощь выделили молоденького, но знающего свое дело младшего командира — сапера.

Поглаживая заросшие седой щетиной щеки, старый ветеран труда сказал, что все опытные рабочие сейчас по суткам не выходят из цехов, даже обедают у своих станков. Все, что могут, делают для фронта. На «Ленинской кузнице» уже освоен ремонт пулеметов, артиллерийских орудий и другого оружия. А подростки, женщины, старики-пенсионеры — все, кого без особого ущерба можно было снять с завода, вышли на строительство оборонительных сооружений.

Меня окружили работавшие поблизости старики и женщины, посыпались вопросы. Интересовались положением на фронте. Пришлось рассказать, что враг близко. Наши войска, измученные беспрерывными боями, дерутся под Коростенем, контратакуют противника во фланг и тыл. Не жалеем сил, чтобы отбросить гитлеровцев из Бердичева. Положение очень трудное. Однако гарнизон Киевского укрепрайона сумел остановить вражеские танки в 20 километрах от города.

Выслушав мой рассказ, старый рабочий сказал:

— Если фашисты прорвутся, мы все до единого выйдем на баррикады. Будем драться до последнего, не позволим врагу топтать мостовые родного Киева.

Тепло попрощавшись со строителями баррикады, мы направились в городской штаб обороны. Члены штаба — секретарь Киевского обкома партии М. П. Мишин, секретари городского комитета Т. В. Шамрило и К. Ф. Москалец, председатель облисполкома Т. Я. Костюк и председатель горисполкома И. Е. Шевцов — беседовали с руководителями отрядов ополченцев и самообороны.

Здесь с особой силой ощущался подъем, царивший в городе. Коридоры штаба были заполнены людьми. Рабочие, служащие, домашние хозяйки, школьники требовали, чтобы их послали защищать Киев.

На поддержку войскам поднимались сотни тысяч трудящихся столицы Украины. Райкомы партии и райвоенкоматы с трудом успевали просматривать поток заявлений. Люди настойчиво просили дать им оружие и послать на позиции.

Поступали жалобы от коммунистов, которым из-за преклонного возраста отказывали в зачислении в ряды Красной Армии. Горком партии принимал все меры, чтобы найти достойное применение патриотическому энтузиазму киевлян, как коммунистов, так и беспартийных.

Газеты были заполнены в те дни обращениями советских патриотов, горевших желанием отдать все свои силы, а если понадобится, и жизнь борьбе с ненавистными захватчиками.

Старый большевик П. Петренко, обращаясь от своего имени и от имени сына, студента 3-го курса 2-го Киевского медицинского института, писал в городскую газету: «Мы считаем своим гражданским долгом с оружием в руках встать на защиту социалистической Родины, биться до полного уничтожения фашистских гадов. Просим принять нас добровольцами в Красную Армию».

Рабочий С. Т. Стрелецкий писал в своем заявлении: «...И хотя мой возраст не призывной, прошу зачислить меня в ряды доблестной Красной Армии, чтобы громить фашистов».

«...Если же нельзя на самый фронт, то хотя бы поближе к фронту»,— умолял районного военного комиссара комсомолец В. Граймлер.

Участник гражданской войны, ветеран труда Иван Герасимович Сарбеев заявил: «Не могу я в такое время сидеть дома!»

Многие, словно боясь отказа, так и начинали свое заявление: «Считаю себя мобилизованным».

Таким же патриотическим порывом были объяты и жители окрестных сел. Например, колхозники села Жуляны, что недалеко от Киева,— от юношей до стариков — явились в сельсовет и потребовали немедленно направить их на фронт. Пожилой крестьянин Т. П. Рудницкий привел своего сына Александра и заявил: «Я благословляю сына на священную войну с фашистскими варварами. Я старик, но если потребуется, вспомню свою специальность шофера и повезу бойцов в бой».

С особой силой волна патриотизма захватила молодежь. Только за один день поступило более 3 тысяч заявлений с просьбой направить добровольцами на фронт. Ученики старших классов 118-й киевской средней школы объявили себя мобилизованными. Школьница Нина Островская из дачного поселка Пуща Водица прислала телеграмму, в которой от имени своих подруг заверяла, что они будут «смотреть за ранеными бойцами, как за самыми близкими людьми».

Массовый патриотический порыв населения Украины, и в первую

Николай **КОЗЛОВСКИЙ**

Фото автора.

Чуден Киев при всякой погоде! И зимой, когда снежные звезды осыпают приднепровские кручи. И весной, когда снежно-белые свечи загораются на зеленых кудрях каштанов. И летом, когда жгучие канны высекают трепетные искры на молочно-нежных стенах Крещатика. А уж про осень и говорить не приходится! Буйство звуков, красок, запахов заполняет мой город. Это буйство всюду. И на щедрых, пересыпанных звонким ладным говором базарах, и на деловито спешащих улицах, и на устланных золотым лиственным ковром тропинках парков, в которых уже тянется горьковатый синий дымок осенних пожогов.

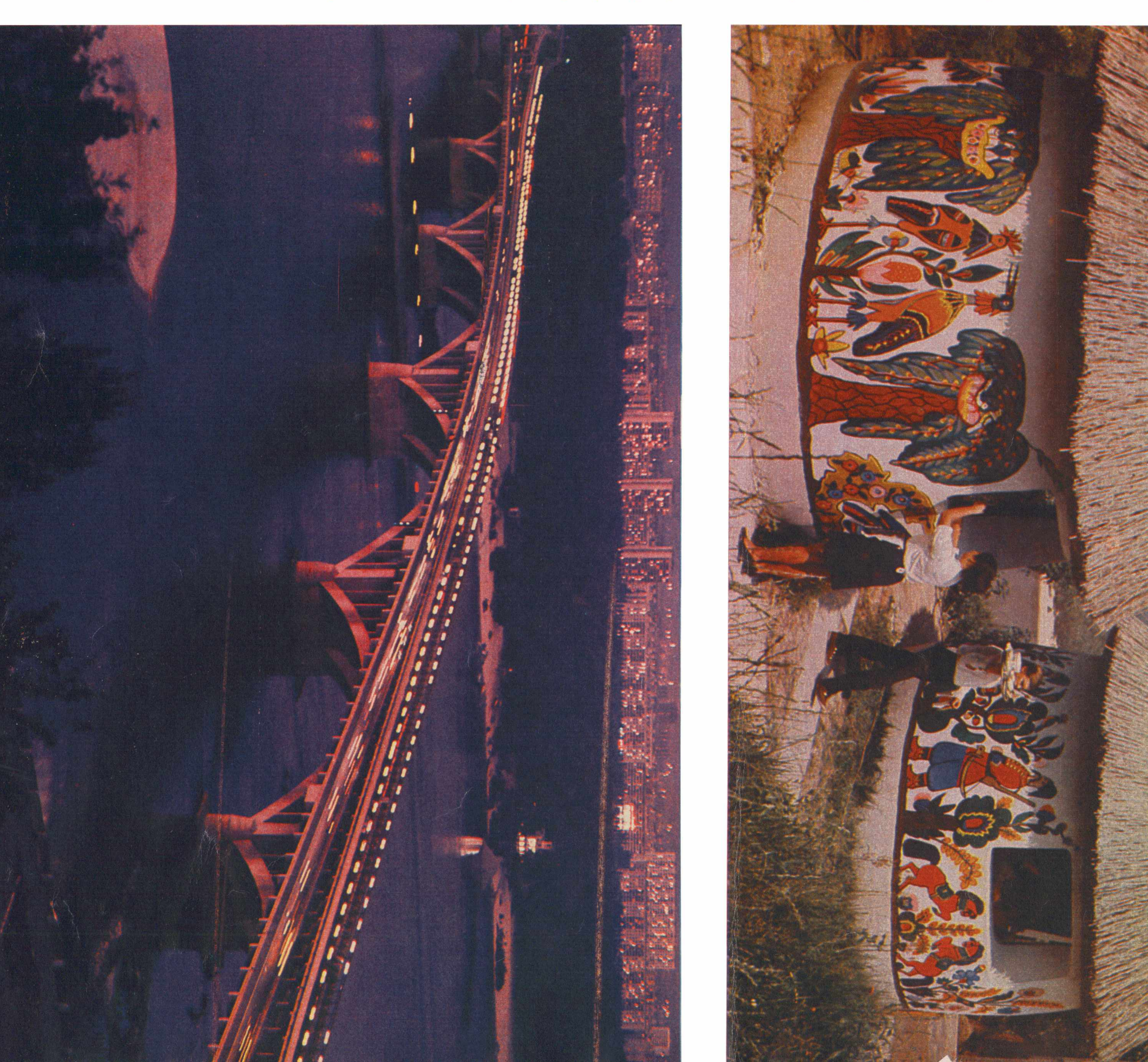
И народу в городе прибыло: там и сям в людском потоке мелькают бронзовые лица студентов. По надписям на их выгоревших куртках можно изучить географию всей страны — эти ребята вернулись из строительных отрядов окрепшие, поздоровевшие. И теперь поспешают подкрепить свои силы знаниями в разных вузах и техникумах столицы Украины.

В эти погожие дни, когда так ласков и прозрачен воздух, каждый киевлянин — и стар и млад,— лишь выпадет свободная минута, устремляется на свидание со своим городом.

Одних влечет Днепр — славно посидеть тишком с удочкой на песчаном островке или лихо вспороть водными лыжами серебристое зеркало Матвеевского залива. Другие спешат в Голосеевский лес подышать его целебным настоем или в зоопарк, где лебеди грустно трубят об ушедшем лете.

Но больше всего народу, пожалуй, на Крещатике. Две тысячи улиц в Киеве, и каждая по-своему хороша, ну а эта не имеет соперниц. И всегда-то Крещатик был любимой улицей киевлян, а теперь, отстроенный заново их руками, он стал еще дороже и ближе сердцу моих земляков.

Весело бежать вагонам метро по величественному мосту через Днепр.

На днепровских кручах выросли пестрые, яркие соломенные строения. Точь-в-точь старое казацкое жилье. Кафе так и называется — «Курени».

Что это? Центр украинской столицы? Нет, окраина. Новая окраина древнего Киева.

— Знакомься, малыш, это наша Владимирская горка.

очередь Киевщины, умело направлялся Центральным Комитетом Коммунистической партии Украины. Это придавало народному движению сопротивления огромную целеустремленность и силу.

Видя, сколько бед приносят диверсионные вражеские группы, Центральный Комитет КП(б)У в первые дни войны призвал население создавать истребительные батальоны для борьбы с диверсантами. Коммунисты и комсомольцы Киева незамедлительно откликнулись на этот призыв.

Юный патриот Илья Мищенко прислал письмо одним из первых: «Прошу райком комсомола зачислить меня добровольцем в батальон по борьбе с парашютистами противника».

К 8 июля было создано 13 истребительных батальонов, которые объединили более 3,5 тысячи киевлян. Большинство из них составляли коммунисты и комсомольцы.

Огромную роль в мобилизации украинского народа на борьбу с фашизмом сыграло Обращение Центрального Комитета КП(б)У, Президиума Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров республики к украинскому народу от 7 июля.

«Настало время,— говорилось в обращении,— когда каждый, не щадя жизни, должен до конца выполнить священный долг перед Родиной, перед своим народом. Где бы ни появился враг, он должен найти себе могилу. Пусть каждая хата, каждый дом, пусть каждый город и село несут смерть гитлеровским разбойникам».

В те жаркие июльские дни в Киеве на всех предприятиях, во всех учреждениях проходили бурные митинги, на которых люди взволнованно и горячо обсуждали, как лучше делом ответить на это обращение. На массовых митингах выступали руководители партии и правительства Украины.

Трудящиеся единодушно заявили: «Мы сделаем все для разгрома ненавистных агрессоров».

На одном из митингов рабочий паровозостроительного завода П. К. Лукашевич так выразил настроение своих товарищей: «Мы готовы в любое время вместо зубила и молотка взять винтовку, сесть в танк, стать к пушке». И это были не пустые слова. В короткий срок Киев дал на пополнение Красной Армии 200 тысяч бойцов и командиров. А сколько добровольно вступило в ополченцы, ушло в партизаны!

В газетах было напечатано письмо киевских рабочих, оставшихся на трудовой вахте:

«Фашистские бандиты напали на нашу Родину. Коварный враг встретил организованный отпор народа-богатыря, его героической Красной Армии. Трудящиеся столицы Советской Украины в этот грозный час сплочены, как никогда, и показывают пример самоотверженности. С предприятий города на фронт ушла часть рабочих. На их место встали их жены и дочери. Упорным трудом крепят они мощь любимой Родины.

Мы обращаемся к вам, товарищи металлурги, горняки, машиностроители, нефтяники, железнодорожники, рабочие и работницы легкой промышленности, с призывом множить производственные успехи, увеличивать производительность труда, быть достойными нашей славной Красной Армии, которая защищает свободу, культуру и прогресс человечества всего мира и несет смерть фашизму».

Киевские рабочие героическим трудом показывали достойный пример всем трудящимся Украины. Рабочие и инженерно-технические работники заводов «Ленинская кузница», «Большевик» и других начали осваивать производство и ремонт отдельных видов боевой техники и вооружения. Паровозоремонтники строили бронепоезда, которые сыграли важную роль в обороне города. 7 июля был готов первый бронепоезд. На нем было установлено несколько пушек и свыше 40 пулеметов. Примечателен тот факт, что на место требовавшихся на укомплектование его команды 120 добровольцев добивались зачисления 10 тысяч рабочих. Командиром первого киевского бронепоезда стал заместитель начальника политотдела Юго-Западной железной дороги А. С. Тихоход.

Вскоре первый свой бронепоезд проводили в бой и рабочие Дарницкого вагоноремонтного завода.

Рабочие Киева стали костяком народного ополчения. К 8 июля в городе было сформировано 19 отрядов ополчения, численность которых достигла 29 тысяч человек, из них 22 тысячи — коммунисты и комсомольцы. Кроме того, молодежь Киева создала особый комсомольский полк народного ополчения.

Во главе частей и подразделений народного ополчения вставали, как правило, коммунисты. Ополченцев завода имени Ф. Э. Дзержинского возглавил директор М. Г. Авасафян, ополченцев фабрики имени Карла Маркса — директор Н. Н. Слободской. Так было почти на всех предприятиях.

Одновременно с созданием народного ополчения развернулась работа по организации партизанского движения и созданию партийно-комсомольского подполья в тылу фашистских войск.

С первых же недель оккупации гитлеровцы остро ощутили всю силу ненависти населения Украины. Не хлебом и солью встречали фашистских захватчиков. Партизаны рассказали нам, что, когда в одно село на Житомирщине вошли немецкие танки, навстречу им выбежал старик и с криком «Смерть фашистам!» бросил в головной танк гранату. Он, безусловно, понимал, что идет на верную гибель. Но ненависть к врагам была сильнее страха смерти.

Убедительнее всего об отношении населения к оккупантам свидетельствовали сами гитлеровцы. Рядовой Мюллер в конце июня записал в своем дневнике: «Здесь, в тылу, приходится воевать с партизанами. Мы не находим покоя целый день. Осторожность нужна на каждом шагу. Всюду партизаны».

А ведь это было только начало!

ЦК КП(б)У принял специальное постановление об организации партизанских отрядов и подготовке партийно-комсомольского подполья в оккупированных районах. Это придало еще более широкий размах партизанскому движению.

Партизанские отряды, созданные Киевской партийной организацией, доставили врагу много бед. Взять хотя бы первый киевский партизанский отряд. Он именовался «Победа или смерть». Ядро его составляли рабочие «Арсенала», в их числе ветераны завода Величко, Харченко, Тальянов, Гончар, участник гражданской войны Пархоменко и другие товарищи. Командиром отряда стал участник гражданской войны, член партии с 1917 года С. П. Осечкин, а комиссаром — секретарь Уманского райкома партии Г. П. Карнаух.

В первом же бою 7 августа отряд уничтожил 350 гитлеровцев. В стычке с оккупантами в районе Остера было уничтожено еще около 500 фашистов. Отряд оказывал большую помощь нашим войскам, прорывавшимся из окружения. За время обороны Киева он совершил более тридцати нападений на гитлеровцев, уничтожил несколько сот вражеских солдат, 10 танков и бронемашин, более 50 автомашин, подорвал 10 мостов, захватил 200 пулеметов, 250 автоматов и 4 тысячи винтовок.

Широко прославились своими боевыми делами и остальные 12 партизанских отрядов, сформированных Киевской партийной организацией.

Кроме партизанских отрядов, были сформированы еще два партизанских полка, оказавших большую помощь нашим войскам.

Воины Юго-Западного фронта повседневно ощущали помощь жителей славного города-героя. Наши войска имели крепкий и надежный тыл. Это было самым наглядным проявлением неразрывного единства армии и народа.

Жители Киева возводят баррикады.

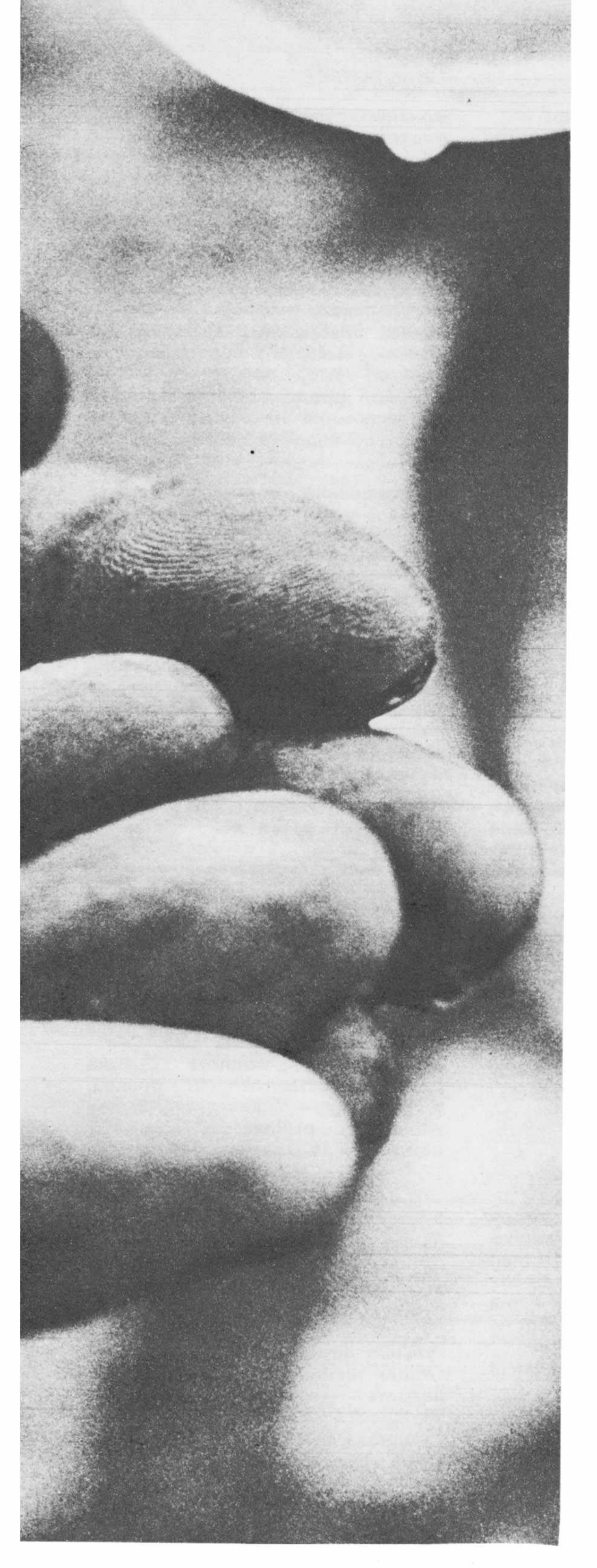

Шлапковские касатики...

СЕМИКАРАКОРСКИЕ ПРУДЫ

Михаил АНДРИАСОВ

Фото М. САВИНА.

Долгожданная минута.

1

Небывалая жара стояла летом на донской земле. Ртутный столбик поднимался до сорок пятой отметки. Полыхал тропический зной.

Тяжко работать в такую пору. Как спасительный оазис, манит к себе зеленоватый разлив Дона, мерещится тень прибрежной рощи, зовет бегущая за курганом, занесенная пылью и обоженная солнцем, все еще густая лесопосадка. А донские поля как раз в это самое пекло, как никогда, жаждут руќи человека.

Семикаракорский райком партии. С чем сравнить его в эти трудные, напряженные дни? Разве что с боевым штабом: напряженная работа, воспаленные от бессонницы глаза, сводки, отвоеванные трудом и потом...

Первый секретарь Семикаракорского райкома партии Степан Иванович Шамрай немногословен:

— Да, жаркое лето на Дону...

Я знаю этого человека с первых послевоенных лет, когда вернувшийся с фронта молодой танкист, что говорится, не снявши солдатской гимнастерки, направился на донской хутор Веселый, где его вскоре избрали первым секретарем райкома комсомола. Потом годы партийной работы в Семикаракорах.

Раннее утро. В кабинете Шамрая оперативное совещание. Съехались директора совхозов, секретари парткомов, председатели сельсоветов. Только что район первым на Дону выполнил главную заповедь — продал государству один миллион семьсот тысяч пудов хлеба. И тем не менее хлеб — всего лишь начало. Семикаракоры — один из самых многоотраслевых районов на юге России. Нынче здесь рядом с хлебом насущным — овощи, мясо, фрукты, рыба, птица, молоко, восемь (подумать только!), восемь виноградарских совхозов! И все это в объемах весьма ощутимых.

Район продаст стране в этом году шестьдесят пять тысяч тонн овощей, двадцать две тысячи тонн фруктов и винограда, тысячу тонн прудовой рыбы.

Какая же сложилась в хозяйствах обстановка?

Слово директору Ново-Золотовского овоще-молочного совхоза Николаю Ивановичу Бударину:

— Овощей уродилось много. Нужда в транспорте, в людях. Дороги каждый час, каждая минута.

Степан Иванович связывается по телефону с соседним городом. Секретарь Шахтинского горкома партии Юрий Семенович Казанцев твердо обещает:

— Людей пришлем. Это же и для наших шахтеров...

Говорит директор Висловского виноградарского совхоза Андрей Тарасович Алейников:

— Заканчиваем на соко-винном заводе реконструкцию технологических линий. Улучшится обработка винограда — повысится и количество продукции. Выращиваем шестьдесят одну тысячу уток. Трудности? Кончились минеральные корма.

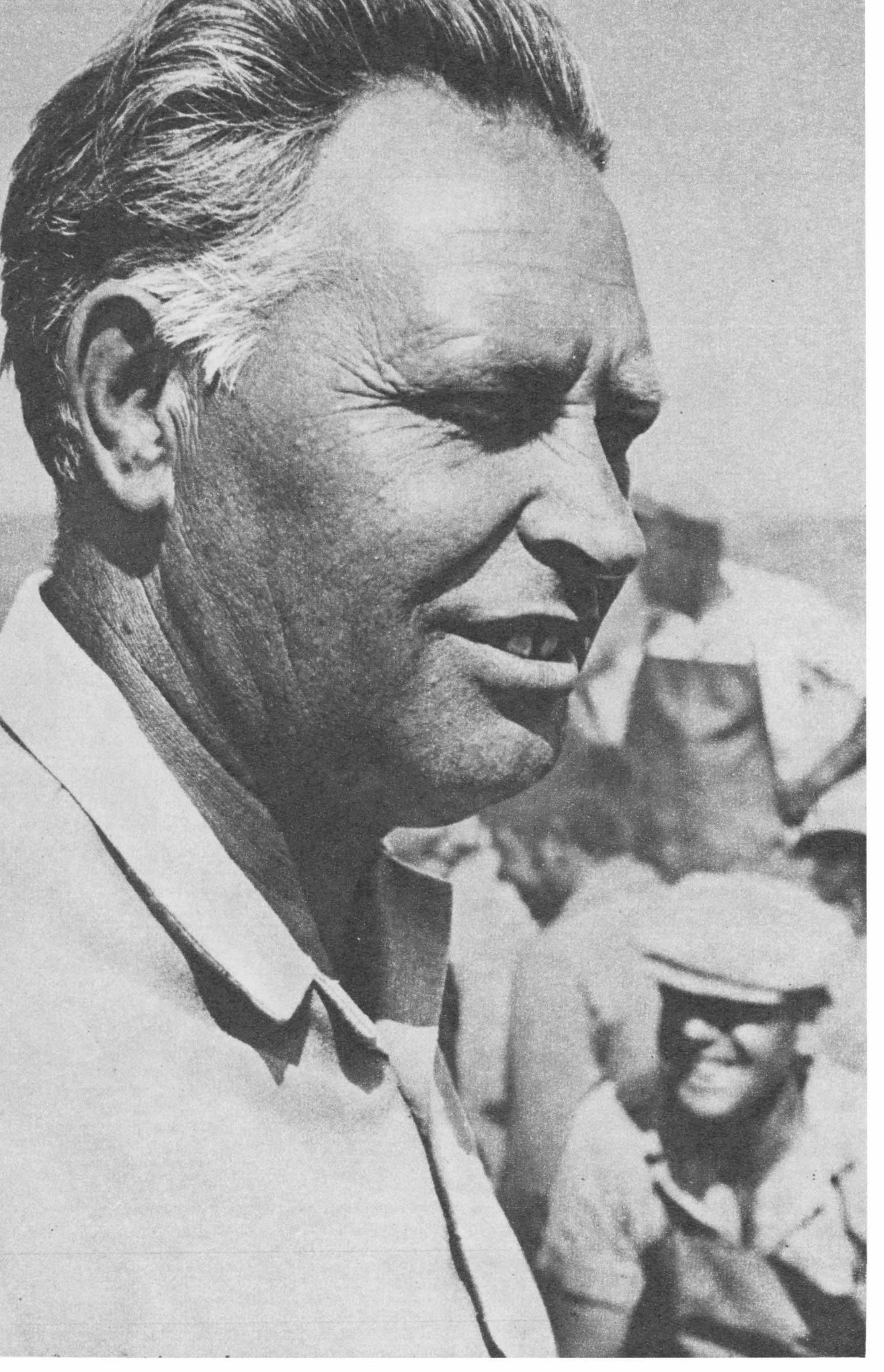
Шамрай:

— Кто поможет висловцам?

— Мы,— откликается директор Задоно-Кагальницкого птицесовхоза Степан Васильевич Милиткин.— Сегодня же подбросим вам минеральных кормов,— обещает он Алейникову.

— А как у тебя дела, Иван Васильевич?

Секретарь райкома поворачивается в сторону Абрамова — председателя рыболовецкого колхоза «Заветы Ильича». Это единственный колхоз района.

Председатель колхоза «Заветы Ильича» Иван Васильевич Абрамов.

— Сколько же конкретно?

— В семидесятом дали восемь тысяч центнеров рыбы. В семьдесят пятом — двадцать четыре тысячи центнеров.

Шамрай закрывает оперативку напутствием:

— В добрый час!

2

Кто шел дорогами войны, тот не скажет, что под огнем были легкие тропы. На переднем крае великого сражения таких тропинок не было.

Разведка — профессия самых бесстрашных и самых спокойных. Именно таков донской казак с хутора Мостовского, что возле станицы Семикаракорской, Иван Васильевич Абрамов.

На фронтовые дороги Иван вышел, когда ему пошел девятнадцатый. Служил в кавалерийском корпусе. Не зря ведь он сын первоконника, буденновца Василия Антоновича Абрамова.

Со своим взводом разведки Иван Абрамов совершал глубокие рейды по тылам фашистов, нападал на гитлеровские гарнизоны, добывал ценные документы, брал «языков», бросал под откос воинские эшелоны, взрывал мосты...

В сорок третьем, когда он со своими разведчиками громил фашистов в Бородянских лесах на Украине,— в ту самую зиму в родной донской степи на Ивана обрушилось тяжкое горе: фашистские каратели казнили его отца — организатора одного из первых донских колхозов. Вместе с отцом расстреляли и младшего брата — шестнадцатилетнего Алекана... О, как ожесточилось сердце лейтенанта!

В логове Гитлера отгремели последние залпы войны...

Еще в конце тридцатых годов Иван окончил в соседней станице Константиновской зоотехнический техникум. И все же верх брала другая неуемная страсть — она жила в нем с детских лет — страсть рыболова и охотника.

Случается, у Ивана Васильевича спрашивают:

— Откуда у вас такое тяготение к «искусственной» рыбе? Разве поредела рыба в Дону?

Абрамов начинает полушутливо:

— Любовь к карпу началась с московского ресторана. Было это в сорок пятом. Возвращаясь с фронта, заехал в столицу. Где-то в центре зашел в ресторан. Официант любезно предложил свежей рыбки. Это мне-то, сыну Дона! «Ну что ж, давайте». Зажаренный в сметане небольшой карпик оказался просто объедением. Но вот настала грустная пора расчета. «Сколько с меня, товарищ официант?» «Ровно восемьдесят семь рублей, товарищ офицер». «Сколько?» «Восемьдесят семь рублей»,— очень внятно повторяет он. Стало ясно — официант не ошибся. «Да вы не сомневайтесь, рыбка-то у нас живая...» «Живая?» «Пожалуйста, пойдемте покажу». В соседнем зале с высокими позолоченными стенами увидел я в беломраморном бассейне, наполненном чистой водой, сверкающих под электрическим светом зеркальных карпов...

Эта картина, как сказочное видение, запомнилась Ивану Васильевичу на всю жизнь. И когда в шестьдесят первом году ему предложили принять пришедший в упадок рыболовецкий колхоз, не убоялся. Он хорошо знал, в чем беда оскудевшего хозяйства. Рыбаки колхоза «Заветы Ильича» раньше ловили рыбу в Дону. Там был и сазан, и лещ, и судак, и рыбец, была и красная рыба... К сожалению, когда русло Дона зарегулировали плотинами, прекратились безбрежные весенние паводки, высохли нерестилища,— «дикая» рыба пошла на убыль.

Новый председатель в который раз вспомнил того самого ресторанного карпика сорок пятого года...

Укрепление колхоза Абрамов начал с укрепления людских душ. Нет, колхозники не отлынивали от трудностей. Просто их осталось в артели очень мало, молодежь почти вся ушла в город. Те, что теперь ходили на катерах в Азовское и Цимлянское моря, были потомственными рыбаками. Они дожили до пенсий и продолжали трудиться, и, скажем откровенно, многие из этих донских казаков очень мало верили в успешное разведение «искусственной» рыбы.

Воля фронтового разведчика, его удивительные дела заставили донцов поверить в чудодейственную силу построенных прудов. Прошло всего несколько лет, и что же — сопоставьте уловы колхоза времен «дикой» рыбы с неводами от прудовой. В первом случае доходы за целый год составляли 63 180 рублей, во втором за 1970-й —696 000 рублей. Доходы увеличились в десять раз. Годовой заработок одного рыбака раньше составлял 288 рублей, в 1970 году — 2 200 рублей. Вылов на одного рыбака: прежде — 31 центнер, в 1970 году — 274 центнера рыбы.

Поверили! Взялись за новые пруды. Их строили в обмелевшей пойме реки Сал — притока Дона, на заболоченных, непригодных землях, использовали старые, запущенные огороды, забытые озера... Нынче в колхозе семь нагульных прудов и пять выростных. Общая площадь — восемьсот тринадцать гектаров. Она намного увеличится в ближайшие годы. Предполагается, что к концу девятой пятилетки под прудами будет тысяча шестьсот гектаров. Создаются водоемы на хуторах Вислом и Слободском.

Семикаракорские казаки поверили в прудовую рыбу, стали охотно переключаться на «посев» и выращивание незнакомых ранее для них сортов: толстолобика, карпа, белого амура... В первые годы посадочный материал покупали в Ставропольском и Краснодарском краях. Теперь мальков выращивают в своем питомнике. И надо видеть, сколько нежности, какую трогательную, буквально материнскую заботу отдают колхозники этим крохотным рыбкам.

Во второй бригаде, где занимаются выращиванием молоди карпа, я познакомился со старым рыбаком Иваном Павловичем Шлапковым. Несмотря на возраст, он выглядит былинным богатырем. С большими, затвердевшими от ветров и холодной воды руками, он стоит на земле, как кряжистый дуб. Ивану Павловичу давно пришла пора отправиться на заслуженный отдых, но когда он увидел, какие дела начались в колхозе, Шлапков решительно отказался отсиживаться в родном ку-

Иван Васильевич встает. В его высокой, стройной фигуре легко угадывается военная выправка. Мужественное, с правильными чертами, русское лицо. Негромкая, спокойная речь. Русые волосы зачесаны назад. В светло-серых глазах будто отразилась вся прожитая жизнь: ее бесчисленные суровые испытания, радости, которые не очень-то баловали Ивана. Сколько раз на войне в эти светло-серые глаза заглядывала смерть, и сколько раз она тушевалась перед волей собранного, как пружина, семикаракорского казака.

— Скоро и у нас страда. Привесы хорошие. Рыбы много. Жирует. К началу отлова готовы.

В проницательных глазах секретаря райкома невысказанная гордость этим человеком. Абрамов не подведет. Такого за ним не бывало. Каким отважным разведчиком был на войне! В двадцать два года возглавлял разведку кавалерийского корпуса. На фронте стал коммунистом. В каких переделках бывал! Впрочем, об этом говорят боевые награды разведчика: орден Ленина, Красного Знамени, три ордена Отечественной войны. И самое отрадное: Абрамов был разведчиком на войне, им он остался и в мирной жизни. Ведь это он разведал и утвердил в экономике Дона столь выгодные, богатые пути прудового разведения степной рыбы.

— Колхоз план выполнит? — спрашивает Шамрай.

— Своему слову мы хозяева.

— У меня к тебе, Иван Васильевич, еще один вопрос. Помнишь, на пленуме райкома мы просили колхоз продумать, какие у вас будут наметки на последний год девятой пятилетки?

— Хорошо помню.

— Ну и что?

— Продумали, Степан Иванович. Чтобы легче было запомнить, решили итоги семидесятого утроить.

— Чтобы легче было запомнить?

— Вот именно.

рене и сам пришел на пруды, где выхаживают мальков.

— Сорок лет ходил я за рыбой, искал ее в самых разных морях и реках,— говорил мне Иван Павлович.— Никогда не думал, что на старости доведется выхаживать этих карповых крошек. Они же чисто как дети малые: только выйду на лодке кормить их, а они, мои касатушки, тут как тут, враз меня узнают. Издали заприметят — сразу бросаются тучей... Выхаживаешь их, как та нянька, следом ходишь...

— Много молоди вырастила в этом году бригада?

— Три миллиона триста тысяч карпиков.

— Значит, в будущем году не будем покупать мальков,— замечает секретарь партбюро колхоза Иван Михайлович Благородов.

Спускаемся к небольшому пруду. Иван Павлович закидывает в воду сачок и тут же вытаскивает. В сетке трепещет стайка мальков.

— Не бойтесь, не бойтесь, мои родные касатики,— ласково говорит старый рыбак и бережно зачерпывает ладонями карпиков-младенцев.

— В каждом из них сейчас граммов двенадцать,— объявляет Шлапков.— Доведем до двадцати пяти, и пусть себе гуляют в прудах.

Секретарь партбюро рассказывает о совещании, что не так давно проводилось в колхозе. Приезжали рыбоводы курские, краснодарские, ростовские, волгоградские, из Тюмени, Куйбышева, Оренбурга... Не зря совещание называлось всероссийским.

Поверили казаки! И старые и юные. Потянулась в «Заветы Ильича» молодежь. Заведовать методкабинетом пришел двадцатичетырехлетний комсомолец, семикаракорский казак Анатолий Антипов, только что окончивший специальный институт. На должность главного рыбовода артели назначили русоголового, цвета семикаракорской пшеницы, молодого Сашу Борисова. Вступил в колхоз и Николай Бурлуцкий — красивый степной парень с черными как смоль, жгучими цыганскими глазами... Николай — моторист, работает на совесть, пользуется уважением рыбаков. Дед Бурлуцкого — кузнец Иван Епифанович — десятилетиями мотался в кибитках, искал заветное цыганское счастье. Увы, оно было призрачным, как марево в степи... На семикаракорской земле нашел внук кузнеца и радостный труд и красавицу жену — Любу Рыбакову, подарившую ему двух прелестных девочек...

Ваня Абрамов еще ребячьими глазами присматривался к труднообъяснимой жизни рыб. Небольшое озеро от реки Сал отделяла узкая, примитивная плотина. Сазаны, что говорится, рвались к проточной речной воде. Они бросали себя на плотину и, отчаянно вскидываясь, добирались до реки. Как-то хуторские мальчишки обнаружили эту сазанью переправу и стали было руками хватать перебежчиков. Однако сазаны не такие простаки. Они отступили, отошли от плотины. Но некий старый рыбак все-таки перехитрил сазанов. Дед укрылся в тихом месте и стал терпеливо ждать. Сазаны снова пошли. И началась работа, похожая на конвейер: старик хватал руками ближайшую рыбу и в это же мгновение бросал в реку камешек. Всплеск упавшего в воду камня создавал у сазанов впечатление, что их собрат благополучно перебрался через преграду. Последующие сазаны прыгали увереннее и... вместо Сала попадали в сумку деда.

Еще одно давнее интересное наблюдение Абрамова. Сазаны разведали канал, который давал им возможность перебраться из озера в ту же реку Сал. Но вот беда — в пересохшем канале было очень мелко. Глубина воды едва достигала пяти сантиметров. Что же придумали рыбы? Припадая своими телами друг к другу, они как бы возводили плотину, преграждая путь воде. Уровень ее в канале повышался, и сазаны пробирались в Сал.

Иван Васильевич хорошо знает рыбьи повадки. Он любит, тонко чувствует, хорошо знает природу. Какую надо иметь редкую наблюдательность, с каким пристрастием надо любить природу, чтобы так проникновенно заглядывать в ее бесконечные тайники...

Осенняя страда в колхозе началась. Я видел первое притонение невода. В нем кипела, металась тридцатитонная масса карпов, белых амуров, толстолобиков...

Живая, серебряная буря!

На загорелых, обветренных лицах рыбаков струйки пота, улыбка человека, который упорно шел к своей цели, и вот он увидел ее, желанную... Сколько трудился он на эту счастливую минуту, не знал покоя ни днем, ни ночью, бережно выкармливал рыбу, зорко охранял ее от любителей поживиться за счет другого. Позади остались и лютый мартовский ветер, и небо, вспоротое ножами молний, и острые, густые заросли камышей... Вместе со всеми не знал покоя и председатель. Бывало, ночью заторопится, наскоро оденется...

— Ты куда, Иван?

Думал, не слышит. Услышала Клавдия Николаевна, жена, рослая, статная казачка.

— Буря поднялась. Браконьеры любят лихие ночки. Надо потревожить их...

В другой раз:

— Куда в такую темень?

— Не спится, Клава. Поеду в Кузнецовку. Там неладно с кормораздатчиком.

В третью ночь:

— Опять запрягся. Куда тебя?

— В бригаду Самсонова, Клава. У них на зорьке контрольный лов...

И так изо дня в день. Абрамов на посту!

...На берегу живую рыбу грузят в специальные автомашины. На борту емких цистерн всего два слова: «Живая рыба». Машины берут курс на Ростов, Шахты, Новочеркасск, Каменск, Красный Сулин и, конечно же, на родную станицу Семикаракорскую...

Сгущаются сентябрьские сумерки. Кончился первый день отлова. По давней традиции рыбаки варят на костре первую уху путины. До чего же она хороша, рыбацкая уха, приготовленная Григорием Максимовичем Мельниковым!

— Рыбколхоз «Заветы Ильича»,— говорит управляющий Ростовским рыбопромышленным трестом Степан Федорович Колкин,— лучшее прудовое хозяйство России, одно из самых продуктивных в стране.

Хозяева семикаракорских прудов смело заглядывают в грядущие годы. В десятой пятилетке они намечают дать стране сто тысяч центнеров рыбы. Это больше того, что еще несколько лет назад выращивалось во всех прудах Министерства рыбного хозяйства Российской Федерации.

...Летом нынешнего года к четырнадцати фронтовым орденам и медалям разведчика-председателя прибавилась еще одна почетная правительственная награда — орден Октябрьской Революции. Орденом «Знак Почета» награжден руководитель четвертой бригады опытный рыбак Иван Пафнутьевич Самсонов. Сердечные слова благодарности услышала рыбацкая мать — так от чистого сердца говорят артельщики о Наталье Ивановне Батиенко. Нелегкие годы морщинами залегли у глаз старой рыбачки, посеребрили голову, но не тронули ее доброй и щедрой казачьей души. Из пятидесяти восьми прожитых лет она почти сорок пять отдала фамильной профессии. Дочь рыбака, жена рыбака, Наталья Ивановна воспитала целое поколение тружеников голубых ферм.

Рыбаков венчают благородными званиями, учрежденными самими колхозниками: «Лучший рыбак», «Лучший бригадир», «Заслуженный работник колхоза», «Ветеран труда».

...Многое видала станица Семикаракорская. Через год ей исполнится триста лет. Живет на Дону такое предание: в семнадцатом столетии из соседнего хутора Старая станица переселились на левый берег степной реки семеро братьев — казаков Каракоровых. Так и пошла Семикаракорская...

Легенды, предания старины глубокой... Их много на Дону. В одном из них рассказывается об острове-урочище «Дубы», что недалеко раскинулся от станицы. На «Дубах», говорят, провел свои последние вольные дни казак Степан Разин.

Донские степи хорошо помнят огневые атаки буденновцев, и был среди них лихой рубака Яков Медный — семикаракорский казак, ординарец Олеко Дундича...

Ныне район гордится многими — такими, как Герои Социалистического Труда: виноградарь Кочетовского винсовхоза Афанасий Афанасьевич Лунев, овощевод Донского плодоовощного совхоза семидесятилетняя Елена Даниловна Блинова, бригадир тракторополеводческой бригады Иван Иосифович Васюков, первый секретарь Семикаракорского райкома партии Степан Иванович Шамрай...

По итогам восьмой пятилетки в районе награждены орденами и медалями двести пятьдесят два человека. Орденом Октябрьской Революции увенчан коллектив Золотаревского зернового совхоза. Похоже, недалеко время, когда орденоносным станет весь Семикаракорский район. Да будет это сказано в добрый час!

Давно известно: слава рождается в труде. Она ярко горит над старинной, но такой удивительно молодой донской станицей, над волшебными семикаракорскими прудами.

Ростовская область.

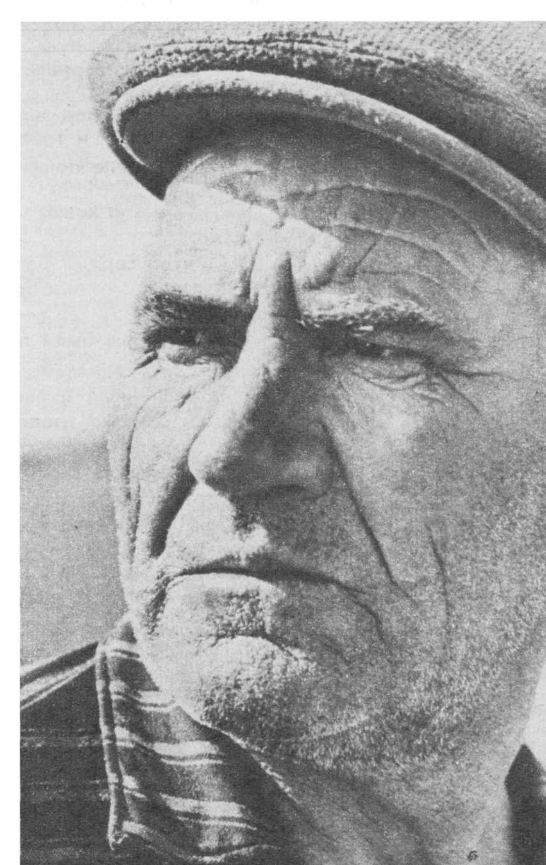

Демобилизованный солдат Геннадий Егоров вернулся в родной колхоз.

Семикаракорские пруды.

Иван Павлович Шлапков — воспитатель карпиков.

Владимир **КОТОВ**

ЛИЧНОЕ

ПРИВЕТ ТЕБЕ, ДРУГ И ТОВАРИЩ!

Бег современности неумолим,
встает
тот, кто раньше рабом был;
и факт,
что не нам,
не Советам,
а им —
миллиардерам, мешкам золотым —
нужно,
чтоб падали
бомбы.
Шаг капитала кровав и тяжел,
гибнут
под бомбами
дети...
Частная собственность —
корень всех зол,
корень всех войн на планете.
И еще —
вышли боком,
не удались
авантюры, бои, провокации,—
и последняя ставка:
капитализм
перессорить желает
все нации.
И потому-то,
в натуге сопя,
бросает Его Препохабие
сионизм
и расизм
на защиту себя
и все прочее
препоганое.
Но я знаю:
он зреет,
девятый вал
истории,
к свету стремящейся,
я славлю
Интернационал —
союз боевой всех трудящихся!
И пусть на меня
ты совсем не похож,
по-своему
кашу ты варишь,
но если ты рядом
под знамя встаешь,
привет тебе, друг и товарищ!
Судим мы, нет, не по цвету волос,
не по языку,
не по коже;
мне надо,
чтоб сердце
к тому же рвало́сь,
чтоб в главном
мы были похожи!
А если,
загаженный целью иной,
крадешься кривою тропою,
то будь ты хоть кто,
хоть брат мой родной,
мы встретимся в схватке с тобою!
Советский Союз наш, рожденный в бою!
О, сколько же
бедами,
битвами
силу твою,
крепость твою
наши враги испытывали!
И снова мечтают тебя расколоть,
атаки ведя «утонченные»,
но дружба народов
есть наша плоть,
единою кровью
скрепленная.
Я знаю,
грядет он, девятый вал,
отряхнет планету
от нечисти.
Я славлю
Интернационал,
ленинское человечество!
Быть может, поэзия эта груба,
но ты,
о которой грезил я,
за счастье трудящихся мира
борьба,
ты высшая наша поэзия!

ЧТО ТАКОЕ ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ!

I

Что такое личное счастье?
Раскрутился
из почки
листок
и соседям пропел с юной страстью:
«Ах, как жизнь хороша! Восторг!»
Он еще молодой был, зеленый,
был пока еще вежлив и тих.
Видел:
листьев вокруг миллионы,
надо жить и расти среди них...
Время шло,
время яростно мчало,
и услышали листья, дивясь:
— Солнца мало мне,
влаги мне мало!
Мало места мне среди вас!..
Завертелся наш листик на ветке,
всех старался собой заслонить:
— Я листок ч-ч-чрезвычайно редкий!
И со мной вам себя не сравнить!
Я достоин иного. Смекайте!..
Вашей массою я удручен.
Как умен я!
И как элегантен!
Как я выточен и утончен!
Чтоб меня не затерли, беднягу,
чтоб жиреть мне и днем и в ночи,
пусть земля
мне отдаст всю влагу,
и пусть солнце
отдаст все лучи!
А для вас — небольшая потеря.
Прозябать вам в своей судьбе!
Ничего не отдам я и дереву!
Я свободен.
Я сам по себе!
Так
собою
листок занимался.
Так
над всеми себя поднимал...
Довертелся.
И оторвался!
Полетел...
Пожелтел...
И пропал!..
Что ж такое личное счастье?

II

«Что такое личное счастье? —
лист зеленый
другой
рассуждал.—
Для чего принимать мне участье
в жизни дерева?
Я ведь так мал!
И какими бы дни ни казались,
спрячусь дальше, покой свой храня!
Чтоб дожди ко мне не прикасались,
чтоб ветра не трепали меня...
Ну, а ствол пусть хоть сохнет,
хоть мокнет,
не хочу в суете я тощать!
А гроза налетит,
ну и бог с ней,
я не буду
других защищать...»
Вот ударила буря жестоко,
рухнул ствол,
и беда пришла...
И погиб наш листок,
листочек...
Ну, а что он один,
без ствола?
Это сказ о единстве,
о верности
и о том, как беречь нам свое.
Вы мне скажете:
мысль на поверхности,
ну, а я и не прятал ее!
Что ж такое
личное счастье?..

III

Нет! Не будет
ни влаги, ни тени
без волшебной, могучей листвы!
Тимирязева «Жизнь растений»,
я надеюсь, читали вы?
Не надет еще бурям намордник,
но тугая листва не слаба...
Каждый лист —
это честный работник,
и поэзия!
И борьба!
В каждом
маленький воин кроется,
каждый лист
выпить солнце готов,
превращая его в сокровища
величавых, могучих лесов.
В дни погожие и непогожие
на посту он встречает рассвет...
Ну, конечно,
есть листья похожие,
только двух одинаковых
нет.
До того,
как он станет золотцем,
и падет,
и растает во мгле,—
каждый лист —
это связь
Земли
с Солнцем,

СЧАСТЬЕ

это песня
и Жизнь
на Земле!
Что ж такое личное счастье?..

КОММУНИСТЫ ЖИЗНЬЮ СИЛЬНЫ

Дорвавшаяся,
озверевшая,
тени всех гитлеров радуя,
вот опять
коммунистов вешает
буржуазная
«демократия».
Мало
побоищ
намешано,
мало
сокровищ
награблено,
вот опять
патриотов вешает
буржуазная
«демократия»...
Ко всем кандалам и бедствиям
визг
«устрашающей мести»;
под ухмылки
«суда и следствия»
расправа
гремит на месте.
Капитал
не играет,
не тешится,
за добычей по свету труся,
он вон так
за свободу
держится —
за свободу
душить
все и вся!
Под какой бы ни лез
редакцией
в новорожденный дом
старый мир,
так
всегда будет там,
где реакция
победит,
ну, хотя бы на миг...
В тяжких схватках
победу
народы
добывают нелегкой ценой.
Коммунисты
и патриоты
вместо павших
встают
стеной.
Смерть поправ,
коммунисты
все выстоят
ради счастья
земли
и страны!
Жизнь сегодня
сильна
коммунистами,
коммунисты
жизнью
сильны!

КАК ПОДОБАЕТ БОЙЦУ

С давних времен это было известно —
мудрость сию береги! —
все, как положено быть,
все на месте,
если
ругают
враги.
Что там неясного в этих «сюрпризах»?!
Враг на врага и похож!
Ярость врага — замечательный признак
того, что ты верно живешь!
Но если твой недруг
что-то замялся
и вдруг похвалил —
примечай! —
где оступился, смотри,
где ты сдался,
где подыграл невзначай?..
Если ж и сам ты приник
к медословью,
знай:
нет двух логик в борьбе.
Понравиться хочешь врагу?
Новой кровью
твой флирт отольется тебе!
Это давно доказала история,
не повторяться пора!
Игра в поддавки —
нет, не мудрость! —
И стоила
каждому, кто затевал ее,
стоила
дорого
эта игра!
Ругань, конечно, не высшая радость.
С нею не ходят к венцу.
Но ругань врага
ты носи,
как награду,
как подобает бойцу!

* * *

Небо ночное в задумчивой вечности,
но не пуста высота!
— Вглядись,—
эта вечность
полна
человечности,—
так мне шепнула звезда.
Правда иль нет —
догадаться не просто мне,
но мысль вдруг кольнула иглой:
светлые души
становятся
звездами,
темные —
черною мглой.
Пусть растворяют их
в утренней роздыми
сутки своею игрой,—
светлые души
становятся
звездами,
темные —
черною мглой.
Светлые души
становятся
звездами!

Вот она, плавучая дача.
Фото И. Яицкого.

ДАЧА ИДЕТ В ПЛАВАНИЕ

Симпатичный домик, тихо раскачиваясь на волнах Русановского пролива, готов отправиться в свое первое путешествие по Днепру или, может быть, по Десне. Это уж как пожелает сама плавучая дача. Выберет она приглянувшееся местечко покрасивее, поживописнее, и домик буксируется туда катером. А пока что люди, выходившие из вагонов метро на станции «Гидропарк» — одном из днепровских островов Киева, — с интересом осматривали новинку.

В самом деле, что еще нужно человеку, решившему отдохнуть и провести отпуск с семьей на лоне природы. Плавучая дача просторна: две каюты-комнаты, мебель, кухня, подсобные помещения, открытая веранда под тентом.

О том, как создавался уютный передвижной уголок, нам рассказал Мстислав Владимирович Качаровский — начальник городской водно-моторной пристани. Все делалось руками рабочих судоремонтных мастерских. Кто-то увидел плавучую дачу на Волге, кто-то прочитал о том же в каком-то журнале. В Киевском научно-исследовательском институте быта разработали свой вариант. И вот первая ласточка на плаву. Ну а дальше?..

Начальник городского управления бытового обслуживания Василий Григорьевич Апостолов раскрыл нам свои планы. В мастерских нынче заложено еще пять плавучих дач. Они строятся, хотя и не без мытарств,— не хватает нужных материалов. Но в управлении хотят во что бы то ни стало в этом сезоне спустить на воду двадцать дач. Потом станут изготовлять новые образцы, усовершенствованные, с мотором, чтобы дачи могли передвигаться своим ходом, без буксировки. Как говорится, земля слухами полнится. Василий Григорьевич сказал, что заявки на аренду плавучих дач поступают отовсюду: из Мурманска, Сибири, Средней Азии, желающих хоть отбавляй.

Вот и подумалось нам: не пора ли полукустарное производство, что держится на отдельных энтузиастах, перевести на более широкие рельсы? Сколько чудесных рек и озер на карте нашей страны! Не в мастерских бы дачи выпускать, а на настоящем заводе, на верфи, и не поштучно, а партиями, как выпускаются автомобили или мотоциклы. И государству доход и людям удовольствие.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

«РЕПЕТИЦИЯ БАЛЕТА НА СЦЕНЕ». 1878—1879 гг. Нью-Йорк, музей Метрополитен.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Дега

1862 год... Ничем особо не примечательный в истории французского искусства XIX века. Можно сказать: жизнь шла своим чередом.

В роскошных ателье маститые корифеи Салона писали свои шикарные многометровые и малогабаритные холсты, заранее вставленные в дорогие лепные золотые рамы. Целый сонм искусствоведов, критиков, репортеров отражал каждый шаг рождения новых «шедевров» салонного искусства Франции.

Вот несколько строк, рисующих то время:

«Венера» Кабанеля, выставленная в официальном Салоне... «Распутная и сладострастная», она тем не менее была признана «ни в коей мере не безнравственной» и очаровывала всех зрителей, потому что, как определил один из критиков, у нее «ритмичная поза, изгибы ее тела приятны и сделаны в хорошем вкусе, грудь юная и живая, округлые бедра совершенны, общая линия гармонична и чиста». Это совершенно незначительное, но в высшей степени соблазнительное произведение было не только куплено императором, но принесло автору ленточку Почетного легиона и избрание в члены Академии.

Салон задавал тональность потоку заказной живописи, он предъявлял свои требования, создавал вкусы. Сюжеты из мифологии, мелкий жанр, слащавые ню устраивали правящие круги, импонировали буржуазии. Подальше от реальности — вот кредо Салона.

«Мы предпочитаем священную рощу, где бродят фавны, лесу, в котором работают дровосеки; греческий источник, где купаются нимфы, фламандскому пруду, в котором барахтаются утки; и полуобнаженного пастуха, который вергилиевским посохом гонит своих баранов и коз по сельским тропкам Пуссена, крестьянину с трубкой во рту, взбирающемуся по рейсдальевской горной дороге».

Это не значит, что в экспозицию Салонов не попадали иные полотна. Но к ним отношение было суровое. Вот слова, которые были произнесены по поводу картин Милле. Но они с тем же успехом относятся и к холстам Курбе, Домье...

«Это,— объявлял граф Ньюверкерке, императорский директор департамента изящных искусств,— живопись демократов, тех, кто не меняет белья, кто хочет взять верх над людьми высшего света. Подобное искусство мне не по вкусу, оно внушает отвращение».

Кабанель и Домье. Лакированная пустышка и художник, про которого Оноре де Бальзак сказал: «У этого парня под кожей мускулы Микеланджело». Казалось, фигуры несравнимые. Но это ясно сегодня. А в этом, обыкновенном 1862 году великий гражданин и художник Оноре Домье продает свой скарб, покидает любимую мастерскую на набережной Анжу и переезжает на Монмартр. Он вступает в полосу нищеты и скитаний, продолжавшихся до смерти. А Кабанель?.. Кабанель пожинал лавры и... франки.

Словом, жизнь шла своим чередом.

1862 год... В зените славы был классик Доменик Энгр. Через год умрет великий романтик Эжен Делакруа. Гюстав Курбе — вождь «реалистов» — будоражит буржуа своими мужественными полотнами.

Именно в том году произошли события, которые не заметил ни один парижский журналист, настолько микроскопичны и ничтожны на фоне бурлящей и грандиозной художественной жизни столицы Франции были эти факты. В самом деле, что особенного было в том, что в школу изящных искусств, именуемую мастерской Глейра, не сговариваясь, пришли нагруженные этюдниками и холстами, стали за мольберты и выдержали экзамены такие разные молодые люди, как провинциал из Лиможа — бедняк Огюст Ренуар, или сын буржуа из Монпелье — Фредерик Базиль, парижанин Альфред Сислей и вернувшийся из Алжира Клод Моне... Это ведь действительно был всего лишь пустячный эпизод из жизни богемы, не стоящий и двух строк газетной хроники.

Не меньшей безделицей на первый взгляд был еще один факт. В этом, уже порядочно надоевшем 1862 году в одном из залов Лувра маленькая инфанта Веласкеса свела и познакомила двух художников — Эдуарда Мане и Эдгара Дега. Они подружились, и их дружба, несмотря на некоторые тернии, продолжалась до самой смерти. Но даже сама смерть не смогла их разлучить. Они вновь встретились... здесь же, на стенах залов великого музея, где экспонировались их шедевры... Как, впрочем (сколь странны пути судеб!), встретились, но тоже лишь после смерти создателей в этих же залах холсты Огюста Ренуара, Клода Моне, Альфреда Сислея, Фредерика Базиля.

Итак, лишь через век, после зрелого размышления, стало ясно, что в 1862 году произошли поистине удивительные события, по-своему кардинальные в развитии французской живописи, ибо вышеназванные молодые люди составили костяк движения новаторов, открывших людям новую красоту и расширивших представление о прекрасном... И это сделали Они. Вместе!

«Совершенство — это результат коллективных усилий,— говорил художник Буден,— один человек, без помощи других, никогда бы не смог достичь совершенства, которого он достиг».

Но вернемся к встрече Мане и Дега... Итак, крошечная инфанта Веласкеса, шурша огромным кринолином, взяла своими изящными ручками упиравшихся Эдуарда и Эдгара и заставила их крепко пожать друг другу руки... Благословила их на долгую дружбу.

Эдуард Мане. Мы знаем, что он классик французской живописи. Но в те далекие дни это было довольно спорно. Публика Салона издевалась над шедеврами мастера, хотя В. Бюрже демонстративно объявил, что Мане «такой, как он есть,— больше художник, чем вся банда, получающая Большие римские премии».

Но оставим публицистический запал и вернемся к встрече в Лувре... Итак, оба молодых мастера копировали картины великих Веласкеса, Рубенса, Гольбейна, Пуссена... Каждый по своему вкусу.

Дега через много лет напишет о пользе копирования: «Нужно копировать и снова копировать старых мастеров; только когда вы дадите доказательство, что вы хороший копиист, разумно будет позволить вам сделать редиску с натуры».

Как видите с первых минут знакомства, Дега был весьма остроумный, иронического склада человек.

Эдгар Дега... Молодой сын банкира бросил юриспруденцию, хотя получил степень бакалавра, и решил вступить на весьма зыбкий и неверный путь живописца. Этому помогла встреча с маститым Энгром, который завещал ему:

«Рисуйте контуры, молодой человек, много контуров, по памяти и с натуры, именно таким путем вы станете хорошим художником». Эдгар де Га никогда не забывал этих слов.

Де Га. Это не опечатка. Ставший художником, Эдгар решил соединить свою дворянскую приставку де с фамилией Га. Словом, он не стремился, подобно Бальзаку или Мопассану, подчеркивать свое дворянское происхождение. Впрочем, Дега был человек сложный и не без странностей.

Огюст Ренуар сказал о своем друге, пожалуй, самые точные слова:

«Дега был... прозорлив. Возможно, что он держался дикобразом, чтобы спрятать свою подлинную доброту. Не скрывался ли за черным сюртуком, твердым крахмальным воротничком и цилиндром самый революционный художник во всей новой живописи?»

Надо сказать, «дикобразность» Дега, его острый, а порою злой язык создали ему репутацию человека холодного и даже мизантропа. Но это была большая неправда, которая, кстати, так часто сопровождает биографии больших людей.

Вот эпизод, раскрывающий нам другого Дега. Человека нежного, с сердцем необычайно чутким и трепетным.

Молодой живописец путешествует по Италии. Он приезжает в Ассизи в июле 1858 года и немедля, не глядя на усталость и зной, отправляется осматривать фрески церкви Сан-Франческо. В дневнике художника появляется запись:

«В Джотто есть выразительность и драматизм; это гений». 1 августа он вновь смотрел фрески: «Джотто. Возвышенное движение св. Франциска, изгоняющего демонов; явление Христа св. Франциску... Я никогда еще не был так растроган. Я не могу больше здесь оставаться; у меня глаза полны слез...» «Я хочу вернуться в Ассизи. И, однако, я боюсь этого. Я боюсь впасть в ту мечтательность, которой, быть может,

Эдгар Дега. 1834—1917. МУЗЫКАНТЫ В ОРКЕСТРЕ. 1868—1869. Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

Эдгар Дега. РЕПЕТИЦИЯ БАЛЕТА НА СЦЕНЕ. 1874.

Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

Эдгар Дега. ГОЛУБЫЕ ТАНЦОВЩИЦЫ. Около 1890(?).

Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

я однажды отдамся, но которая сейчас мешает мне, лишая прилежности».

Нам приоткрывается святая святых Дега. Только очень немногие сумели проникнуть в тайны робкой и порою смятенной души мастера, вечно сомневающейся и терзаемой противоречиями. Внешний цинизм и ирония были лишь маской, броней, прикрывавшей Дега от злых стрел друзей и врагов, которых у него было более чем достаточно.

Одним из людей, почти проникших в тайну Дега, был Эдмон Гонкур. В феврале 1874 года он записал в «Дневнике», что посетил мастерскую «удивительного художника по фамилии Дега». Писатель был поражен. На Гонкура с холстов живописца смотрела сама жизнь Парижа, неприкрашенная, терпкая.

«Своеобразный тип этот Дега,— писал Эдмон Гонкур,— болезненный, невротический, с воспалением глаз столь сильным, что он опасается потерять зрение, но именно благодаря этому — человек в высшей степени чувствительный, улавливающий самую сокровенную суть вещей. Я не встречал еще художника, который, воспроизводя современную жизнь, лучше схватывал бы ее дух. Однако удастся ли ему когда-нибудь создать что-нибудь цельное? Сомневаюсь. Чересчур уж это беспокойный ум».

Гонкур ошибся... Любовь к анализу, писательская привычка домысливать, драматизировать человеческие слабости ввели в заблуждение и его. Поняв чувствительность Дега, он не приметил главную черту характера мастера — его стальную волю.

«Все, что я делаю, есть результат обдумывания и изучения старых мастеров; о вдохновении, непосредственности и темпераменте я ничего не знаю» — это была вторая половина характера Дега, вступающая в борьбу с чувствительностью... И только в борении этих противоречий, только в сочетании душевного пламени и льда рассудка могло появиться такое уникальное явление в мировом искусстве, которое носит теперь ставшее хрестоматийным имя — Дега!

...Глядя на его бесконечно простые и сложные полотна, написанные будто на одном дыхании и (с первого взгляда) непосредственно с натуры, трудно предположить, что именно эти картины — плоды бесконечного обдумывания, взвешивания и, главное, что важнее всего, эти холсты созданы в мастерской и являются антитезой полотнам его соратников-импрессионистов, работавших только с натуры.

Послушаем самого Дега:

— Быстрота, быстрота, есть ли что-либо глупее этого? Люди самым естественным образом говорят вам: нужно, чтобы в два дня вы научились работать... Но абсолютно ничего нельзя достичь без терпеливого сотрудничества времени... Не говорите мне об этих молодцах, которые загромождают поля своими мольбертами.

Молодцы с мольбертами в поле! Так это же его самые близкие соратники — Клод Моне, Огюст Ренуар...

Приведем всего лишь одну запись, сделанную Волларом:

«...Дега взял со столика маленькую деревянную лошадку:
— Когда я возвращаюсь с ипподрома — вот мои модели. Разве заставишь настоящих лошадей поворачиваться при нужном освещении?»
Воллар: Если бы импрессионисты вас слышали, г-н Дега?!
Дега (с резким жестом): Вы знаете, что я думаю о людях, работающих на больших дорогах? это значит, если бы я был правительством, у меня была бы бригада жандармерии для надзора за людьми, делающими пейзажи с натуры. О, я не хочу ничьей смерти, но я, однако, согласился бы для начала пустить в ход дробь.
Воллар: Но Ренуар, разве он не пишет на воздухе?
Дега: Ренуар — это другое дело: он может писать все, что ему угодно».

Сделаем небольшую скидку на возраст Дега. Эта запись сделана Волларом в те годы, когда старый мастер, может быть, ворчал более чем следует... Жизненные сложности, надвигающаяся слепота были тому причиной.

Но все же какой был Дега? Чувствительный или холодный, нежный или злой? Гуманист или мизантроп?.. Все эти вопросы, думается, почти бессмысленны.

Дега был сложен. Как, впрочем, всякий большой художник.

Но вернемся из бездны психологии на нашу грешную землю.

Еще в 1859 году, за три года до встречи с Мане, в своих дневниках Дега набросал программу действий: «Претворять академические штудии в этюды, запечатлевающие современные чувства,— писал он.— Рисовать любые предметы обихода, находящиеся в употреблении, неразрывно связанные с жизнью современных людей, мужчин или женщин: например, только что снятые корсеты, еще сохраняющие форму тела, и т. д.». Он также заметил: «Никогда еще не изображали памятники и дома, взятые снизу или вблизи, так, как их видишь, проходя мимо по улице».

И он составил целый список серий различных сюжетов, по которым он мог бы изучать современность: музыканты с их разнообразными инструментами; булочные, взятые в самых разных аспектах с различными натюрмортами из хлеба и пирогов; серия, изображающая разные виды дыма — дым сигарет, локомотивов, труб, пароходов и пр.; серия, посвященная трауру,— изображения вуалей, перчаток, употребляемых при похоронных церемониях; другие сюжеты — балерины, их обнаженные ноги, наблюдаемые в движении, или руки их парикмахеров; бесчисленные впечатления — ночные кафе с «различным светом ламп, отражающихся в зеркалах,.. и пр. и пр.».

Балерины... Это всего лишь одна из многочисленных тем, увлекавших Дега.

Однажды, отвечая на вопрос, почему он любит писать балет, Дега пробурчал: «Меня называют живописцем танцовщиц; не понимают, что танцовщицы послужили мне предлогом писать красивые ткани и передавать движения».

Цинично. Не правда ли? Но Дега есть Дега! Он тщательно прячет от людей свою нежную душу. И он проговаривается лишь в письме к скульптору Бартоломе:

«...Меня не забывают в Париже. Вы, мой дорогой друг, не единственный, кто мне пишет. Но никто, даже женщины, не пишет мне лучше или более сердечно... Кроме моего сердца, все во мне, как мне кажется, пропорционально стареет. Но даже и в моем сердце есть что-то искусственное. Танцовщицы зашили его в мешочек из розового атласа — розового атласа, немного выцветшего, словно их танцевальные туфельки».

Ах, Дега!..

Есть еще одно свидетельство Эдмона де Гонкура, которое раскрывает истинную увлеченность темой балета у Дега:

«Вчера после обеда я побывал в мастерской художника Дега. После многих попыток в самых разнообразных направлениях он полюбил современность, а в современности он остановил свой выбор на прачках и танцовщицах. Не могу счесть плохим его выбор, поскольку я сам в «Манетт Саломон» воспел эти две профессии, поставляющие для современного художника наиболее живописные женские модели. И Дега, представляя нашему взору прачек и снова прачек, разговаривает на их языке и объясняет нам технику нажима и кругообразных движений утюга и пр. и пр. Следующими идут танцовщицы. Это фойе балетной школы, где на фоне освещенного окна фантастическими силуэтами вырисовываются ноги танцовщиц, сходящих по маленькой лесенке, и ярко-красные пятна ткани среди всех этих белых раздувающихся облаков и забавная фигура учителя танцев. И прямо перед нами, схваченные на месте, грациозные, извивающиеся движения и жесты маленьких девушек-обезьянок.

Художник показывал нам картины, время от времени подкрепляя свои объяснения движениями, имитируя то, что на языке балета называется «арабеск»,— и в самом деле очень забавно видеть его показывающим балетные движения, соединяющего с эстетикой учителя танцев эстетику художника...»

«Репетиция балета на сцене»... Этот холст написан в 1874 году в манере живописи, именуемой «гризайль».

«Гризайль»... Живопись, исполненная исключительно белою и черною красками и серыми тонами, происходящими от их смешения. Так записано у Брокгауза.

Однако в нашем полотне Дега взял за основу гризайли не черную, а глубокую коричневую краску, что, правда, малосущественно. Поражает другое — как художнику удалось, пользуясь всего двумя красками, коричневой и белой, вызвать к жизни такую тончайшую колористическую гамму и, что особенно изумляет, передать сложнейшие психологические коллизии.

«Репетиция» написана в 1874 году, в год открытия первой выставки художников, позже названных импрессионистами. И была экспонирована на ней в числе других десяти работ Дега.

Думается, что мастер написал гризайль как антитезу мозаичным, многоцветным холстам Клода Моне, Писсаро, Сислея и других своих друзей. Напомним, что Дега во многом расходился с ними в методике создания картин.

И это полотно, блестяще скомпонованное и нарисованное, является как бы скрытым манифестом живописца, произнесшего однажды: «Я колорист с помощью линии». И мы действительно не замечаем скупости палитры, настолько виртуозно использован тон в холсте и настолько увлекает нас скрытое движение, заключенное в композиции.

Ренуар сказал однажды:

«Дега нашел способ выразить болезнь нашего века — я имею в виду движение. У нас зуд движения, а людишки и лошади Дега движутся... В этом величие Дега: движение во французском стиле».

Но движение в «Репетиции» не только в иллюзорности физического перемещения персонажей картины. Основное движение в полотне Эдгара Дега в новеллистической, многослойной ткани композиции.

Дега — великолепный режиссер. С элегантной простотой и без видимых усилий разворачивает он перед зрителем репетицию балета. С завидной легкостью он избавляется от ненужных деталей, подчиняя все главному — раскрытию психологических коллизий, маленьких драм и комедий рампы, этих миниатюрных осколков радуги парижской жизни.

О, эти осколки радуги... Мир субтильных надежд, маленьких забот, мелких и банальных ситуаций. Мир меркантильности, уродливо сочетающий служение Терпсихоре и... франку. Царство балетных «крыс», забавных и одиноких, жалких и опасных, описанных еще Оноре де Бальзаком.

Маленькие балетные «крысы» Дега... Такие хрупкие и грубые. Облаченные в белоснежные фарфоровые туники, они трогательны и страшны. Фальшивое мерцание рампы предательски выхватывает из душной тьмы их вульгарные и беспомощно-нежные раскрашенные лица. Эти женщины безумно устали от ежедневной круговерти, от пустяковых усилий нравиться, от липких и пошлых будней... Но жребий брошен, и только мертвая зевота может прервать на миг этот проклятый и любимый быт кулис, мир комплиментов и обид.

Удивительно, но, несмотря на сложный беллетристический сюжет полотна, оно никак не грешит бедами картин, «литературность» которых влечет за собой потери высоких пластических качеств. Усложненная новелла Дега заключена в рамки великолепной, отточенной формы. Кисть художника трепетна и точна. Мастеру не свойственно оперировать банальными приемами, ему чужды натренированные салонные эффекты. С юношеской свежестью, с поистине целомудренным удивлением, будто в первый раз видит Дега действо балета. Эти поразительные качества свойственны школе «Нового трепета» и воспеты еще Бодлером.

Репетиция... Полуулыбка-полуоскал, взбитые шиньоны, черные бархатки, обнимающие шею, неуклюжие корсажи, острые лопатки, сильные ноги танцовщиц — мускулистые и нервные. Белые снежинки туник, розовое трико. Весь этот пахнущий пудрой и потом рай или ад выражен в гризайле Дега.

Усталость, пустота, горечь, надежда, скука и снова усталость витают в воздухе репетиции. Как чахлы эти цветы, выросшие в кварталах Парижа, как вымучены их прелести... И, однако, в этой заведенной безысходности все же есть мгновения радости, приобщения к музыке, к танцу. Тогда вмиг исчезают уродливая выворотность ног, большие, неуклюжие ступни, сильные, рабочие икры... Вот в центре сцены замерла маленькая корифейка. Она привстала на пуанты, ее руки, словно послушные вздоху музыки, поднялись. Еще миг — и она пойдет. Нет, полетит!

Судорожно зевает невыспавшаяся, пухлая танцовщица. Ее лицо, закинутое в сильном ракурсе, с черным провалом рта и узкими прорезями глаз с белыми надбровьями, похоже на античную маску. Рядом с ней девушка поправляет распустившиеся ленты. На козетке лениво почесывается красивая танцовщица.

Вот-вот хлопнут властные ладони балетмейстера, и репетиция начнется... Но, кстати, где балетмейстер? Это, конечно, не наглая фигура в черной паре и цилиндре, оседлавшая стул. Вглядитесь пристальней в отпечаток репродукции на развороте и увидите на ней два любопытных пятна. Одно в центре около локтя зевающей девушки, другое справа от нахала в черном цилиндре. По-видимому, Дега записал нечто на холсте и время «проявило» эту запись...

Каково же было мое приятное изумление, когда я увидел повторение «Репетиции балета» на репродукции полотна, сделанного Дега на пять лет позже и являющегося собственностью нью-йоркского Метрополитен-музея.

Центральная фигура этой второй «Репетиции» — балетмейстер. Он вскинул руки, еще мгновение — и весь механизм кордебалета придет в движение. Он увлечен репетицией, он не замечает зевающую рядом танцовщицу, не слышит болтовню и смех, не видит наглого репортера, оседлавшего стул, и развалившегося рядом директора театра. Он забыл все... И пошлейший клавир, и разбитое фортепиано, и всю цепь ничтожных мелочей, отравляющих жизнь. У него даже вылетел из головы скандал, который только что закатила ему прима.

Он творит...

Конечно, его потуги жалки. Да, чего ждать нам от репетиции кордебалета, когда весь балет Франции той поры погряз в бездне рутины. Вот что писал о балете тех дней замечательный русский балетмейстер Фокин:

«Балет оградил себя китайской стеной. Ни влияние жизни, ни влияние других искусств не проникает в заколдованный круг его. Идут мировые события; искусства переживают эволюцию от романтизма к реализму, импрессионизму, экспрессионизму, переживают страшные потрясения от прихода кубизма, футуризма... а балет все по-старому улыбается своей стереотипной улыбочкой и услужливо разводит перед публикой руками, проделывая сотни лет назад сочиненное своими обтянутыми в розовое трико и атласные туфельки ногами. В какой бы стране, в какие бы времена действие ни происходило, мы видим рядом с реальными декорациями и костюмами то же трико, те же коротенькие юбочки и, что ужаснее всего, те же жесты!»

И все же Дега не избежал чар Терпсихоры, что нисколько не означало, что иронический склад ума живописца, воспитанный на произведениях Монтеня и Вольтера, не ощущал всю меру затхлости и ущербности балета своего времени.

Живопись Дега обладает колдовским качеством. Он достигает предельной типизации и остроты минимальными средствами. В этом смысле он близок по школе к Мопассану, который писал о творчестве:

«Чтобы взволновать нас так, как его самого взволновало зрелище жизни, он должен воспроизвести ее перед нашими глазами, соблюдая самое тщательное сходство. Следовательно, он должен построить свое произведение при помощи таких искусных и незаметных приемов и с такой внешней простотой, чтобы невозможно было увидеть и указать, в чем заключаются цели и намерения автора».

Сам Дега раскрывает нам лабораторию своего творчества в этих коротких строках:

«Очень хорошо копировать то, что видишь,— говорил он другу,— но гораздо лучше рисовать то, чего больше не видишь, но удержал в памяти. Тогда происходит претворение увиденного, при котором воображение сотрудничает с памятью. Изображаешь только то, что тебя поразило, иными словами — необходимое. Таким образом, твои воспоминания и фантазия свободны от тирании природы».

Чтобы закончить рассказ о «Репетиции балета», надо привести в финале несколько слов, развенчивающих миф об обеспеченности сына банкира де Га. В год создания «Репетиции», а именно в 1874 году, Дега пишет: «...я должен сначала заработать на свою собачью жизнь».

До 1874 года Дега вообще не нуждался. Однако после смерти отца художника, последовавшей 23 февраля 1874 года, выяснилось, что дела банка де Га находятся в незавидном положении.

Итак, жизнь продолжалась...

* * *

В судьбе каждого большого художника есть страницы, которые трудно объяснить, но Дега предлагает любому исследователю загадки, на которые почти невозможно ответить...

Последняя выставка, на которой Дега показал публике свои работы, была открыта в 1892 году. После этого двадцать пять лет до самой своей кончины мастер ни разу не выставлял свои полотна и скульптуры.

Почему?

Может быть, эти строки из письма к старому другу Эваристу де Валерну помогут понять ту бездну неудовлетворенности и одновременно веры в свое призвание, из которых был соткан один из самых сложных и интересных художников XIX века, Эдгар Дега:

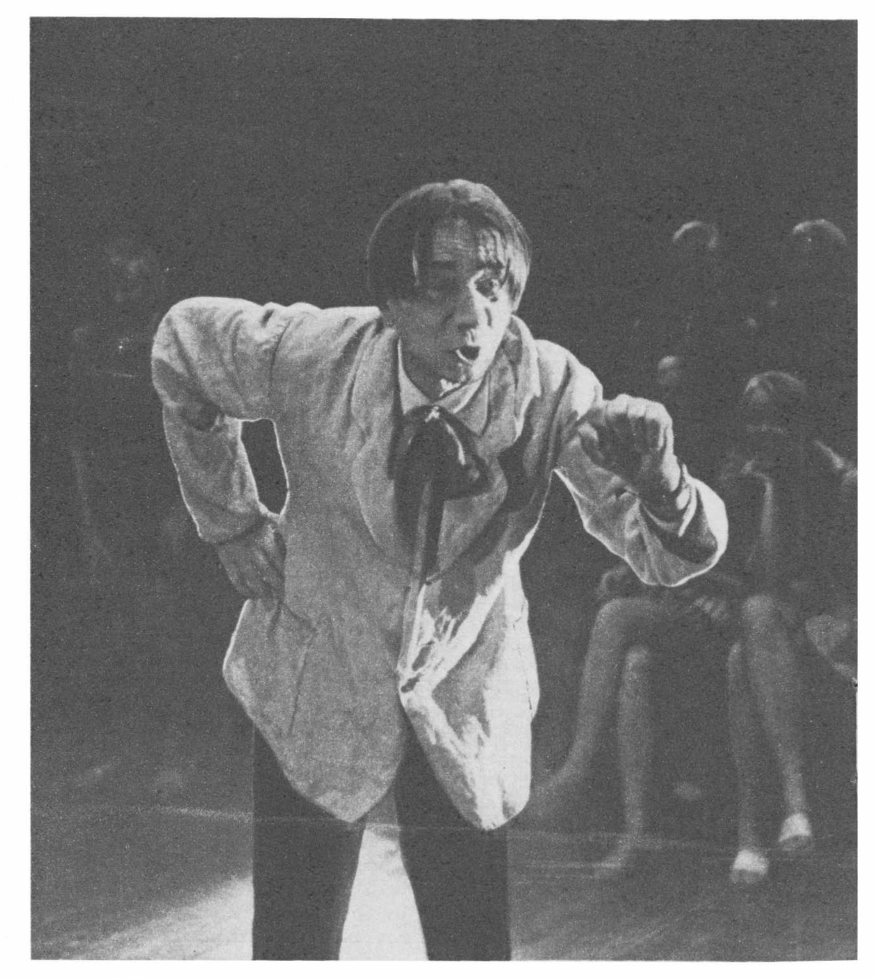
«Я бы хотел попросить у вас прощения за то, что часто проскальзывает в ваших словах и еще чаще в мыслях, а именно за то, что я был резок с вами или казался резким на протяжении всей нашей долгой дружбы. Я был главным образом резок по отношению к самому себе. Вы, наверно, помните это, потому что сами часто удивлялись и упрекали меня за отсутствие уверенности в себе. Я был или, вернее, казался резким по отношению ко всему миру, так как состояние ожесточения стало для меня привычным, что можно объяснить моими постоянными сомнениями и скверным характером. Я чувствовал себя таким неоснащенным, таким неподготовленным, таким слабым, и в то же самое время мои «намерения» в искусстве казались мне такими правильными. Я был в ссоре со всем светом и с самим собой...»

Но Дега-творец победил. Образы Дега живут. Время как будто не тронуло его холсты, до того современны они по живописи и композиции. Но самое главное качество Дега — это умение видеть поэзию в прозаичности будней.

Друг Дега Ренуар прекрасно сказал об этом:

«Я люблю живопись, когда она выглядит вечной... но не твердит об этом; вечность обыденности, подмеченная из-за угла соседнего дома; служанка, прекратившая на мгновение скрести кастрюли и тут же превратившаяся в Юнону своего Олимпа!»

Вечная поэзия прозы!

Н. П. Кабышев читает Чехова...

РОЖД

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Д. Ухтомского.

огда искусство становится, по ленинскому слову, достоянием всего народа, оно входит в жизнь, в быт людей настолько прочно, что мы подчас перестаем удивляться этому чуду, этой живой примете коммунизма.

А между тем, внедряясь в действительность все шире и глубже, народное искусство формирует облик советских людей и, влияя на их мировоззрение, нрав, поступки, определяет то, что мы называем судьбой... Наверное, и впрямь давно пора нашим ученым-эстетикам всерьез задуматься над все более явственной зависимостью судеб нового человека от высоты идеалов, от потенциала прекрасного в жизни.

С этим сталкиваешься всякий раз, когда, забираясь в ту или иную «глубинку», встречаешь таланты либо только еще нарождающиеся и робко заявляющие о себе, либо набравшие уже силу и окрепшие, но одинаково бескорыстно и самозабвенно отдающие себя людям, творчеству.

В Калининградской области из 750 культпросветучреждений — более 380 клубов и домов культуры, об этом мне сообщила Тамара Васильевна Лаврова, директор Дома народного творчества.

— Драматические коллективы в клубах и домах культуры, конечно, неравноценны,— сказала она.— Однако же нет кружка, который не мечтал бы стать театром, как нет самодеятельного театра, который не боролся бы за звание народного... Вот, к примеру, один из таких молодых, недавно получивших звание народного — Зеленоградский театр. Интересен этот коллектив неослабевающей инициативой, горячностью отношения к делу. Там и всего-то два работника: режиссер Валя Михеева и зав.

постановочной частью Гена Полищук, а успевают оба за десятерых.

...Вале и Гене было не до нас: Валя вела урок актерского мастерства с «новым набором», местными школьницами-старшеклассницами, а Гена оказался по горло занят подготовкой к вечернему спектаклю «Лодка в лесу». Мы, устроившись в сторонке, принялись слушать и смотреть.

А смотреть и слушать здесь было что... Хоть каждый день готовы девятиклассницы — «новый набор» Вали Михеевой — посещать уроки по мастерству актера: так интересно и содержательно занимается с ними молодой режиссер, недавняя выпускница Ленинградского института культуры. К слову, институт этот, видно, вообще направляет в Калининград на редкость работящих, увлеченных своим делом людей, если судить по Валиной работе и тем более по работе Тамары Васильевны Лавровой, которая имеет диплом того же института.

Среди Валиного актива, впрочем, оказались не одни только учащиеся старших классов зеленоградской школы.

Народный театр, как ему и положено, располагает актерами самых разных возрастов, профессий, темпераментов, склонностей... Успели себя раскрыть в искусстве бывшая швея, а теперь техник по холодильным установкам Наташа Ревковская, электрик Юра Ефремов, телефонистки Таня Пантюкова и Люба Титаренко...

Все это люди со своей индивидуальностью, которую руководители театра ценят превыше всего.

Да и как ее не ценить! Когда, скажем, во время эстрадного концерта на сцене появляется Н. П. Кабышев, неизменно встречаемый бурей аплодисментов, но, по видимости, совершенно к ним равнодушный, вы уж никак не можете предположить того, что произойдет в дальнейшем, едва только дядя Коля, как все здесь зовут артиста, произнесет первые фразы чеховского рассказа, изображая замученного жизнью дачного мужа.

Живой юмор, но не комикование, отнюдь нет, а самое тонкое, душевное понимание жизненной ситуации, в которой очутился герой, и самое энергичное сердечное сострадание герою — вот какую серьезную, умную трактовку предлагает слушателям дядя Коля.

Н. П. Кабышев работает дворником. Но, думается, вторая, творческая профессия гораздо более точно определяет весь его духовный облик, его человеческую судьбу.

После утренних воскресных занятий по мастерству Валя обычно сразу же начинает репетицию очередного спектакля. Так было и в этот раз, хотя на дверях Дома культуры мы заметили объявление, извещавшее публику, что вечером состоится премьера и вход будет, как всегда, бесплатный.

Школьницы, показав на занятиях по мастерству редкое усердие, а главное, серьезное понимание своих будущих актерских задач, разошлись по домам; Валя же и еще несколько взрослых девушек остались репетировать пьесу Яниса Райниса «Вей, ветерок!».

Три сестры, ставшие соперницами, страстно влюблены в юношу, который всем был бы хорош, всем бы взял, да вот по бедности своей ни одной из них не пара... Раскрывая напряженные, полные драматизма отношения райнисовских героев, Валя ищет в своих актерах не внешней «игры», а глубокого понимания жизни, психологии — внутреннего отклика, единственно и рождающего убедительное, действенное сценическое поведение.

Разумеется, сам по себе такой душевный отклик прийти не может: он является результатом большого, часто коллективного труда. Все участники народного театра изучали пьесу Я. Райниса, классика латышской литературы, писали работы о будущем спектакле, затрагивая многие проблемы социальных и человеческих взаимоотношений героев. Задумали побывать в Риге, чтобы познакомиться со спектаклями республиканского академического театра драмы, и не ограничились, как бывает кое-где, сборами да разговорами, а осуществили свои намерения с огромной для себя пользой.

А вот теперь Валя, прямо-таки неустанная выдумщица, решила одну из репетиций пьесы «Вей, ветерок!» провести в дюнах, чтобы еще больше приблизить мироощущение своих артистов к природе, к правде жизни.

Взгляните на четвертую обложку нашего нынешнего номера: так выглядела эта репетиция.

— Все герои так же любили и страдали, радовались и горевали, как мы с вами,— не устает напоминать Валя.— Старайтесь же ничего не «изображать»! Старайтесь понимать и чувствовать.

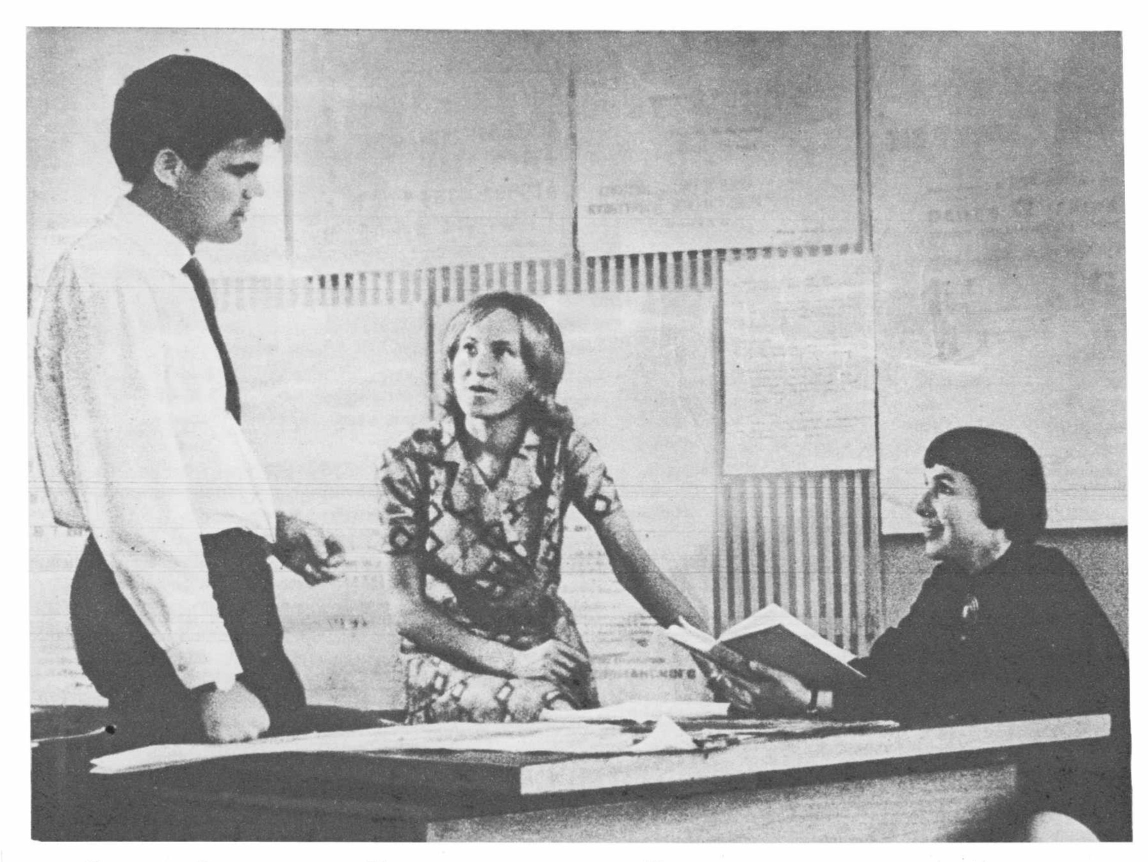
...На вечернем спектакле «Лодка в лесу» было особенно хорошо видно, что творческие советы режиссера не пропадают даром, а осмысливаются и прочно усваиваются исполнителями.

Студенты Рита Белова — в роли крестьянки Гины — и Саша Карабанов, исполняющий роль лесника Марина, следуют не прямолинейной дорогой сюжета в пьесе болгарского писателя Ник. Хайтова, а наполняют образы своих героев сложными, порою противоречивыми чувствами. Казалось бы, леснику Марину проще всего наказать строптивую Гину за то, что без разрешения рубила жерди в лесу! Да вот только оказывается, что рубила-то она эти жерди вовсе не для себя, а для артельного виноградника!..

И много еще чего выясняет Марин о Гине, а Гина о Марине, пока зритель к концу спектакля не выясняет тоже, что молодая пара, несмотря на все конфликты и осложнения, явно симпатизирует друг другу...

Спектакль идет в своеобразном и оригинальном оформлении, на фоне лесного, медленно движущегося пейзажа. В театре это оформление придумали, как всегда, сами. И осуществили тоже сами; тут уж скромный, немногословный Гена Полищук становится буквально незаменим! Работая без устали, «по-армейски» четко, он все более изобретательно и красиво делает то, что только может потребоваться родному театру.

ЕНИЕ СУДЕБ...

Тамара Васильевна Лаврова, директор Дома народного творчества (справа), беседует с работниками народного театра.

Деловитость и выправка остались у Гены от недавней его службы в рядах Советской Армии. Но ведь таланты Гены отнюдь не ограничиваются одной только «постановочной частью» народного театра. Здешняя публика любит и знает Полищука, превосходного исполнителя поэтической лирики. Он автор литмонтажа «Есенин»... Читает Гена сам, искренне и с большим чувством. Будучи лауреатом многих конкурсов и смотров народного творчества, Гена безотказно едет на предприятия, в колхозы и совхозы, воинские части со своим «Есениным», стоит только попросить...

Неведомо, как Гена управляется со всеми своими бесчисленными обязанностями. Но он управляется. Впрочем, это относится к ним ко всем. Они ведь все живут не в безвоздушном пространстве. У Гены дома маленький ребенок, приходится по хозяйству помогать жене, а она тоже «заражена» народным театром, тоже хочет играть и актерские способности имеет...

А Валя Михеева лишь совсем недавно стала Михеевой. Еще в нынешнем году она получала письма, извещения из ВТО на имя Лисицыной. Сейчас Валин муж в армии. Но это тоже не значит, что на это время у Вали не стало домашних забот и тревог, семейных обязанностей...

Да, пожалуй, все без исключения артисты зеленоградского коллектива, кроме сценической подготовки, чисто творческих дел, имеют и производственные, и общественные, и житейские обязанности. Но все это гармонично и светло входит в жизнь, согретую и освещенную жаром творчества, большого искусства...

го не слышал, змееныш? И ты не продашь нас, а? Не то тебе вай-вай как худо будет.

Махмуд потер шею, словно Абдулла только что разжал свои липкие пальцы.

Члены шайки, в которой верховодил долговязый, каждый день с наступлением сумерек сходились вместе и о чем-то долго шептались. Затем они бесшумно исчезали во тьме.

Махмуд не знал, о чем они договаривались. Но догадывался, что о чем-то плохом. Тревожные мысли не покидали мальчика.

Нет, лучше думать о другом. О родном доме, например. Он теперь где-то далеко, там, откуда поднимается луна. Отец все еще сидит за ткацким станком. И тот неторопливо стучит: тук-тук, тук-тук.

А мама? Что делает она?

Наверно, утомившись, сидит неподвижно в углу двора и горестно вздыхает. А может быть, тихо плачет, раскачиваясь из стороны в сторону.

Переживать было из-за чего. Рахим-бай вновь перекрыл воду в арыке. И теперь их сад гибнет. На высушенную зноем землю падают плоды. Увядшие. Мертвые. Вот и льет слезы мама. Но разве напоишь ими корни деревьев? И разве помогут проклятия отца? Вот если бы найти дядю Мишу. Он столько раз выручал их из беды. Но как разыскать его в этом большом городе?..

Сегодняшнюю ночь, как и две предыдущие, Махмуд провел на узкой, неуютной скамейке городского бульвара. Намаявшийся за день до тяжести в ногах, непривычный к сутолоке города, мальчик забылся на своем неудобном ложе тревожным сном.

Днем Махмуд был у казармы. Мальчик твердо верил, что дядя Миша находится именно там и стоит ему только проникнуть туда, как он тотчас обнаружит его. Но часовой у полосатой будки был неумолим. В ответ на все просьбы Махмуда он коротко бросал: «Не положено...»

Махмуд проснулся внезапно. Неподалеку шептались. Узнав голос Абдуллы, мальчик навострил уши. За несколько ночевок в сквере Махмуд успел раскусить этого увальня с довольно привлекательным лицом. Он был наделен недюжинной силой, но пользовался ею редко. Было достаточно одного взгляда, брошенного исподлобья, чтобы усмирить в чем-то проявившего самостоятельность члена шайки.

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

МАХМУД

Бободжан РАУФ-ЗАДЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Мальчик сидел на скамейке и с тревогой всматривался в быстро сгущающуюся темноту. Мальчугана все больше охватывала тоска. Он зябко ежился, то ли от холода, то ли от страха. Мысли постоянно возвращались к долговязому Абдулле. Опять видит мальчик его слащавую, гаденькую улыбку, слышит жесткий, деревянный голос.

Вчера Абдулла подкрался к мальчику и, сжав горло сильной рукой, сказал:

— Не спишь, Махмуд? Это плохо. Ночью надо спать, а не подслушивать. Но ты ведь ниче-

Внешняя мягкость и обходительность Абдуллы привлекала к нему истосковавшиеся по ласке сердца беспризорников. Но стоило комулибо принять его покровительство, как он попадал в железные тиски, вырваться из которых было невозможно.

Абдулла попытался и Махмуда втянуть в свою компанию, но встретил решительный отпор. Однако вожак верил в свой успех. Он считал сопротивление мальчика делом временным. Только поэтому и терпел ночное присутствие Махмуда в месте, которое он считал своей резиденцией.

То, что ватага на этот раз не галдела, настораживало. «Что они там еще затевают?» Тревога овладела Махмудом, и он, стараясь удержать дыхание, стал прислушиваться.

— Чего ломаешься?— шептал густой бас.— Или тебе такое не по силам?

— Я согласен,— сказал Абдулла.

— А если из винтовок вдарят?— засомневался кто-то.

— Это днем-то? Ведь вы не раз бывали там. Примелькались, небось. Один с часовым заговорит, а другие подойдут сзади, оглушат его. Ну, а мы на себя амбары возьмем. Вот запляшут большевички, когда город без хлеба останется. Ну как, по рукам?

— По рукам. Сделаем все как надо,—сказал Абдулла.— Люди у меня в деле проверенные. Только часть денег прямо сейчас...

Сердце у Махмуда забилось неровными толчками, лицо покрылось испариной.

«Вот что задумали, гады! Голодом людей уморить». Большого труда стоило мальчику, чтобы не вскочить на ноги, не закричать. Но он быстро совладал с собой, решил: надо людей предупредить. Быстро соскользнул с лавки. Сделал шаг, другой. Но здесь предательски хрустнула ветка...

...Абдулла держал мальчика за горло. Махмуд простодушно смотрел ему прямо в глаза и твердил:

— Спал я, спал.

— А встал чего?

— По нужде. Вот за те кустики хотел.

Постращав Махмуда и дав ему напоследок зуботычину, отчего у мальчика на губах выступила кровь, Абдулла не спеша удалился. За деревом, не таясь, зазвучал встревоженный бас:

— Ну как?

— Молчать будет. Да и вряд ли что слышал. А если слышал, то ничего не понял.

— Легкомысленно поступаешь, Абдулла. Надо бы его убрать.

— Да нет,— самоуверенно ответил Абдулла,— успеется. А пока что...

И они зашептались тише.

2

Стояло утро, звонкое от хаоса звуков. Птичьи голоса сливались с гвалтом улиц Самарканда. Люди шли и шли. Кто неторопко, важно, а кто почти бегом, мягко тукая подошвами сапог по пыльной дороге.

Вот уже битых два часа петлял Махмуд по городу, пытаясь отделаться от Нури, широкоплечего, рукастого парня. Но тот не отставал. Иногда Нури заходил вперед и красноречиво показывал из-под рукава халата длинное лезвие ножа. Махмуд не сомневался, что бандит при малейшем подозрении пустит нож в ход. В другое время он бы струсил, но сейчас... Махмуд мучительно раздумывал, как отделаться от прилипчивого преследователя.

Мелькнула отчаянная мысль: отправиться к казарме. Но он тут же отверг ее. Нури наверняка догадается и предупредит банду. А что если... Мальчик решительно повернул назад. Рынок. Как он раньше не подумал о нем... Там, среди базарной суеты, ему будет легче запутать следы.

Базар встретил Махмуда своим особым гомоном. Он зазывал. Сыпал проклятиями. Обращался к аллаху, беря его в свидетели. От крепкого пряного духа кружилась голова. Здесь торговали, наверно, всеми дарами природы. Подходи покупай.

— Лепешки! Ай, лепешки! Сами во рту тают!— кричит бойкий торговец в старенькой тюбетейке.

А поодаль надрываются шашлычники:

— Подходите! Покупайте! Пальчики оближете!

Протискиваясь в толпе, Махмуд краем глаза видел красное, озабоченное лицо Нури. Они были словно связаны одной веревочкой. Неужели никакая сила не в состоянии ее разорвать?

Вдруг за спиной Махмуда раздался истошный вопль. Махмуд обернулся. Двое дюжих парней крепко держали за руки Нури, а маленький, сморщенный старикашка по-петушиному наскакивал на него, голосил на весь рынок: «Во-ор, во-ор!»

Поторапливаясь за Махмудом, Нури не утерпел, «приклеился» к старику, но тут же и попался. Вот он, долгожданный момент, вот оно, счастье! Ноги сами вынесли Махмуда с базарной площади, и он очутился возле уже знакомого ему приземистого кирпичного дома с красным флагом у входа.

3

— Так, говоришь, амбары поджечь хотят?— спросил по-таджикски чернобородый человек, смешно растягивая слова.— Интересно.— Серые глаза внимательно смотрели на парнишку.— А звать-то как тебя?

— Махмудом меня зовут.

— Ого!— удивился чернобородый.—По-русски говоришь. Кто научил?

Махмуд только собрался рассказать про дядю Мишу, как в комнату стремительно вошел стройный молодой человек в кожаной куртке, с маузером на боку. Он ловко щелкнул каблуками.

— Вызывали, Петр Андреевич?

— Да, товарищ Халилов. Тут вот малец один объявился.— Чернобородый кивнул в сторону Махмуда.—Прелюбопытную историю сообщил. Дело в том, что...

И он в двух словах пересказал услышанное от Махмуда, добавив, что надо торопиться, ибо до полудня осталось совсем мало. А именно в этот час, когда на улице печет, и все живое прячется в тень, и часовой разморен зноем, бандиты и решили совершить свое преступное дело.

Спокойно слушал Халилов рассказ. Только глаза его сузились, гневно блестя.

Решение приняли быстро. Чекисты устроят засаду в амбаре, а место часового займет сам Халилов — и пожалуйте в гости, господа поджигатели!

Пока взрослые совещались, Махмуд разглядывал комнату. Все здесь было непривычным для мальчика: и массивный дубовый стол, и кресло за ним с высокой, прямой спинкой, и шторы на окнах...

Халилов щелкнул подкованными сапогами, вышел из комнаты. И они опять остались вдвоем— Махмуд и чернобородый.

Человек прошелся по комнате взад-вперед, в движениях его были решимость, порывистость. Затем он остановился перед мальчиком, мягко провел рукой по его стриженной наголо голове и сказал:

— Нелегкое это, брат, дело — революция! Много врагов у нее.

— Я знаю, знаю,— ответил мальчик.

И снова удивился чернобородый, вскинул брови, сказал:

— Ишь ты, какой ученый! А ну-ка, дружище, расскажи про себя. А впрочем, нет. Потом. Я тут кое-какую работу должен сделать. А ты пока чаю попей.— И он усадил мальчика за стол и придвинул к нему небольшой фарфоровый чайник, пиалу, а рядом положил два куска хлеба.

Мужчина сидел, низко склонившись над столом, и быстро писал. Махмуд медленно, чтобы не выдать своего голода, жевал хлеб и вспоминал... Ведь совсем недавно покинул он родной дом, а ему казалось, что прошло много-много времени — так далеко все это было: и кишлак, и его закадычный дружок Керим, и работа в станционном буфете...

...Громко хлопнула дверь. Махмуд вздрогнул, обернулся. Подняли голову и чернобородый. В дверях стоял Халилов. По его лицу было видно: операция прошла удачно. Он доложил:

— Поджог предотвращен. Часть бандитов задержана. Среди них одна очень важная птица. Не догадаетесь, кто, Петр Андреевич. Жаль только, Абдулла и несколько его людей ушли. Ну да ничего, и до них доберемся.

Халилов высунулся в коридор и зычно крикнул:

— Введите арестованного!

В сопровождении усатого чекиста в комнату вошел низкорослый, смуглый человек в зеленом шелковом халате. Он вызывающе огляделся вокруг.

— Абдурахман! — воскликнул чернобородый.— Так вот откуда басмачам наши планы известны... Я чуял, что в штабе предатель. Негодяй! Сколько товарищей погибло из-за тебя! Но теперь ты за все заплатишь.

— Не боюсь! Не боюсь!— закричал вдруг Абдурахман.—Ничего у вас не выйдет! Вы окружены. Слышите? Боль-ше-ви-ки! Голодранцы! Неверные! Аллах с нами! С нами!...— И его плечи задергались в истерике.

Голос Абдурахмана показался Махмуду знакомым. Это был тот самый бас, услышанный им ночью на бульваре.

Через час Петр Андреевич, как взрослому, пожал руку Махмуду, сказав при этом, что он оказал огромную услугу Советской власти и достоин боевой награды.

Махмуд смущенно улыбался.

Затем курносый красноармеец повел мальчика в столовую. Командир приказал сытно покормить Махмуда. Столовая находилась недалеко от кирпичного дома, но за пределами части.

В длинном, мрачном помещении, уставленном столами, красноармеец усадил Махмуда, поговорил с поваром, чтобы тот точно выполнил командирский приказ, покормил мальчугана, а сам ушел, бросив Махмуду на прощание:

— Назад сам дорогу найдешь. Вот ты какой герой! Да и близко тут.

За едой Махмуд совсем забыл о банде. Но когда мальчик вышел на улицу, первое, что он увидел, была знакомая фигура Селима, правой руки Абдуллы. Бандит стоял к нему спиной. Но путь вперед был отрезан, и Махмуд заспешил на другую сторону...

Стало совсем страшно. Махмуд пересел поближе к щербатой стене. Здесь не так ветрено. И, может быть, безопаснее.

На небе засветились звезды.

Они подошли бесшумно, встали напротив. Словно застыли. Молчали. Молчал и Махмуд. Спина уперлась в стену.

— Я же предупреждал тебя,— осклабился Абдулла.— Но ты такой непослушный...

Они избивали его ногами, кряхтя и посапывая.

Махмуд с трудом открыл глаза, попробовал приподняться, но, едва не потеряв сознание от боли в затылке, просипел: «Пить».

Воду подал высокий, костистый человек. Махмуд сразу же признал в нем давешнего своего знакомца. «Чернобородый»,— успокоенно прошептал мальчик. Махмуд лежал не на земле, а в комнате. Петр Андреевич ободряюще улыбнулся.

— Да, брат, досталось тебе. Вовремя я подоспел. Не то были бы твои дела плохи.

На следующий день Махмуд слабым голосом рассказал, что он не местный. Со станции Ходжент. Но здесь ему снова стало худо, и чернобородый отложил беседу до лучших времен.

4

...Сгущались сумерки. Махмуд встал со старой кошмы, на которой он играл с Зиби, младшей сестренкой, и влез на плоскую крышу дома. С нее было видно далеко вокруг. Так Махмуд поступал всегда, когда отец задерживался на работе. Он был ремонтным рабочим на железной дороге.

С крыши Махмуд видел поля. С утра трудились на них крестьяне. Повязав головы поясными платками, они серпами срезали податливые сочные стебли и споро вязали их в снопы.

Поглядел Махмуд вдаль, затем стал шарить глазами по пустынному небу, и ему стало тоскливо. Снизу его окликнули.

«Керим!»— обрадовался Махмуд и тотчас же спрыгнул с крыши.

— Ты что там делал? Тучи ловил?— спросил товарища ехидный Керим.

— Не ловил, а звал,— в тон ему ответил Махмуд и предложил Кериму сыграть в «чижа».

Керим согласился. На этот раз Махмуду явно везло. Он выиграл целую горку урюковых косточек. Керим злился и от этого играл еще хуже.

Махмуду стало жаль товарища. «Следующую партию обязательно проиграю»,— решил он. Но начать ее им не пришлось.

Внезапно в той стороне, где находилась лавка купца Раджапа, высокий голос затянул тоненькое: «А-а-а!» И вмиг раскололась тишина, наполнилась взволнованными голосами.

Замерли ребята, рты разинули от удивления.

А шум нарастал, близился. Мальчики было рванулись ему навстречу, но тут из-за угла вылетела ребячья стайка, кричавшая на разные голоса:

— Дядю Шарипа убило! Дядю Шарипа убило!

Вздрогнул Махмуд, потемнело в глазах у

него. В голове пронеслось: «О ком это они?» А сердцем уже знал: отец.

Весть о случившемся быстро облетела кишлак. Во дворе Шарипа собрались стар и млад, слушают кривоглазого Ибрагима, вздыхают, сочувствуют. А тот охрипшим голосом в который раз рассказывает о происшедшем, свидетелем которого он был.

Рабочие сгружали шпалы с платформы. Выскользнула одна из усталых рук и саданула Шарипа.

— Упал Шарип, едва дышит,— продолжал рассказ Ибрагим.— Ну, думали, смерть его пришла. Но, слава аллаху, мастер наш рядом оказался, Исаев. Все вы его знаете...

Это было весной. В кишлаке, что находился в верстах десяти от железнодорожной станции, появился высокий человек. Одет он был в темно-синюю форму путейца. Человек шел не торопясь, в его глазах светилось откровенное любопытство.

Редкие в полдень прохожие, заметив незнакомца, останавливались, глядели ему вслед, кто недоуменно, а кто испуганно. Женщины, закутанные в паранджи, с коротким визгом жались к глинобитным заборам. И лишь отважная стайка черноглазых ребятишек упорно следовала за чужаком. Правда, на почтительном расстоянии.

Кишлак крайне редко посещали русские. И каждый их визит для его обитателей был событием.

Когда русский вошел в чайхану, чаепитие было в самом разгаре. Пили из одной пиалы, которую бережно передавали из рук в руки. Пока один пил, громко причмокивая от удовольствия, остальные вели неторопливую беседу, вежливо отводя глаза в сторону от пьющего.

Неожиданный визит насторожил посетителей чайханы. Кто знает, с какими намерениями вторгся русский в заповедную жизнь таджикского кишлака. Да еще пришел в чайхану и уселся не на почетном помосте, устланном настоящим шерстяным ковром, а примостился на низенькой земляной суфе, между Шарипом и издольщиком Юсуфом. Значит, не простая блажь заставила уруса нарушить негласный запрет и даже отказаться от почетной тахты.

В чайхане повисла тягостная тишина. В полном молчании разливальщик налил внеочередную пиалу обжигающего зеленого чая и почтительно протянул Исаеву. Тот принял пиалу неторопливым и в то же время ловким движением, какое вырабатывается не за один год. Умение держать пиалу не осталось не замеченным окружающими. Молчание как-то сразу же стало менее тягостным.

Желая развлечь нежданного гостя, чайханщик Муса, коверкая слова, вдруг запел по-русски: «Солдатюшка брава ребьятюшка, игде жи ваша жьона?» Потом Муса схватил таджикский барабан и довольно ловко отбил на нем ритм солдатского марша. А для полноты успеха он по-фельдфебельски крутанул свои короткие усики и пошел вприсядку. Исаев расхохотался. Но в его смехе не было ничего обидного, хотя пляшущий на своих коротких ногах чайханщик походил на большой подпрыгивающий мяч.

Польщенный вниманием русского, Муса, прервав танец, бросился к огромному кипящему самовару, схватил чайник, насыпал в него чай и стал заваривать. И вдруг все услышали жалобный крик грудного ребенка. Посетители радостно заулыбались, а Исаев с недоумением оглядел ухмыляющиеся лица. Но когда детский плач внезапно перешел в кошачий вой, а вой превратился в целый кошачий концерт, Исаев наконец понял, откуда исходят эти звуки.

Чайханщик Муса был прирожденным артистом и теперь, обрадовавшись свежему человеку, не смог удержаться от показа своих способностей.

Тем временем чайхана наполнилась до отказа людьми. В основном это были крестьяне из дальних кишлаков. Они возвращались из Ходжента, где был базарный день.

Кто-то из только что вошедших попросил Мусу поставить музыку. Муса с готовностью вытащил из сундука старенький граммофон, и через мгновение захрипела довольно заезженная пластинка. Это была таджикская танцевальная мелодия.

Пока пластинка играла, неугомонный Муса сбегал куда-то и возвратился назад с карнаем — огромной медной трубой.

Представление продолжилось. Когда смолкли в воздухе трубные звуки карная, наступил черед кукол.

Исаев, наблюдая за чайханщиком, думал о том, сколько народных талантов загублено изза невежества, тупости местной знати и царских чиновников!

Ему, сравнительно недавно поселившемуся здесь, особенно бросалось это в глаза. До Исаева за состояние ходжентского участка железной дороги отвечал некий Карпинский, белобрысый человек с блеклыми, рыбьими глазами. Карпинский был сыном дворянина, промотавшего все свое состояние в злачных местах Петербурга. От своего разудалого папаши, господина вспыльчивого, но незлобивого, Карпинский отличался едкой желчностью и человеконенавистничеством. Он был зол на весь свет и в особенности на тех, к кому его, Карпинского, как он считал, незаслуженно забросила судьба.

Но Карпинский твердо верил в свою звезду. Местных жителей этот разорившийся дворянчик глубоко презирал. Не мудрено, что над находившейся под его началом ремонтной бригадой, почти сплошь состоявшей из таджиков и узбеков, Карпинский измывался как мог. Лишь Шарипа, отца Махмуда, он не тиранил, побаивался его богатырской силы и независимого характера.

Иногда Карпинский звал Шарипа к себе домой наколоть дров, окучить деревья. Дом его стоял в глубине сада, куда на ночь хозяин спускал собак, таких же злых, как и он сам.

Как-то ночью они покусали беспризорного мальчонку, неосмотрительно решившего утолить голод яблоками из этого сада. Карпинский стоял в окне и спокойно слушал вопли несчастного, словно бы наслаждался ими. И только потом отогнал собак.

Случай этот покоробил даже жандармского унтер-офицера Ишкова, тупого, жесткого человека. Узнав о случившемся, он укоризненно сказал Карпинскому:

— Вы это того, зря, господин Карпинский. Мальчишка хоть и басурманин, но все же детская душа.

Не удивительно, что все в округе ненавидели мастера, и особенно те, кто ходил под его началом. Ненависть эта росла с каждым днем, и неизвестно, во что бы она вылилась, если бы Карпинский не был переведен в Ташкент в управление дороги.

Все вздохнули с облегчением и стали ждать новое начальство, втайне надеясь, что оно не будет хуже Карпинского.

И вот приехал Михаил Исаев.

Рабочие встретили его настороженно. Сорок пар глаз незаметно следили за каждым его движением. Оценивали, сравнивали со столь ненавистным им Карпинским.

Поведение нового мастера смущало рабочих. Не было привычных злых окриков, зуботычин. Работу заканчивали в положенное время. Но самым удивительным было то, что мастер не гнушался ни их обществом, ни их пищей. Называл всех вежливо, по именам.

У Шарипа и у других рабочих, которые за годы службы научились кое-как говорить порусски, Исаев брал уроки таджикского и узбекского языков. Учился он упорно и через год уже мог довольно свободно объясняться на обоих языках.

Удивление рабочих сменилось уважением. Особенно вырос авторитет мастера, когда он принял на стороне батрака Ахмеда участие в его тяжбе с самим Рахим-баем. Не только богатством славился этот толстосум, но и жадностью и коварством. Не одну семью пустил он по миру. Море слез было пролито из-за него. Но куда было деться безземельному бедняку? Вот и шел он скрепя сердце в кабалу к Рахим-баю.

Ахмед нанялся на год. В конце года должен был бай расплатиться со своим батраком. Но когда до расчета оставалось совсем немного, каких-нибудь двадцать дней, Рахим-бай перестал кормить работника. Хихикая, он прошипел ему в лицо:

— За мой счет, Ахмед, ты нагулял себе бока, как добрый конь на пастбище. А теперь поживи, как верблюд. За счет собственного горба.

Но это было лишь началом. Ночью в сарай, где спал Ахмед, ворвались байские холуи и жестоко избили его. Побои повторились и на следующий день.

Не вытерпел бедняк Ахмед, пошел к баю расчет просить. Богач сидел в комнате для гостей, протянув ноги к сандалу[1]. Перед ним стоял большой фарфоровый чайник с крепко заваренным зеленым чаем.

— А, Ахмед, в гости пришел,— елейным голосом произнес Рахим.— Садись-садись, чай попей, после сытного обеда это так хорошо. Ведь ты сыт, мой верный слуга?

— Да, бай, я сыт. Сыт по горло службой у вас. Поэтому и пришел за расчетом.

— За каким это еще расчетом, Ахмед? Уговор был на год. Ты не отработал его, поэтому ничего и не получишь. Разве это не справедливо?

— Побойся аллаха, бай!

— Ты не доволен?— Рахим-бай приподнялся.— Эй, Муса! Акрам! Выкиньте вон этого неблагодарного нечестивца!

Слуги схватили Ахмеда. А Рахим-бай снова принялся за чай, попивая его маленькими глотками из тонкой китайской пиалы. Прошла неделя. Ахмед не находил себе места. Кому жаловаться? Аллаху? Пробовал. Не слышит. Судье? Но местный судья — закадычный приятель Рахим-бая.

Друг посоветовал Ахмеду обратиться к Исаеву. После долгих колебаний он решился, пришел к мастеру и, волнуясь, сбивчиво рассказал ему про свою беду.

«Что сказать этому парню?— думал тем временем Исаев.— Что сила пока на стороне баев? Нет, пусть учится бороться. Это послужит примером и для других».

Исаев написал жалобу на Рахим-бая. С ней Ахмед отправился в Ходжент. По тем временам это было неслыханной дерзостью. Молва об этой тяжбе облетела многие кишлаки. И хотя, как и следовало ожидать, бай и на этот раз вышел сухим из воды, бедняки уже не чувствовали себя такими беззащитными и одинокими.

5

— Странный вы человек, Михаил Степанович,—сказал зашедший в гости к Исаеву начальник здешней железнодорожной станции.— Какое вам дело до местного люда? Конечно, Рахим-бай — дрянной человек, но и ваш Ахмед тоже хорош. Этакий пугачевец. Видел я в суде глаза его... Аж мурашки по коже забегали.

— А вы бы что, господин Бугаенко, на месте Ахмеда этаким ангелочком смотрели? — сухо ответил ему Исаев.

Бугаенко смешался и перевел разговор на другую тему. По опыту он знал, что мастера ему не переспорить. У того в ответ всегда находились такие доводы, которые заставляли задумываться над происходящим в империи. А таких мыслей Бугаенко, человек осторожный и трусливый, старался избегать.

Однажды он ввалился в дом мастера запыхавшийся, взмокший. Глаза его нервно блестели, на скулах горели красные пятна. Таким начальника станции Исаев еще не видел.

— Что стряслось, Василий Трофимович?

— То, чего и следовало ожидать, уважаемый. Ишков был у меня. Собственной персоной. Петлю на вашей шее затягивает.

Жандарма Ишкова местные жители называли «ишак-джандарм». Правда, с милым длинноухим животным его роднило лишь поистине ослиное упрямство. В остальном он больше походил на свирепого шакала.

Ишков был немолод, широкоплеч, крупного телосложения. Он обладал крепкими кулаками и, как это и полагалось жандарму, часто и с охотой пускал их в ход. О том, что он верно служил царю-батюшке, говорило уже одно то, что его прозвищем в кишлаках пугали маленьких детей.

Невежественность Ишкова служила пищей для анекдотов, ходивших среди местных русских. Как-то Бугаенко доверительно — будто тайну государственную сообщал — сказал Ишкову, что в Россию нелегально пробрался известный смутьян, писатель Герцен и что есть сведения, что скоро он будет и в этих краях.

Жандарм все принял за чистую монету. Задумался, а затем выпалил:

[1] Сандал — низенький столик над печью-ямой, где тлеют угли.

— Нет, чует мое сердце, что здесь он уже, здесь.

— Это как же?— непритворно удивился Бугаенко.

— А так. Давно я присматриваюсь к мастеру нашему. Не тот он человек, за которого себя выдает. Давно собираюсь сообщить об этом куда следует. Может, и есть он тот самый писака-смутьян.

Большого труда стоило тогда Бугаенко убедить ретивого жандарма в обратном. И вот снова сидел в его кабинете Ишков. Вид у него был торжествующий.

— А я прав был тогда, господин Бугаенко. Мастер-то наш бунтовщик, вроде бы государственный преступник. А вы его, того, защищали. Нехорошо-с.

— Да что вы? Бог с вами! Кто это вам сообщил?

— Депеша-с прибыла. Из самого Петербурга. Предписано установить за Исаевым негласный надзор в связи с раскрытием в городе Самаре тайной организации социал-демократов. Есть сведения, пока не подтвержденные, что оный Исаев был там одним из главных смутьянов. А затем по заданию их преступного центра отправился сюда делать наших местных бунтовщиками.

Обо всем этом, заикаясь, рассказал Исаеву встревоженный начальник станции. Мастер ничем не выдал своего волнения. Ровным голосом он заявил Бугаенко, что произошла явная ошибка. Его с кем-то спутали. Но все это скоро прояснится. Затем они пили чай. За чаем разговор явно не клеился, и вскоре начальник станции, неловко откланявшись, покинул дом Исаева.

Шло время. В поведении Исаева ничто не изменилось. Он был, как всегда, приветлив, внимателен, и рабочие не чаяли в нем души. Лишь жандарм кидал на мастера выразительные взгляды.

Подозрения Ишкова еще больше окрепли после несчастного случая с Шарипом. Ведь только смутьян, социалист мог додуматься до того, чтобы самолично нищего нехристя в больницу устроить.

Об этом Ишков так и написал уездному начальнику корявым почерком, пыхтя и потея над каждой буквой. Написал безграмотно, но очень искренне. В конце письма он осмелился высказать предположение, не является ли мастер тем самым проникшим в империю преступником с басурманской фамилией Герцен.

6

Во дворе у Шарипа по-прежнему суета.

— Как это Шарип к неверным в больницу пошел?

— Очень просто. Без памяти был.

— А мастер-то, мастер... Хороший человек...

— Ерунда, все русские — враги мусульман.

— Нет, не все.

— Замолчи, Ибрагим. Услышит мулла, плохо тебе будет.

Шумят люди, спорят.

А в доме сидит на подстилке Зайнаб, жена Шарипа. Глаза широко раскрыты. В них боль и недоумение. Все теснее прижимается к ней Махмуд, мать по спине ласково гладит, словно малое дитя утешает.

Тихо в комнате, лишь в углу вздыхает тетушка Айша.

«Спасибо ей,— думает Махмуд,— успокоила маму, в чувство привела». Вспомнил мальчик, как, рыдая, вырывалась мать из его цепких рук, как выдирала волосы из головы, и от страха зажмурился.

В комнату ввалились двое мужчин. Зайнаб и Айша едва успели прикрыть платками лица. В вошедших Махмуд признал Рахим-бая и его слугу Акрама, низкорослого, плешивого человека, запуганного богачом до рабского послушания.

Рахим-бай, с трудом придав своему сытому, толстому лицу скорбное выражение, бесшумно подошел к Зайнаб.

Глаза мальчика сверкнули затаенным, тревожным вниманием. Повод для тревоги был. Богач ни к кому не приходил просто так.

В кишлаке он объявился лет десять тому назад как дальний родственник местного аксакала. Улыбчивый, готовый помочь каждому, Рахим-бай многим пришелся по душе. К нему приходили за советом, за денежной помощью. И то и другое он раздавал щедрой рукой. И лишь немногие в кишлаке, среди них и отец Махмуда, встретили пришельца с недоверием. Тогда они не могли объяснить, что именно настораживало их. Лисья улыбка Рахим-бая? Его подозрительная щедрость? Быть может. Во всяком случае, они обходили его стороной. Время показало, как были они правы. Спустя два года Рахим-бай мертвой хваткой взял за горло своих должников.

Вот какой человек вошел в дом Шарипа. Было от чего насторожиться Махмуду, вздрогнуть тетушке Айше.

Рахим-бай провел по лицу ладонью и глухо пробубнил стих из корана. То же самое сделал и Акрам. Затем бай обратился к Зайнаб:

— Послушай, женщина, твой муж заболел, и, видит аллах, болезнь эта острой болью пронзила мое сердце.— На глазах Рахим-бая выступили слезы. Зайнаб всхлипнула.— Я знаю, Шарип за что-то невзлюбил меня. Но я не держу на него зла. Помогать друг другу в беде — долг мусульман.— И бай положил рядом с Зайнаб кошель с деньгами.— Это на первое время. Затем я еще принесу.— Женщина с недоверием взглянула на бая.— Бери, бери, не бойся, ничего мне должна не будешь,—успокоил ее тот.

— Спасибо, спасибо,— запричитала Зайнаб, благодарно кланяясь богачу,— я всегда говорила мужу, что ты добрый человек, всегда...

— Но это еще не все, женщина,— нетерпеливо перебил ее Рахим-бай.— Я пришел к тебе и с советом. Забери Шарипа. Ведь вы мусульмане, и если мой уважаемый сосед умрет в больнице, то его душу не примет аллах.

Зайнаб вздрогнула. Это заставило ее призадуматься.

Еще долго разглагольствовал речистый богач, пока не убедился, что убитая горем Зайнаб покорилась ему. И тогда Рахим-бай удалился так же бесшумно, как и пришел.

Лишь у себя дома дал он волю истинным чувствам.

Взяв с подноса на низком столике горсть душистого кишмиша и жадно проглотив его, он уставился на Акрама, почтительно застывшего у двери.

— Гляди, вот так я поступлю с семьей Шарипа. Я долго, терпеливо ждал, когда плод созреет и упадет в мои руки. И вот плод упал. И я не выпущу его. Теперь-то участок будет моим.

— Великий вы человек, Рахим-бай!— подобострастно заверещал Акрам.— Нет предела вашей мудрости. Как ловко вы обвели вокруг пальца эту глупую бабу! Но, бай, объясните мне, неразумному, зачем вам нужен Шарип здесь, в кишлаке?

— У тебя и впрямь ослиные мозги, Акрам, если ты не можешь этого постичь. Пусть все вокруг увидят, что не только о себе печется Рахим-бай, а как истинный слуга аллаха, заботится и о ближних. И ему безразлично, кто этот ближний: бедняк или богач, лишь бы был мусульманином. Люди увидят и расскажут другим. И новые люди придут ко мне с поклоном и с просьбой. Они пополнят число моих должников.

— Ну, а Шарип? Что вы сделаете с ним, Рахим-бай?

— С ним? Этому нечестивцу я постараюсь помочь очиститься от грехов, но только... на том свете, Акрам. С вдовой же справиться нетрудно. Во всяком случае, жив будет или умрет, участок его будет моим, не отработать ему денег, которые я дал сегодня его глупой жене.

— Но ведь это грех, Рахим-бай, убивать ни в чем не повинного человека. Обмануть, ограбить, это я понимаю, но убивать?

— Грех?! Грешат лишь нищие ублюдки. Разве я грехами добывал свое богатство? Нет. Оно от бога. Но и все мои поступки тоже от бога. Да... А на земле Шарипа я выстрою караван-сарай. Уж очень он выгодно расположен — на дороге в Ходжент. И путники будут благодарить меня. И никому, слышишь, никому не будет дела до того, на чьей земле он стоит.

— Иншааллах! — ответил Акрам и согнулся в низком поклоне.

Продолжение следует.

Г. Жженов — Вилли Старк.

ВИЛЛИ СТАРК И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

Книга Уорена «Вся королевская рать» любима многими советскими читателями. Потому извечная трудность экранизации — несовпадение типа киногероя с внутренним представлением о нем зрителя — возникала и у Н. Ардашникова и А. Гутковича, создателей телеварианта «Всей королевской рати». Но прекрасно подобранный ансамбль актеров значительно облегчил эту задачу. Вилли Старк — Г. Жженов, Джек Берден — М. Казаков, судья Ирвин — Р. Плятт, Сэди — Т. Лаврова, Анна Стентон — А. Демидова, доктор Стентон — О. Ефремов — все они нашли в своих ролях тот стержень, что был основным для персонажей романа, фокусом их личности, чертой, необходимой во всем сюжетном рисунке.

Но, сохраняя этот основной стержень, актерам пришлось пренебречь теми оттенками, переходами, живыми жизненными «случайностями», какие одухотворяют человеческий тип и составляют обаяние романа... Аскетический отбор главного от «необязательного» привел к тому, что даже центральная фигура романа — губернатор Вилли Старк — оказалась несколько обедненной.

Путь наверх Вилли Старка, его яростное честолюбие, открытое хищническое стремление к власти и, наконец, поражение, постигающее его уже на последней ступеньке лестницы, сведены создателями телефильма именно к этой «ступеньке». Мы видим Старка уже надломленным и невольно симпатизируем ему, соболезнуя, почти жалея, хотя Старк Уорена — «сильная личность», не брезгующая ради победы никакими средствами. Личность, которая, обладая властью, легко злоупотребляет ею. Короче, жалости не требует.

Вилли Старк — новая сила, вступающая в борьбу с консервативными политиками старой закалки. Сила будто бы демократичная, потому что играет на интересах большинства, будто бы прогрессивная, но на самом деле разлагающаяся уже в самом зародыше. Вилли Старк — будто бы победитель — терпит поражение, разбивается насмерть, вырвавшись из орбиты привычности, молчаливой опеки тех, кто стоит за ним и над ним; тех, кто всесилен и, дозволяя «свободу», может и придержать за рукав — дальше не положено. Вилли Старк, спекулировавший на всем и на всех, однажды решил пренебречь выгодой, позволил себе строить бесплатную больницу, как искупление былых грехов, и расплатился за это «чистое дело» жизнью...

В телевизионной постановке Вилли Старк, разумеется, не успевает обратиться к нам всеми этими гранями, но в том уж никак нет вины Г. Жженова, превосходно сыгравшего своего героя.

То же можно сказать и о других действующих лицах фильма: время, отпущенное им, теснило их, и они боролись в его тисках как могли... Зато такие персонажи, как Рафинад (Л. Дуров) или Дафи (Б. Иванов), чьи образы требуют не столько психологических проникновений, сколько точности штриха, характерной детали, радуют мастерством режиссерской и актерской работы.

Следует сказать, что постановщики «Всей королевской рати», обращаясь к материалу из американской действительности, встретились с известными трудностями, но не допустили тех бестактностей, которые нередки в сочных «картинках» о России зарубежного производства, а порою в подобных же «картинках» из «заграничной жизни» у нас. Использование хроникальных вставок выполнено в меру и со вкусом. Вообще вкус — а это серьезное мерило! — не изменил работникам Белорусской телестудии, создавшим этот интересный фильм, почти нигде.

Н. КОЖЕВНИКОВА

МАНГАЗЕЯ ЗЛАТОКИПЯЩАЯ

Города, стремительно достигшие славы и бесследно исчезнувшие, всегда волнуют воображение, рождают упрямое желание заглянуть в прошлое, понять его значение для настоящего.

Таким городом была Мангазея. Где она находилась? Когда возникла? Почему ее называли златокипящей? Зачем понадобилось археологам вести на ее месте раскопки, ведь обычно о жизни средневековых городов историки узнают из письменных источников? Что нового открыли ученые в ее судьбе?

Об этом наш корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ попросила рассказать начальника Мангазейской экспедиции ордена Ленина Арктического и Антарктического научно-исследовательского института доктора исторических наук, профессора М. И. БЕЛОВА.

КЛЮЧ ОТ ГОРОДА

Каждое утро в семь по местному и в пять по московскому времени мы поднимаем флаг нашей экспедиции — рогожное полотнище метра три с половиной длиной и метр шириной. На полотнище изображен ключ, похожий на те, что мы находили при раскопках. Бородка его напоминает очертания буквы «М», а кольцо — буквы «Э». При достаточном воображении это расшифровывается нами как «Мангазейская экспедиция».

Мангазеей я «заболел» давно. Еще в 1947 году, когда занялся историей древнерусского мореплавания. Состояла эта история почти сплошь из белых страниц. А полярникам она была необходима не только для изучения прошлого, но и для лучшего понимания настоящего. Тогда-то я впервые столкнулся с яркой судьбой русского заполярного города.

Этот город возник на крайнем севере Сибири, за 66-й параллелью, на высоком правом берегу реки Таз. Именно он был организатором далеких походов в неведомые тогда заполярные земли. В истории северного мореплавания, что меня тогда интересовало, роль его была просто огромна. Мангазейский морской ход — первая полярная магистраль, связавшая русское Поморье и реки: Обь, Таз, Енисей — по Печорской губе и Карскому морю, через волоки на Ямальском полуострове. По сохранившимся скудным историческим сведениям, этот морской ход стал известен на Руси еще в конце XV — начале XVI века.

Документы скупо рисуют жизнь Мангазеи: архив города почти весь погиб в частых пожарах. Поэтому получилось, что легендарный, заброшенный в тундре город, сыгравший выдающуюся роль в освоении русскими севера Сибири, не имел своей истории. Помочь восстановить его историю могли только археологические раскопки.

Мысль начать в Мангазее раскопки пришла мне не первому. Попытки археологического изучения древнего заполярного города предпринимались и раньше: в 1900 году, 1914, 1927, 1946 годах. Но они не увенчались успехом. Во-первых, было не известно точно, где копать и что искать, во-вторых, уж очень далеким был этот город, очень тяжелые для работы условия. Одна только вечная мерзлота ставила перед археологами, казалось бы, неразрешимые проблемы. И все-таки мы, несколько энтузиастов, влюбленных в историю русского Севера, отправились попытать счастья. В этом решении нас поддержал известный полярник, академик Е. К. Федоров; Ленинградский институт Арктики и Антарктики принял на себя организацию работ.

Помню, как в Ленинграде, на Фонтанке, 34, впервые снаряжалась наша историко-географическая экспедиция. Сколько было тогда разговоров, предостережений, благоразумных речей моих ученых коллег, не советовавших ввязываться в столь рискованное предприятие! «Что ты хочешь там найти? — удивлялись они.— Ну, найдешь маленькое поселение — и все. Принципиальных вопросов это не решит: о русских городах северной Сибири мы знаем все равно слишком мало». Напоминали, что известный историк С. В. Бахрушин говорил о Мангазее лишь как о постоялом дворе, транзитном пункте. Он начисто отрицал там постоянное население, думая, что город вымирал в зимнее время и оживал лишь в дни пушной торговли.

Но мы были упрямы. Мы поехали.

О ЗОЛОТЕ, ДРЕВНЕЙ АМФОРЕ И КОМАРАХ

В Мангазее нас встретили два безжалостных врага: вечная мерзлота, продолбить которую, казалось, было невозможно, и комары, которые, как с голодухи, набросились на нас. Но мы не бросили раскопки, не сбежали назад, в Ленинград.

Что же мы раскопали на берегу реки Таз?

Мы обнаружили кремль, остатки башен крепостных стен, воеводский и гостиный дворы, таможню, церкви... Более пяти тысяч предметов, найденных археологами, по крупицам восстановили утерянную историю Мангазеи.

Это был по тем временам довольно большой военный, торговый и ремесленный город, порт и крепость. Мы нашли оружие, пушечные ядра и принадлежности для охоты и рыбной ловли, керамическую и деревянную посуду, украшения, собачьи и оленьи упряжки, всевозможные лыжи — и детские, и спортивные, и промысловые, с красивым фигурным подъемом и берестяными креплениями. Нас заинтересовало, почему крепления берестяные. Ведь мангазейцы умели хорошо выделывать кожу. Оказывается, на берестяные крепления не налипает снег, не мешает при быстрой ходьбе. Кстати, о кожаной обуви. Мангазейские модницы относились к ее красоте и отделке весьма ревниво. Маленькая любопытная деталь: мы нашли много каблуков начиная от шпилек и кончая широкими, утолщенными книзу, будто с прилавка модных магазинов 1971 года.

О мужской моде тоже можно судить по нашим раскопкам. Тогда были в моде бороды и усы. Каких только щеточек и гребешков для расчесывания усов и бород не оказалось в имуществе мангазейцев!

Мангазейцы любили играть в шахматы. О популярности этой игры на Руси в XV—XVII веках говорят нам и письменные источники. Один подмосковный дьяк писал даже царю Алексею Михайловичу, что его прихожане стали реже посещать церковь, потому что увлекаются «бесовской игрой» — шахматами. При раскопках мы находили и отдельные фигуры, и складные шахматные доски, и маленькие, портативные шахматы.

Шахматы в Мангазее не преследовались, а вот игра в «зернь» — кости — каралась по закону. В кости проигрывались состояния, дома, собаки и даже жены. Эта игра была запрещена в Сибири под страхом смертной казни, но, как мы выяснили, мангазейцы частенько ослушивались царского указа.

Очень много отыскали мы деревянных футляров от самых различных печатей. Но особенно интересен оттиск свинцовой печати, обнаруженный нами. По кругу вырезано название голландской торговой фирмы. По-русски оно звучит так: «Амстердам и другие торговые дома». Как попала эта печать в заполярный сибирский город? Иностранным компаниям въезд в Сибирь был запрещен еще при Иване Грозном. Царь Михаил Федорович в 1619 году вновь запретил морские и сухопутные поездки в Мангазею «всем немцам», как называли на Руси иностранцев. В исторической литературе о Сибири выражается мнение,

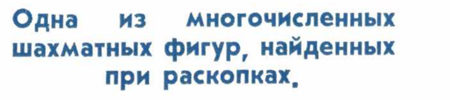
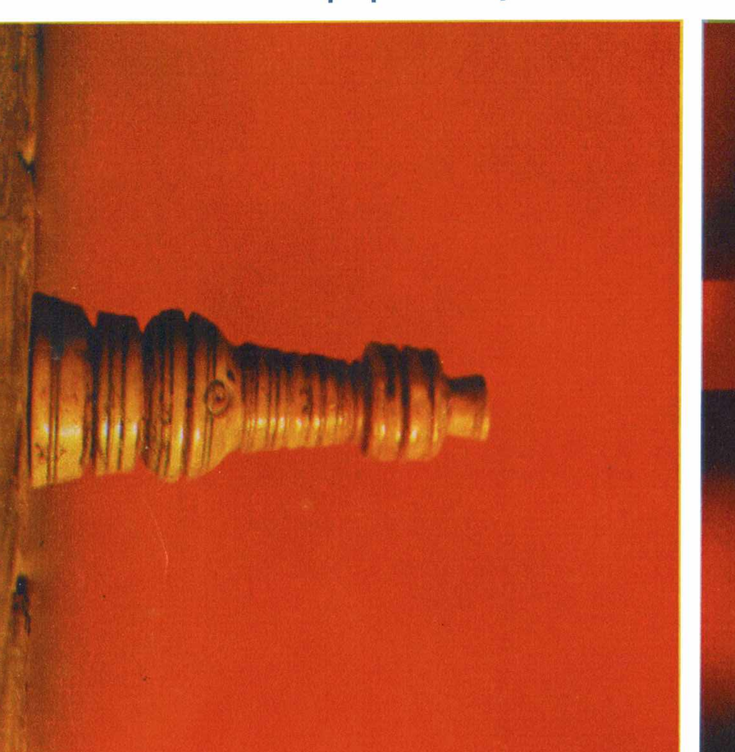
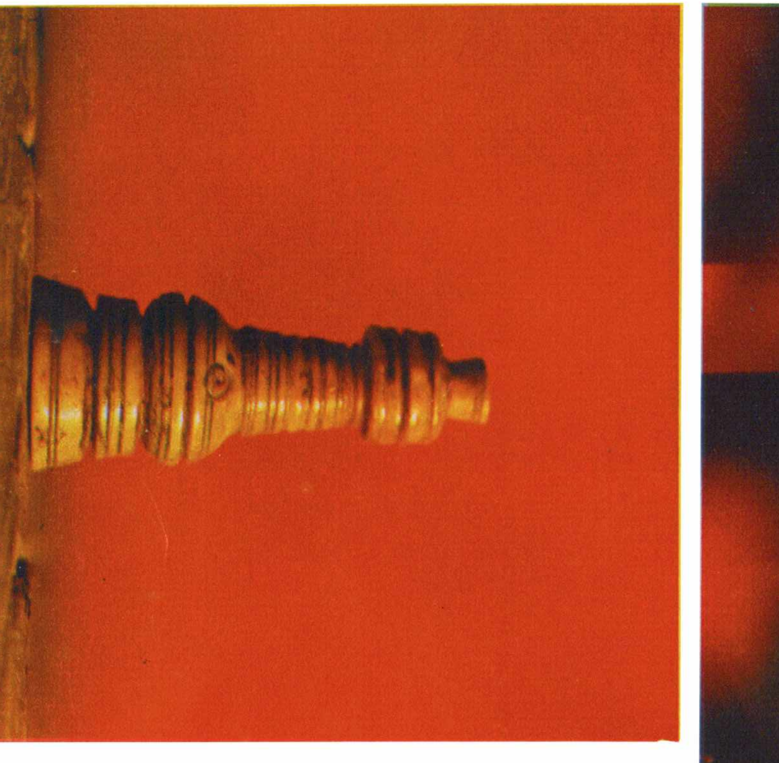

Фото Г. Копосова.

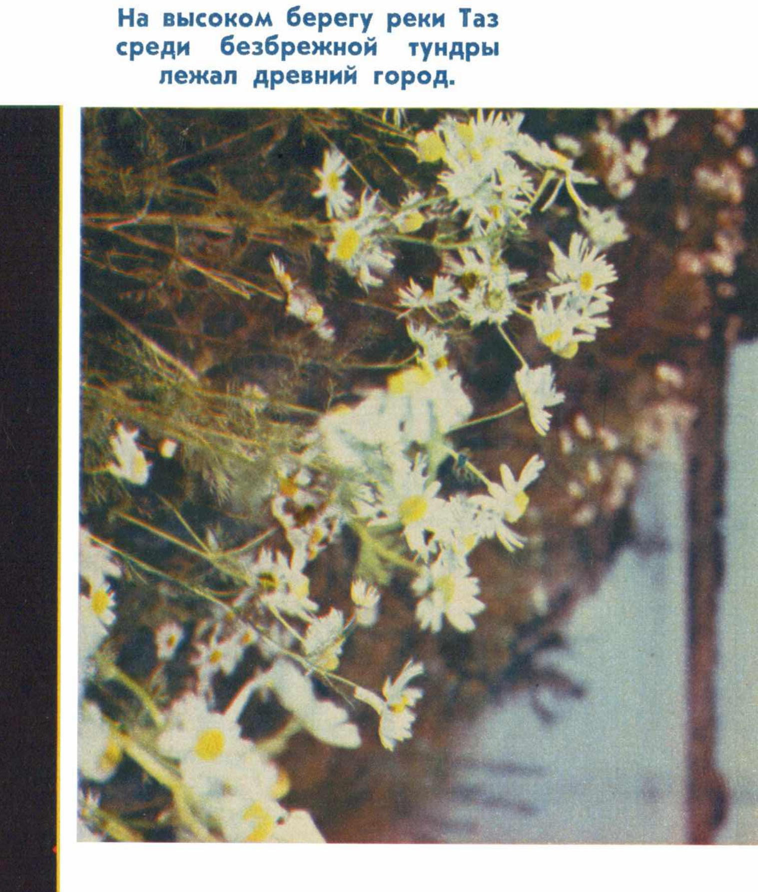

Одна из многочисленных шахматных фигур, найденных при раскопках.

Костяные изделия с изящной отделкой. Может быть, так выглядело старинное домино!

Руководитель экспедиции профессор М. И. Белов.

На высоком берегу реки Таз среди безбрежной тундры лежал древний город.

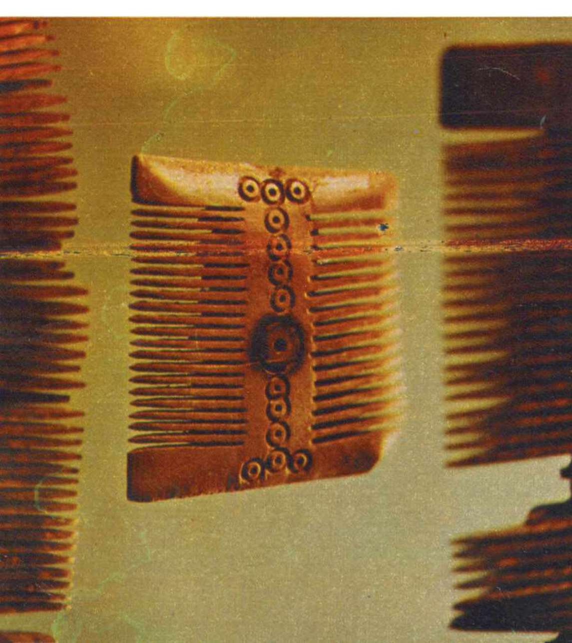

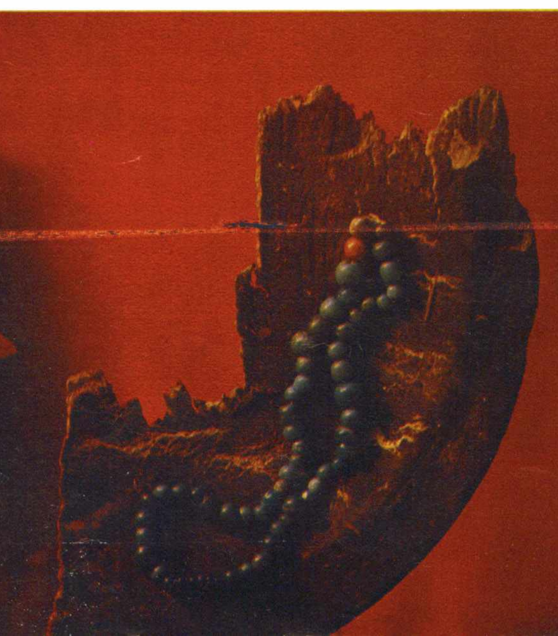
Мангазейский ключ.

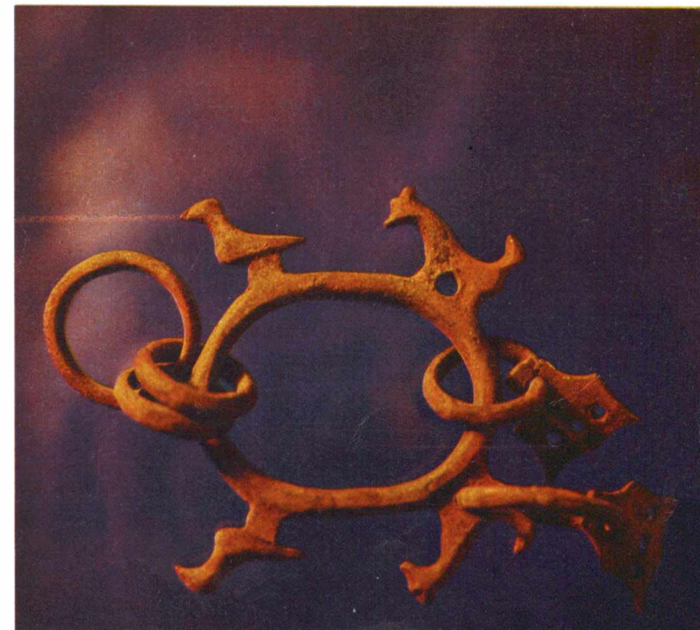

что западноевропейские купцы не проникали за пределы Уральского хребта. Наша находка противоречит этому традиционному мнению. Оказывается, знаменитая голландская торговая компания, грабившая народы Ост- и Вест-Индии, проникла и на мангазейский рынок. Возможно, на реку Таз приехал кто-либо из голландцев. А может быть, амстердамские купцы действовали через русских торговых людей, передоверив им свой капитал и свою печать? Конечно, эта сделка была тайной, так как сурово каралась по русским законам. Но так или иначе, иностранные купцы тоже принимали участие в торговой жизни города. А вскоре мы обнаружили еще одно свидетельство иностранного торгового проникновения в Мангазею — золотой талер выпуска 1558 года.

Эти находки совсем по-новому рисуют жизнь столицы Заполярья.

Так постепенно мы все лучше узнавали жизнь и быт северного города. «Все теперь знаю, как тут жили люди, чем занимались, с кем торговали,— пошутил однажды кто-то из нас.— Лишь одного не понимаю: как терпели комаров и мошкару? Не может быть, чтоб не было у мангазейцев никаких противокомариных снадобий».

И вот однажды... На одном из раскопов в доме богатого ремесленника мы нашли красивую фаянсовую амфору. На ее поверхности рядом с надписью Balsam была оттиснута корона и эмблема в виде латинской буквы S, а внутри прилип комочек серого вещества. Мы полагали, что это засохший бальзам, и бережно его сохраняли. Ведь еще никто никогда не находил подобные вещи при раскопке древнерусских городов.

Пришла эта амфора в сибирское Заполярье на поморских судах, проделав длинный путь, по-видимому, из Англии. А затем ее купил зажиточный мангазейский ремесленник.

Ремесленник действительно был богат. Его праздничный стол украшала не только деревянная или керамическая, но и фарфоровая посуда. Рядом с амфорой лежали разбитые чашки из китайского фарфора, хрустальные рюмки, рисованные эмалевыми красками штофы.

Осенью, вернувшись с раскопок в Ленинград, я с волнением отнес амфору на Аптекарский остров, в Химико-фармацевтический институт, для анализа. Под пинцетами фармакологов серый комочек вдруг раскрылся и оказался льняной тряпицей, пропитанной каким-то липким раствором. Остатков бальзама, увы, не оказалось. В акте экспертизы говорилось, что раствор содержит густой состав дегтя.

Меня интересовал состав бальзама, поэтому на слово «деготь» я не обратил никакого внимания. Но недавно, читая старинный англо-русский словарь англичанина Ричарда Джейса, натолкнулся на любопытное объяснение слова «деготь». Этим маслянистым веществом, пишет автор, на севере Руси косцы пропитывали платки и надевали их на голову, чтобы запах дегтя отгонял комаров. Так вот как спасались от комаров мангазейцы...

Может быть, фармакологам стоит заинтересоваться этим древним рецептом?

Меня часто спрашивают: «А много золота вы раскопали в Мангазее?» Ведь не случайно ее называли златокипящей. Сразу разочарую любопытных. Нет, немного. Пожалуй, кроме золотых монет, только очень дорогой и красивый мужской перстень с аквамарином. Кто был хозяином этой превосходной вещи? Наши подозрения пали на владельца резного ларчика, найденного в этом же раскопе. На одном из фрагментов ларчика оказалась надпись: «Ондрея Трофимова». Может быть, он и был владельцем перстня?

И все-таки почему Мангазея златокипящая, если золотых кладов в ней не обнаружено?

Впервые выражение «златокипящая» встречается в челобитной 1631 года на имя царя Михаила Федоровича мангазейского воеводы Андрея Палицына. Палицын жаловался на другого мангазейского воеводу, который замыслил «твою златокипящую государеву вотчину Мангазею разорить». Видно, Палицын был не лишен художественного воображения и в понятие «златокипящая» вложил смысл о богатствах города. Ведь мангазейская земля ежегодно посылала на общероссийский рынок только одних соболей до 100 тысяч! В XVII веке это оценивалось в сумму более полумиллиона золотых рублей. Потому-то так стремительно прославилась и разбогатела Мангазея.

СЕНСАЦИЯ НОМЕР ОДИН

А теперь я хочу рассказать о находке, которая кажется мне подлинной сенсацией и о чем подробно еще нигде не писалось.

Славу новгородских археологических экспедиций составили так называемые берестяные грамоты. Это было новое слово в науке, сенсация, глубоко взволновавшая не только историков, но и всех, кому дорого прошлое Родины. Сенсацией нашей экспедиции стала находка древнего полярного корабля — коча, на котором русские люди бороздили льды северных морей. Более трех веков это судно было основным морским транспортом на севере Руси. А как оно выглядело, до наших находок никто не знал. Никаких точных описаний и изображений этого корабля не сохранилось. Однако расскажу все по порядку.

При раскопках воеводского двора и других помещений мы обнаружили, что интерьеры домов часто состоят из просмоленных сосновых досок. Сосны в окрестностях Мангазеи нет на сотни километров. Родилось предположение, что это обшивка кораблей, которые приходили в Мангазею, в конечный, главный пункт межконтинентального пути, и тут расшивались. Крепкая, просмоленная корабельная обшивка, естественно, шла в дело.

Из документов известно, например, что из Тобольска и Березова в Мангазею через Мангазейское море — Обскую и Тазовскую губу приходило ежегодно до 20—25 кочей. Это были большие палубные корабли до 40 тонн грузоподъемности и 90 тонн водоизмещения. Длина кораблей — 19—20 метров, ширина — 5—6.

По мере раскопок мы находили все больше отдельных деталей кочей: форштевни, кили, рули, судовые гвозди и скобы и т. д. Нашли мы и поморские компасы — солнечные часы, по которым древнерусские мореходы водили свои суда студеным морем. Два компаса, очень интересной конструкции, сделаны из кости, от третьего сохранился лишь медный циферблат. Постепенно образовалась целая, единственная в мире коллекция, из которой складывался облик древнерусского полярного корабля. Но это еще не все. На корабельных досках мы нашли точное графическое изображение кочей. Неизвестный художник начала XVII века (доска датируется 1601 годом) старательно вырисовал все детали корабля: паруса, мачты, якорь, даже разрез судна! Это единственное изображение древнерусских полярных судов, ходивших по арктическим морям.

Находки, как изображение, так и детали самих кочей, показывали, что корабли были много сложнее, чем представлялось по скупым письменным источникам. Это были двухпарусные (а не с одним парусом, как думали раньше), двухмачтовые суда. Одна мачта снималась. Второй, носовой парус, типа кливера, меньше основного и ставился, когда судно маневрировало во льдах.

Недавно в бассейне нашего Института Арктики и Антарктики испытывалась модель коча. Она сделана благодаря мангазейским раскопкам. Модель постоянно уточняется, так как новые находки прибавляют неизвестные ранее штрихи к облику первого древнерусского полярного корабля.

Так археологические находки дали совсем новые сведения о древнерусском судостроении, характере и возможностях полярного судоходства на Руси.

ПРЕДШЕСТВЕННИЦА НОРИЛЬСКА

«При чем здесь Норильск?»—спросите вы. Ведь Мангазею и Норильск разделяют более чем три века и многие сотни километров... Но тем не менее связь между этими заполярными городами есть. Это бесспорно доказала одна из наших находок, буквально поразившая историков, так как она разбивала все традиционные представления о хозяйстве северных городов.

Мы копали на холме в центре посада. Погода, помню, в тот день была великолепна, солнечная, даже комары, казалось, чуть-чуть сбавили свою кровожадную активность. А нам с Сергеем Покровским страшно не везло: лопата наталкивалась только на камни. «Наверное, каменоломня,— решили мы,— надо кончать копать». В сердцах я поддел ногой очередной камень и вдруг... Да, это было именно «вдруг» — из-под моей ноги выкатился... тигль.

Сергей Покровский сразу оценил находку. «Свистать всех наверх!» — закричал он.

Теперь на холме копали не только мы двое, а вся экспедиция. Что же открылось?

Это было огромное по тем временам литейное производство—целый плавильный завод. Около плавильных печей стояли тигли, лежал шлак. В тиглях застыли капли меди и олова. А неподалеку находились изготовленные тут забракованные предметы: медные котлы (нашли ушко от такого котла), подсвечники, перстеньки, нательные кресты, украшения, медальоны. О таком размахе ремесленных работ в Мангазее никто даже не подозревал.

Но самое интересное оказалось впереди. Литейные отходы мы послали на анализ в Ленинград, в Институт геологии Арктики. И что же выяснилось? Анализ показал, что это были медно-никелевые руды из... теперешнего района Норильска. Сначала, когда знаменитый открыватель норильских руд Николай Николаевич Урванцев сообщил мне об этом, я подумал, что он шутит. Но Урванцев не шутил. Это были, действительно, руды такого состава, которых нет на Урале. Они находятся на Таймырском полуострове около теперешнего Норильска и залегают так близко к поверхности, что их можно добывать открытым способом. Район Таймырского полуострова и озеро Пясино входили тогда в состав Мангазейского уезда. Добытую открытым способом руду везли за сотни верст в Мангазею, чтобы отлить из нее дорого ценившиеся изделия.

Литейное производство Мангазеи поражает. Ведь оно развивалось в особых заполярных условиях и по праву является далеким предшественником современной индустрии Норильска и Талнаха.

Вот какие неожиданные сюрпризы скрывала три века мангазейская земля.

Теперь понимаете, почему на флаге нашей экспедиции мы изобразили мангазейский ключ? Археологические раскопки стали ключом, заново открывшим богатейший древний город—Мангазею златокипящую.

Деревянный идол днем и ночью несет свою вахту, «охраняя» раскопки. Его выточили из дерева участники археологической экспедиции.

Костяные гребни.

Украшение старинной модницы.

Резные деревянные и костяные изделия.

Медальон-икона, отлитая в заполярном городе.

Мангазейская посуда.

Подвеска к конной сбруе.

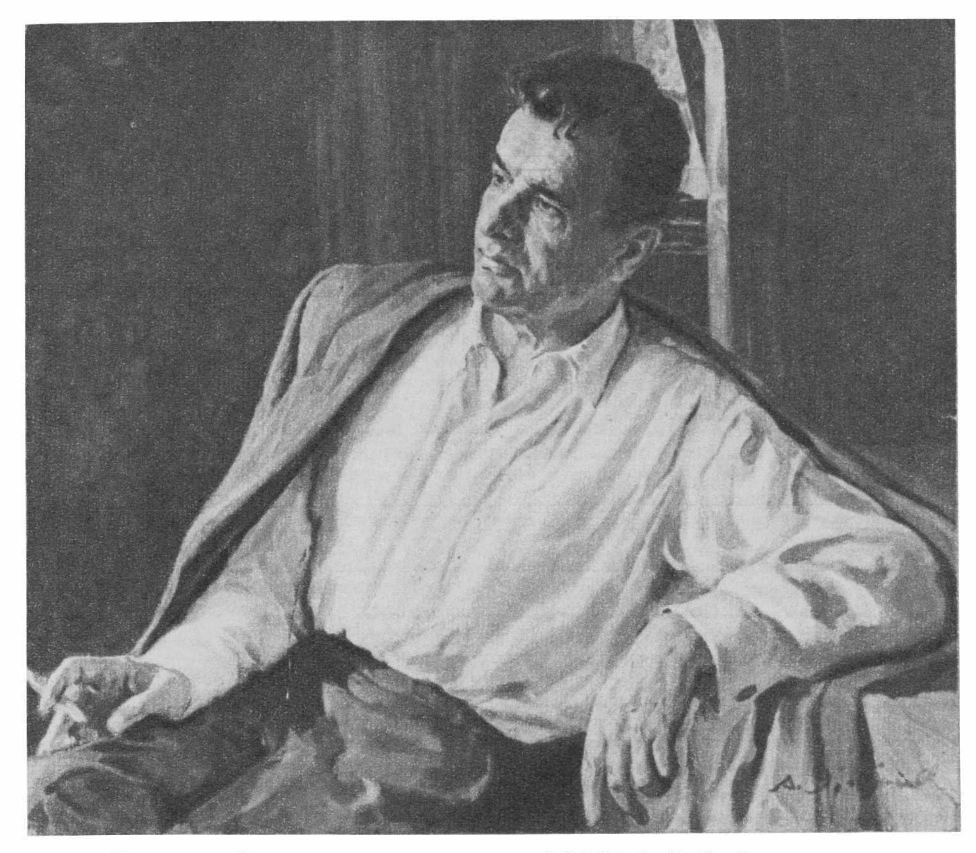
Семен БАБАЕВСКИЙ

ЛЮБОВЬ ЕГО — ЛИТЕРАТУРА

К 75-летию со дня рождения Ф. И. Панферова

Есть известный портрет, написанный художником Яр-Кравченко: Федор Панферов в накинутом на одно плечо светлом пиджаке, глаза спокойные, о чем-то своем, сокровенном думающие, одухотворенные черты знакомого мужественного лица. Посмотришь на этот портрет и невольно скажешь: да, похож! Да, точно, была в его лице эта внутренняя сосредоточенность! И есть портрет иной, так сказать, нерукотворный, тот, что хранится в сердце каждого, кто близко знал Федора Ивановича и знал не вообще, а со всеми странностями и особенностями его недюжинной натуры.

К каждому из нас он как бы поворачивается какой-то особенной стороной своего самобытного характера, и поэтому мнения и суждения о нем у нас бывают разные. Б. Брайнина: «Федор Панферов — один из основоположников родной нашей советской литературы». Валерий Дементьев: «Как и всякий большой художник, Панферов был удивительно постоянен в утверждении своих идей». Александр Дроздов: «Журнал «Октябрь» он любил до беспамятства. Он любил его как место служения народу...» Григорий Боровиков: «Федор Иванович всегда кому-нибудь помогал, кого-то выводил, как говорится, в люди». Эммануил Казакевич: «Федор Панферов понял со свойственной ему основательностью новые задачи литературы». Григорий Коновалов: «Федор Иванович Панферов как писатель, общественный деятель, наконец, как личность — явление сложное, противоречивое, яркое». Н. Мизин: «Натура его была по-степному широка...». Константин Паустовский: «По всей сути своей Федор Иванович Панферов был человеком народным...». Шараф Рашидов: «Это был страстный, неутомимый борец за коммунизм, очень взыскательный и необычайно трудолюбивый художник». В. Сурганов: «Живя, работая и борясь во имя молодого, писатель чувствовал себя на верном пути...». Аркадий Первенцев: «Что мне сразу понравилось в характере Панферова — это его страстность, напористость, широта. Можно смело назвать характер Панферова государственным...».

Портрет работы народного художника РСФСР А. Н. Яр-Кравченко.

Все сходятся на том, что Федор Панферов был славным сыном своего времени, что в литературу он вошел не просто, как входят многие, а шагнул в нее со свойственной русскому человеку оригинальностью взглядов и смелостью суждений. Он не был писателем молодым, начинающим, а сразу стал писателем известным. Ибо уже с выходом в свет первой книги «Брусков» творчество Федора Панферова привлекло к себе пристальное внимание широких кругов литературной критики и миллионов читателей.

В нем постоянно жила одна завидная особенность — необыкновенная, жадная, я бы сказал, чисто панферовская любовь к литературе и ко всему, что с нею связано. Этой любовью он жил и вдохновлялся, с мыслью о литературе ложился спать и с этой же мыслью вставал; ею страдал и радовался, она его огорчала и восторгала, ей он был беззаветно предан.

Четверть века он стоял у руля «Октября», и через его взволнованное сердце проходило все то, что печаталось в те годы в этом старейшем журнале и что оставило заметный след в росте и развитии современной советской литературы. Я знал во всех отношениях отличных редакторов и не знал ни одного, кто был бы таким, как Федор Панферов. Когда речь заходила о молодом, начинающем писателе, у него самыми ходовыми словами были слова: «Надо помочь!» Это его «Надо помочь!» говорилось часто и звучало как пароль «Октября». Он не только редактировал и печатал молодых, он их растил, о них заботился, о них постоянно думал, с ними вместе радовался или огорчался.

Ничто, казалось, так его не занимало, как постоянная забота о тех, кто впервые приносил в «Октябрь» свои рассказы, повесть или роман, как желание помочь молодому литератору прочно встать на ноги. В оценках и в критических замечаниях он был строг. Но эта строгость не отпугивала, не обижала и не обескураживала, а радовала, как сына радует справедливая строгость отца. Когда же повесть попадалась талантливая, он расцветал в улыбке, всем показывал повесть, звонил друзьям по телефону. «Ах, какая славная вещица! — говорил он.— Порадовал меня молодой и никому еще не известный автор. Но скоро читатели и узнают его и полюбят!» И еще он любил говорить: «Молодой, пробующий свои силы писатель всегда нуждается в дружеской руке и в чувстве заботливого локтя». В этих словах весь Федор Панферов. Ведь мы знаем, что не один, а десятки ныне известных советских писателей в своей литературной молодости чувствовали эту дружескую панферовскую руку.

Он приходил в «Октябрь» всегда раньше своих сотрудников. Начинал с поручений секретарше. Поручения были разные. И депутатские и читательские. А были и такие. Он восторженно показывал только что вышедший из печати «толстый» журнал и говорил:

— В этом журнале я прочитал отличную повесть! Не читали? Прочтите непременно! Талант! Надо послать автору телеграмму. Узнайте адрес.

— Федор Иванович, может, достаточно будет и простого письма?— усомнилась секретарша.— Зачем же телеграмму?

— Затем, что эта повесть заслуживает не просто письма, а даже срочной телеграммы. Отправьте, вот текст и деньги.

В этом тоже весь Федор Панферов.

В его характере была еще одна весьма примечательная черта — это неиссякаемое, какое-то врожденное желание читать новые рукописи. В них он искал и находил молодые литературные таланты. Понятно, попадались они не так-то часто, и для того, чтобы отыскать достойную внимания рукопись, нужно было прочитать не один десяток романов и повестей.

Поступавшие в «Октябрь» рукописи он увозил на свою дачу на Николину Гору, а привозил уже прочитанные, с карандашными пометками на полях,

то восторженными, то гневными, и уже с готовыми ответами авторам. Потом он еще долго помнил о тех, кого читал, интересовался их жизнью, работой. Казалось, и дня он не мог прожить без того, чтобы не заниматься чужими рукописями, и делал он это с вдохновением.

Уже будучи тяжело больным, он часто находился в больнице. Но и здесь, в больничной палате, как и в своем редакторском кабинете, не расставался с рукописями. И сюда к нему приходили так же, как и в «Октябрь» или на Николину Гору. Как-то пришел к нему писатель К. Естественно, разговор зашел о литературных новостях, о том, кто и что пишет, какие «толстые» журналы вышли и что в них напечатано.

— А как твой новый роман? — спросил Федор Иванович.— Скоро закончишь?

— Вот уже закончил.

— Принес?

— Да ты что? В больницу?

— А что — больница? Приноси, я прочту быстро.

— Поправишься, выйдешь из больницы, а тогда и прочитаешь.

— Тогда буду читать других, а сейчас хочу прочитать тебя. Что там у тебя получилось? Как сам считаешь?

— Самому-то оценить трудно.

— Вот и приноси мне. Завтра же! И обязательно!

Роман был прочитан, на полях рукописи сделаны пометки с советами и пожеланиями, с автором состоялся разговор о том, что нужно в рукописи переделать, что исправить и как... Но это уже была последняя прочитанная им рукопись и последние высказанные им советы и пожелания: через два дня Федора Ивановича не стало...

В последние годы своей жизни он часто приезжал в колхоз «Пролетарская воля», что на Ставропольщине. И не без причины. «Пролетарская воля», бывшая в двадцатых годах коммуной, пахари которой ходили за плугом с перевешенной за плечами винтовкой,— это особая страница в жизни писателя. Здесь он впервые увидел все то, что затем яркими картинами вылилось в «Брусках». Отсюда, из «Пролетарской воли», вошли в «Бруски» и Огнев, и Стеша, и Ждаркин. В «Пролетарской воле» автора «Брусков» всякий раз встречали, как родного сына. Особенно трогательными были встречи со старыми коммунарами, с теми, кто знал писателя еще совсем молодым.

Со свойственной ему хозяйской заинтересованностью Федор Иванович проходил по полям и фермам, интересовался доходами артели, жизнью колхозников, а вечером в переполненном Доме культуры выступал перед внуками и правнуками бывших коммунаров. «Какие же вы молодцы, как же вы далеко шагнули, огневцы вы мои!» — восторженно говорил он. Мне, свидетелю этих поездок в «Пролетарскую волю», он говорил: «Веришь, Семен, тянет меня, как магнитом, тянет в «Пролетарскую волю». И я-то знаю почему. Тут истоки «Брусков», и тут моя молодость. Побываю на земле, где начиналась моя литературная биография, увижу, как изменилась жизнь в «Брусках», и на душе такая радость, что и словами не передать...»

В Москву он возвращался помолодевшим и поздоровевшим. И снова «Октябрь», снова те же литературные заботы и хлопоты. Как-то после возвращения из очередной поездки он спросил у меня (в ту пору я был его заместителем):

— Помнишь, в «Октябрь» приезжал молодой писатель Л.? Что о нем слышно? Как он там поживает и что поделывает?

Я сказал, что с тех пор, как Л. побывал в «Октябре» со своими рассказами, а затем уехал к себе домой, от него не было никаких вестей.

— Плохо, очень плохо! — с огорчением сказал Федор Иванович.— А почему мы не поинтересовались, как он там? Почему не написали письмо? Парень-то чертовски талантлив! Вот что, пошли-ка ему телеграмму. Сегодня же! Пусть приезжает. А когда приедет — тащи ко мне на Николину Гору. Надо поговорить с ним по душам.

Я бывал на Николиной Горе и хорошо знал, что оно такое — «тащи ко мне» и «надо поговорить по душам». У него вошло в обычай: в ком он видел талант и с кем намеревался поговорить не вообще, а по душам, тех приглашал к себе на дачу. Там, в лесной тиши, за обеденным столом или в беседке за чашкой чая, происходил разговор дружеский, доверительный и совершенно непринужденный, со всей той заинтересованностью, которую так умел проявлять Федор Иванович к молодому способному литератору.

Недавно я снова побывал на Николиной Горе. Остановился перед знакомым домом, снял шляпу и склонил голову. На деревья уже легли печальные краски осени. Дорожка, которая когда-то уводила нас к беседке, засыпана желтыми листьями. Пахло яблоками и грибами. К чему ни обратись, на что ни взгляни — все здесь говорит о Федоре Ивановиче, все воскрешает в памяти давно ушедшие дни. Тот же дом, обращенный окнами на юг, то же знакомое слово на фасаде — «Антоша». Те же сосны подпирают хмурое небо, и та же гибкая рябина в красных монистах стоит в молитвенном поклоне, и тот же старый яблоневый сад. И Антонина Дмитриевна все такая же приветливая, и кажется, что вот-вот распахнется дверь и навстречу гостям со своим волжским «Воляй, воляй, робятки!» выйдет в просторной куртке сам улыбающийся хозяин Николиной Горы. И еще кажется, что не было ни смерти, ни прожитых одиннадцати лет и что Федор Иванович не появился в распахнутых дверях только потому, что он, как это часто с ним случалось, находится в длительной командировке; но что он непременно вернется, стоит только малость подождать, и тогда мы опять услышим его басовитое «Воляй, воляй, робятки!», и что в той же круглой беседке, в устоявшейся тишине мачтовых сосен начнется все тот же озабоченный разговор по душам, и что жизнь на Николиной Горе снова пойдет так же, как она шла здесь многие годы.

УВЛЕЧЕННОСТЬ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА ВАСХНИЛ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ИВАНОВА

3 октября исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского ученого в области животноводства, человека глубокого патриотизма и высокой увлеченности своей наукой, академика Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина Михаила Федоровича Иванова.

Я был студентом Михаила Федоровича, под его руководством делал свои первые шаги в науке, поэтому память об этом человеке мне особенно дорога. Первый раз я увидел его на кафедре Тимирязевской сельскохозяйственной академии (тогда Московского сельскохозяйственного института), где я учился. Лекции профессора Иванова были яркими, он читал как-то очень понятно и в то же время не делая скидок на облегченное восприятие; его лекции заставляли глубоко проникнуть в суть науки, в суть нашей будущей профессии. Может быть, поэтому мы уважали и любили Михаила Федоровича как своего дорогого учителя не только в науке, но и в жизни. По предметам, которые он читал, им были написаны отличные учебники, вполне достаточные для успешной сдачи экзаменов. Однако мы, студенты, аккуратно посещали все лекции, так как мы твердо знали, что услышим о новейших исследованиях по животноводству, которые велись в научных институтах всего мира. Это еще не успевало войти в учебники. Сам Иванов был непременным экспертом на выставках животноводства, а также осуществлял экспертизу во многих зарубежных странах по качественной оценке племенных животных для закупки.

Достижения академика ВАСХНИЛ М. Ф. Иванова в области животноводства достаточно широко известны у нас и за рубежом. Впервые в истории мировой науки им предложена научно обоснованная методика выведения новых пород овец и свиней. Принципиальные положения этой методики успешно используются и сейчас не только в овцеводстве и свиноводстве, но и в остальных отраслях животноводства. Выведенная Михаилом Федоровичем в Аскании-Нова в 1924—1934 годах первая новая в Советском Союзе порода овец асканийская остается и сегодня гордостью животноводства, продолжая ставить мировые рекорды по продуктивности шерсти и мяса. Институт в Аскании-Нова, где вел работы академик Иванов, носит его имя.

За заслуги перед Родиной, перед наукой Михаил Федорович Иванов был избран в 1935 году на Седьмом всесоюзном съезде Советов членом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Я хочу опять вернуться к тому, о чем не говорится в научной литературе о М. Ф. Иванове, но что хорошо знаем мы, его ученики. Отношение Михаила Федоровича к своим сотрудникам и студентам недостаточно было назвать просто заботливым и сердечным. Оно носило характер отеческой любви при безграничной готовности оказывать любую помощь. В течение более чем 15-летней моей работы под его руководством и в тесном деловом с ним контакте я не знал случая, чтобы кто-либо из обращавшихся к нему за советом получал отказ. Зато мне известно много примеров, включая из моего личного опыта, когда он вселял в молодежь такой оптимизм и уверенность в свои силы, что благодаря этому легче преодолевались трудности, а их при творческой работе всегда немало.

Отличаясь большой скромностью и доброжелательностью, Михаил Федорович был весьма требовательным к себе и к своим сотрудникам. Эта требовательность была во всем, начиная от пунктуальности соблюдения режима рабочего времени и кончая тщательностью выполнения научных работ с опубликованием их результатов. Каждый сотрудник сознавал, что лучше было вообще не являться в назначенный срок к Михаилу Федоровичу, если не вся работа выполнена так, как надо, нежели изыскивать всевозможные «объективные» причины для оправданий. И это объяснялось отнюдь не опасением вызвать резкую реакцию со стороны профессора. Пугало другое: убеждение, что придется пережить тяжелую моральную травму, выступая в роли человека, не оправдавшего доверия Михаила Федоровича, его внимания.

Не все знают, что М. Ф. Иванов был не только крупным ученым, но и незаурядным художником — его картины выставлялись на профессиональных выставках. И в научной работе и в искусстве выражалась его самозабвенная любовь к природе. Особенно он любил писать раздольные южные степи, где прошли его детство и юность, те степи, где пасется теперь созданная им порода овец. Все, что делал этот человек, отличали глубина и увлеченность.

Академик ВАСХНИЛ А. НИКОЛАЕВ

На снимке — М. Ф. Иванов.

В актовом зале МГУ — митинг, посвященный началу учебного года.

Фото Л. Бородулина.

ЗВОНКАЯ ЮНОСТЬ

Познание тайн далеких галактик и лунных кратеров, глубин Мирового океана и ледяного континента — Антарктиды, строение атомного ядра и новых химических соединений... В этих и многих других областях науки плодотворно работают ныне выпускники прославленного учебного заведения Страны Советов — Московского государственного университета имени Ломоносова. Кто же пополнит их ряды?

...Нарядно убран актовый зал. Возле трибуны алеют десятки знамен — свидетельство трудовой доблести учащихся МГУ. На торжественном митинге выступают ученые, преподаватели, студенты. Все здесь, как большой праздник, отмечают начало нового учебного года.

Заведующий кафедрой неорганической химии Герой Социалистического Труда академик Виктор Иванович Спицын, который вот уже пятидесятый раз участвует в таком празднике, напутствует добрым словом первокурсников. Обращается, в частности, и к тем, кто поступил на химический факультет университета, к тем, кто будет слушать его лекции.

Сюда нынче пришло хорошее пополнение. Почти треть юношей и девушек окончили школу с золотой медалью. Половина — дети рабочих и колхозников. Среди первокурсников есть люди, имеющие за плечами немалый житейский опыт. Владимир Сыроежко — коммунист, бывший ефрейтор пограничных войск. Он привез в университет отличную характеристику от командования части. Хорошей производственницей была член КПСС Зоя Маркина — пять лет проработала крутильщицей на Волжском заводе синтетического волокна. Пятилетний трудовой стаж у помощника сталевара, коммуниста Величко.

— Из средней школы к нам тоже приходят хорошие ребята,— рассказывает старший инспектор учебной части факультета Раиса Яковлевна Быкова,— вот, например, второкурсница Мария Толстая. Отличная студентка, все экзамены сдает на пятерки. А многие нынешние новички приехали к нам издалека: с Южного Сахалина, из Чувашии, Мордовии. Но посмотрите, как быстро входят они в жизнь факультета, усваивают наши традиции. Да, впрочем, зайдите в комитет комсомола, увидите сами.

В комитете полно первокурсников: до чего ж интересно рассказывают бывалые студенты о каникулах! С завистью смотрят неофиты на загоревших, возмужавших парней в романтической форме студенческих стройотрядов. Командир отряда имени Федорова Саша Исаев и комиссар Юра Иванов рассказывают, как работали на целинных землях. О строительстве жилых домов, подсобных помещений они говорят, как истые профессионалы. И между прочим замечают, что в строительные отряды берут только тех студентов, которые хорошо учатся. И девушек, конечно, берут. Вот у них Люда Алюшина и Таня Лысенко работали не хуже ребят, отлично работали. И первокурсники, с уважением взглянув на Люду и Таню, спрашивают: кто такой Федоров, чьим именем назван строительный отряд?

При входе в здание химического факультета укреплена мраморная мемориальная доска. На ней золотом высечены имена студентов, аспирантов и преподавателей, которые погибли в Великую Отечественную войну. И среди них Евгений Вакхонович Федоров, павший смертью храбрых на Ленинградском фронте в 1941-м.

Каждый год в День Победы весь химический факультет собирается на митинг возле памятника героям. Выступают их родственники, ветераны Великой Отечественной войны. Затем здесь же по доброй традиции строительным отрядам присваивают имена студентов, отдавших жизнь за Родину.

Внимательно слушает звонкая юность рассказы о грозных днях 1941 года. Юноши и девушки, которые сейчас учатся в университете, в чем-то, может, и не похожи на тех, кому было двадцать лет в 1941-м. Но разве это важно? Главное другое: большинство из них комсомольцы, коммунисты, патриоты своей Родины. И, если понадобится, они бестрепетно закроют грудью свою Советскую Отчизну.

А. ГОЛИКОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ЗАЩИТУ ЖАНРА

22 сентября «Литературная газета» в своем «Дневнике» опубликовала статью «...и литературно-художественный!», посвященную прозе и поэзии в «тонких» журналах. Автор ее — «Литератор», с большей или меньшей обстоятельностью описав положение дел в «Сельской молодежи», «Смене», «Работнице» и «Крестьянке», несколько заключительных абзацев посвятил «Огоньку». Один из них стоит того, чтобы процитировать его полностью.

Вот он:

«Нельзя также не посетовать и на то, что полнокровный рассказ на современную тему — редкий гость на страницах «Огонька». В то же время журнал весьма часто предоставляет место произведениям детективного и приключенческого жанра, литературные достоинства которых оставляют желать лучшего. В качестве примера можно назвать печатавшийся в более чем десяти номерах детектив Ал. Азарова и Вл. Кудрявцева «Дом без ключа».

Коротко. Безапелляционно. И со всего плеча.

Без малейшего признака аргументации, без какого-либо намека на разбор достоинств и недостатков вынесен приговор. И, кроме того, по ходу дела нанесен удар по целому жанру, якобы отнимающему у «полнокровного рассказа» его законную площадь в журнале.

Как известно, приключенческие произведения по достоинству заняли место на книжных полках, их печатают не только «толстые» и «тонкие» журналы, но и газеты — от центральных до местных, молодежных; детективные постановки охотно включает в свои программы Центральное телевидение, имеющее гигантскую зрительскую аудиторию. И не удивительно, ибо генеральная тема этого жанра — будь то роман, посвященный разведчикам, или повесть о работниках милиции — подвиг в самом высоком и точном значении слова. Противопоставление «детектива» «полнокровному рассказу» — противопоставление непродуманное, возвращающее нас к той поре, когда со стороны отдельных критиков детектив подвергался остракизму, а писатели, работающие в этом жанре, если и вспоминали, то лишь для того, чтобы публично предать анафеме.

В последние годы приключенческий жанр перестал быть объектом критических упражнений. Тем огорчительнее позиция «Литератора», допустившего, к слову, известного рода вольность и при сопоставлении двух журналов — «Сельской молодежи» и «Огонька». Если верить «Литератору», то «Сельская молодежь» печатает только «чистую» прозу, тогда как «Огонек» якобы оттесняет ее на задворки в угоду лишенному достоинств детективу. Так ли это? Перелистав подшивку «Сельской молодежи» за этот год, мы без труда обнаружили в ней и повесть о разведчиках и другие приключенческие вещи, наряду с рассказами, конечно.

Поскольку «Дом без ключа» выведен в качестве некоего эталона плохой детективной прозы, обратимся именно к нему, отметив попутно, что речь идет об основанном на документах повествовании о советских военных разведчиках, совершивших поистине легендарные подвиги в годы Великой Отечественной войны.

Но это только к слову. Теперь о самом романе.

Нам, людям, знакомым с разведкой не понаслышке, «Дом без ключа» представляется бесспорной удачей авторов и редакции. Ал. Азаров и Вл. Кудрявцев с большим профессионализмом, талантливо и ярко открывают перед читателем малоизвестные страницы героической борьбы советской разведки с секретными службами нацистской Германии. В центре романа — образы Жака-Анри Леграна, Вальтера Ширвиндта, Жюля и Роз, лиц не вымышленных, хотя и носивших в жизни другие имена. Воссоздавая напряженные, порой трагические эпизоды, авторы с помощью чисто литературных средств добиваются того, что образы советских разведчиков выглядят не только жизненно достоверными, но и выпуклыми, зримыми. Думается, что тот же Жак-Анри Легран, обрисованный с особой теплотой и точностью в выборе психологических черт и характеристических деталей, достоин встать в один ряд с Вайсом—Беловым («Щит и меч») и Штирлицем—Исаевым («Семнадцать мгновений весны»)—героями, прочно завоевавшими любовь самого массового читателя.

Есть ли в романе слабые места и отдельные недостатки? Думается, есть. Но говорить о них следовало бы с позиций дружественной критики, объективно, а не зачеркивать все произведение походя, как это делает «Литератор». Роман, трактующий тему советского патриотизма, доносящий до читателя нравственные, идейные образцы для подражания,— такой роман, на наш взгляд, не заслуживает безапелляционного зачисления в разряд произведений, которые «оставляют желать лучшего».

Мы надеемся, что «Огонек» и в дальнейшем будет продолжать публикации приключенческих повестей и романов, остросюжетных, героических, искренне любимых читателями и взятых ими на вооружение в качестве литературных образцов патриотической пропаганды подвигов — подвигов, совершенных во имя народа и для народа.

Ал. Ал. Лукин, почетный чекист, сотрудник ВЧК — ОГПУ с 1918 года, бывший заместитель командира по разведке особого чекистского отряда Героя Советского Союза Д. Н. Медведева;

Н. В. Звонарева, подполковник в отставке, бывший военный разведчик;

М. А. Фортус, майор, бывший контрразведчик и разведчик;

семья Героя Советского Союза, полковника, военного разведчика Л. Е. Маневича — Н. Д. Маневич, подполковник в отставке, и Т. Л. Маневич;

Н. С. Фрумкин, полковник в отставке, бывший начальник разведотдела Краснознаменного Балтийского флота, ответственный редактор Атласа Всемирной истории;

С. А. Ваупшасов, Герой Советского Союза, полковник.

ТАЙНА ПАРИКМАХЕРА

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Рисунок И. БЛИОХА.

Все началось с Вовки Семина. Впрочем, для тех, кто знал его поближе, в этом не было ничего удивительного. Судите сами: еще в четвертом классе Вовка, будучи чрезвычайно раздосадован постоянным вмешательством бабушки в его общественные занятия, на одном из пионерских собраний (бабушка, кстати, на нем присутствовала) подготовил группу своих друзей, и они пропели хором, как в древнегреческих трагедиях: «Объявляется для всеобщего сведения, что ученик Владимир Семин меняет бабушку на старую керосинку».

Это было только начало. В шестом классе, когда на уроке проходили разные шрифты, он красиво и старательно написал: «Осторожно — злая собака» — и повесил объявление на дверь учительской.

Но это только частности. В свои тринадцать лет Вовка многое знал и многое умел. Во-первых, он увлекся физикой и за каких-нибудь два месяца полностью прошел годовой курс за шестой класс, а к концу учебного года, пока его одноклассники штудировали свойства твердого тела, Вовка свободно разбирался в основных законах оптики.

Вторым его увлечением была криминалистика. Впрочем, вряд ли он знал точно, что это такое, но все, что касается деятельности майора Пронина и других выдающихся детективов, было изучено им во всех подробностях.

Видимо, сочетание этих разносторонних познаний и послужило причиной дальнейших событий. Трудно сказать, когда точно это произошло, но в один из весенних дней Вовка Семин пришел к твердому убеждению, что проживающий с ним по соседству Виктор Арнольдович Розенкевич — агент иностранной разведки. Может, сыграло свою роль и то, что Розенкевич жил одиноко, занимая однокомнатную квартиру на третьем этаже, держался со всеми подчеркнуто вежливо, но холодно, ни с кем из соседей близко не сходился, был аккуратен: уходил на службу и возвращался домой всегда в одно и то же время.

Вывод оказалось легче сделать, чем подкрепить. Нужны были наблюдения, но что увидишь на протяжении тех семи с половиной минут, пока Виктор Арнольдович шел утром от дома до трамвайной остановки и столько же вечером от трамвайной остановки до дома?

Вот тут-то и пригодились познания в области физики. План был гениально прост: одно зеркало размером с лист почтовой бумаги закреплялось на ветке тополя, вершина которого находилась как раз на уровне третьего этажа, напротив окна квартиры Розенкевича. Стоило только второе зеркало закрепить внизу так, чтобы по правилам оптики луч, отраженный от первого, падал на поверхность второго, как получался своего рода перископ, который кардинальным образом разрешал проблему изучения поведения подозрительного соседа.

К возвращению Виктора Арнольдовича Вовка был уже на посту. Первое, что он заметил, была картина в широкой раме, висевшая на стене, противоположной окну. Потом в поле его зрения несколько раз попадал владелец картины. На этом наблюдения пришлось закончить, так как бабушка появилась во дворе и прогнала Вовку делать уроки.

Назавтра приспособление было усовершенствовано. Под нижнее зеркало подведен столик, а сверху положен учебник, так что бабушка, когда бы она ни выглянула в окно, всякий раз видела внука усердно склонившимся над учебником. Так продолжалось дней десять. Любой другой на его месте давно бы оставил эту затею, но Вовка был не из таких. К тому же он помнил советы майора Пронина относительно терпения и упорно продолжал свое дело. И его терпение было вознаграждено.

Однажды, придя с работы, Розенкевич прошелся по комнате, подошел к картине, и Вовка своими глазами увидел, как картина расщепилась на две части наподобие слоеного пирожка, а между полотном и картоном был положен большой темный пакет.

Наконец-то свершилось! Теперь все дальнейшее зависело от Вовкиной находчивости. Весь вечер, а потом в школе Вовка в деталях обдумывал план операции по изъятию таинственного пакета. И, надо сказать, провел ее с блеском. С балкона четвертого этажа, где он жил, была опущена веревка на балкон соседа. Затем с помощью свободного конца той же веревки Вовка через открытую форточку проник в квартиру соседа, немного повозившись, заставил картину раскрыться, и заветный пакет оказался у него в руках. На все это, считая возвращение домой, ушло двенадцать минут — ровно на пять минут меньше того, сколько бабушке обычно требовалось, чтобы сходить за хлебом в ближайшую булочную.

Выбрав удобный момент, он осторожно вскрыл большой пакет из черной пергаментной бумаги. Тут его ждало первое разочарование: документов в пакете не оказалось, зато он увидел десять пачек с аккуратно сложенными десятирублевыми ассигнациями, по сто штук в каждой.

Положение оказалось пренеприятное: героическое разоблачение шпиона грозило вылиться в ординарную квартирную кражу. К этому печальному выводу Вовка пришел не сразу и не окончательно. Видимо, в нем еще теплилась какая-то надежда на благополучный исход дела, когда после двух дней мучительных раздумий он пришел к дежурному Управления комитета государственной безопасности и попросил проводить его к начальнику, «который занимается шпионами».

Можно только предположить, какой там состоялся разговор и понял ли Вовка, почему ему следует встретиться с прокурором города, но поскольку налицо был, мягко выражаясь, акт незаконного изъятия и временного присвоения чужой собственности, такая встреча состоялась в кабинете Алексея Тимофеевича.

Именно тут я впервые и познакомился с Вовкой Семиным. Это знакомство вряд ли было бы продолжительным, если бы не дальнейшее развитие событий.

* * *

Казалось бы, чего проще? Вовка добросовестно заблуждался, деньги, которые он принес, следовало возвратить их законному владельцу. С чего начать? Прежде всего звонок в милицию: надо прекратить розыск преступника, укравшего деньги в квартире Розенкевича. Но, оказывается, никакого розыска и не ведется по той простой причине, что заявления от потерпевшего не поступало.

Тем лучше. Я подмигнул Вовке, понуро сидевшему в углу дивана: «Тебе повезло, сосед еще не успел заметить пропажи». В ответ Вовка неопределенно хмыкнул, видимо, до его сознания плохо доходил смысл происходящего, а может, он все еще был во власти им самим придуманной истории.

Отправив его домой и наказав пока никому ни о чем не рассказывать, я стал поджидать Розенкевича. Пожалуй, именно таким он должен быть, судя по Вовкиному рассказу. Высокий, худощавый мужчина лет за пятьдесят, с тонкими чертами лица подошел к столу. Он аккуратно опустился на стул, каким-то почти неуловимым жестом поправил галстук и, слегка подняв правую бровь, вопросительно посмотрел на меня.

— Недавно у вас пропала крупная сумма денег,— начал я,— так вот, они нашлись. Но прежде чем их вам возвратить, необходимы кое-какие формальности.

Вторая бровь Виктора Арнольдовича поползла вверх, он минуту подумал, затем тонко улыбнулся и вкрадчиво произнес:

— Первое апреля уже давно прошло. Непонятно, почему товарищ следователь решил так пошутить.

— Но речь идет о нескольких тысячах рублей,— не удержался я.

— Тем более!— Розенкевич даже слегка всплеснул руками.— Откуда у скромного бухгалтера объединения городских парикмахерских такие деньги?

— Признаться, именно это обстоятельство мне и хотелось выяснить с самого начала,— сказал следователь.

Казалось, Розенкевич все больше приходил в себя.

— Кстати, где этот вор? Когда это случилось? Как он проник в мою квартиру на третьем этаже?

Вопросы следовали один за другим. Перемена ролей меня не устраивала, и чтобы быть стороной, задающей вопросы, а не отвечающей на них, пришлось быстро закончить запись короткого объяснения. Я предложил Виктору Арнольдовичу разрешить все вопросы, так сказать, на месте происшествия.

Всю дорогу до дома Розенкевич не проронил ни слова. Во дворе первое, что бросилось мне в глаза, был ряд тополей, вершины которых достигали уровня третьего этажа. Под одним из них расхаживал Вовка Семин и старательно делал вид, что все происходящее к нему никакого отношения не имеет. Одного взгляда на Вовкины маневры было достаточно, чтобы определить расположение интересующей меня квартиры. Мой решительный поворот в четвертый подъезд несколько озадачил Виктора Арнольдовича, но он промолчал и на этот раз, только слегка пожал плечами и последовал за мной.

В квартире только что произвели ремонт, вернее, его даже еще не закончили. Заметив, что мое внимание привлекают стены, хозяин квартиры пояснил самым безразличным тоном:

— Не правда ли, очень приятные и недорогие обои? До этого были какие-то аляповатые цветочки. Пришлось заменить, абстрактный рисунок мне больше нравится.

— Что-то пустовато на стенах,— по возможности простодушно заметил я,— ни одного украшения.

— Знаете, не люблю картин и никогда в жизни их не имел,— в тон мне ответил Розенкевич.— Вот керамика — другое дело. Пойдемте на кухню, сейчас покажу вам свое последнее приобретение...

Вечером, как всегда, подводились итоги. Как ни прикидывай, получалось одно из двух: или Вовка сочинил всю эту историю, хотя это маловероятно — деньги-то до сих пор лежали в моем сейфе; или их прежний владелец почему-то считает для себя нужным от них отказаться. Но почему?..

* * *

Видимо, не многие из тех, кто пользуется услугами парикмахерских, знают, что число жителей любого современного города можно легко определить, если иметь данные о том, сколько в нем работает парикмахеров. Так вот, на каждую тысячу городских жителей обоего пола, включая древних стариков и грудных младенцев, должен быть один мастер-парикмахер, иначе женщины перестанут быть красивыми, а

мужчины зарастут волосами на манер первобытных предков.

В нашем городе было почти триста мастеров. Это, между прочим, означало, что ежемесячно парикмахерские посещало сто тысяч человек, или одна треть городского населения. Если к этому еще добавить, что в год на клиентов-мужчин расходовалось полтонны одеколона, а на женщин — столько же «Лонды», «Локона», хны и других парфюмерно-косметических материалов, то вы сможете хотя бы примерно представить себе денежный оборот этого большого и многогранного хозяйства.

Побрившись или сделав маникюр, клиент платит определенную сумму в кассу и, как правило, не задумывается над тем, что происходит дальше с его деньгами.

А происходит следующее: кассир учитывает всю выручку в целом и каждого мастера в отдельности. Собранные со всех парикмахерских деньги сдаются в отделение банка, а в объединение поступают сведения о том, какой мастер сколько выработал в данном месяце. По этим сведениям начисляется зарплата в размере от 30 до 45 процентов выручки мастера.

Для того, чтобы проверить полноту поступления и учета выручки, следовало сопоставить данные о сдаче денег в банк со сведениями о выработке мастеров. Эта работа и была поручена ревизорам. Они исследовали документы и пришли к выводу, что бухгалтер объединения Розенкевич учет ведет хорошо и никаких нарушений не имеется. В самом деле, если бы хотя часть выручки не попала в банк, это легко было бы заметить при сравнении с той суммой, которую вырабатывали мастера. Каждый мастер, конечно, знал, какова его выработка за месяц, поэтому не могло быть и речи о присвоении денег за счет недоплаты.

Я познакомился с выводами ревизоров, а заодно и с биографией руководителей объединения. Виктор Арнольдович Розенкевич, как явствовало из его личного дела, родился в 1912 году в Петербурге, сирота, воспитывался в детском приюте. Окончил бухгалтерские курсы, почти всю войну провоевал на фронте, был командиром батареи. Семья погибла в Ленинграде во время блокады. После войны работал главным бухгалтером объединения парикмахерских хозяйств сначала в Ленинграде, потом в одном из крупных городов Урала, оттуда перебрался в Казахстан и последние пять лет — в нашем областном центре.

Его начальник, некий Панюков, перед самой войной был на крупной советской работе, затем его сняли за какой-то проступок, и с тех пор возглавлял объединение парикмахерских хозяйств. Привлекла внимание одна деталь: он работал в тех же местах, где и Розенкевич. Причем, как правило, сперва Панюков становился во главе объединения, затем некоторое время спустя на сцене появлялся Розенкевич.

Не успел я до конца осмыслить эти интересные совпадения, как мое внимание привлекли чьи-то быстрые шаги в коридоре. Дверь приоткрылась, сперва показалась знакомая физиономия, а затем и сам Вовка Семин. По всему было видно, что он не терял времени даром — за месяц каникул, что мы не встречались, он сильно загорел и немного подрос. Подойдя ближе, Вовка молча развернул и положил на стол комплект журнала «Нива» за 1913 год. Я не сразу сообразил, в чем дело. На фотографическом снимке был изображен большой, красивый зал парикмахерской, а на первом плане — улыбающийся Розенкевич.

Все-таки у Вовки оказался наметанный глаз. В том, что перед нами именно Розенкевич, не было никаких сомнений: разрез глаз, форма носа, подбородок, типичный поворот головы, жест рукой и даже гладкая прическа. Вот только костюм отличался от того, в котором обычно ходил Виктор Арнольдович. Подпись гласила, что владелец заведения г. Арнольд Розенкевич приглашает дам и господ посетить лучший салон-парикмахерскую Санкт-Петербурга.

Ничего не скажешь: умел-таки Вовка задавать загадки. Получив в каникулы от бабушки комплект старых журналов, он, видимо, случайно наткнулся на этот портрет и, следуя только ему ведомым суждениям, принес его ко мне. И, надо сказать, весьма кстати: к некоторым особенностям биографии руководителей объединения прибавилась еще одна: Розенкевич имел папу — владельца модного салона и, несмотря на это, предпочел оставаться «сиротой».

* * *

Психологи говорят, что в любой работе большую опасность представляют так называемые «косные стереотипы» — привычные, укоренившиеся суждения и оценки, которые сплошь и рядом искажают восприятие, делают его неточным и неполным. Особенно они вредны в работе с документами. Именно в силу таких стереотипов можно оставить без внимания справку, выписанную 31 апреля и даже 30 февраля, хотя очевидно, что таких дней в календаре вообще не существует.

Теперь уже из собственного опыта я могу твердо сказать, что на работников отделов социального обеспечения косные стереотипы не действуют. Поэтому, когда в райсобес принесли датированную 31 июня справку о зарплате мастера одной из парикмахерских Федюнина, уходящего на пенсию, заведующий внимательно рассмотрел документ и написал синим карандашом распоряжение своему старшему инспектору: «Прошу проверить на месте ведомости на выплату зарплаты мастеру Федюнину за последние три года, потому что 31 июня еще ни разу не было».

Старший инспектор выполнил указание своего начальника: проверив документы, он установил, что сведения о зарплате завышены, так как по три-четыре месяца в году Федюнин не работал и ведомостей на выплату ему зарплаты не имеется. Дело с назначением пенсии затягивалось. Потеряв терпение, старый мастер пришел в прокуратуру с жалобой на формалиста из райсобеса.

Таким путем эта жалоба и попала ко мне как к «специалисту по парикмахерским делам» с наказом от Алексея Тимофеевича разобраться с ней самым подробнейшим образом. Приехав на место, я довольно скоро выяснил, что в бухгалтерии объединения не хватает нескольких ведомостей на выплату зарплаты Федюнину не за три, а за пять лет. За прошлый год, например, отсутствовали ведомости с августа по ноябрь. Сам мастер пояснил, что он в это время работал, как обычно, а зарплату получал, но не по общей, а по отдельной небольшой ведомости. Так иногда случалось и раньше не только с ним, но и с другими работниками. Федюнин назвал несколько фамилий. Другие мастера припомнили, когда это происходило. Оказалось, что платежных ведомостей и на этих лиц в бухгалтерии не имеется.

Тогда я обратился к рабочим листам — документам, в которых учитывается труд мастеров. Даже беглая проверка показала, что в тех случаях, когда не было ведомостей на зар-

плату, отсутствовали и рабочие листы этих мастеров. Постепенно стало проясняться, что произошло. Чтобы окончательно проверить свою догадку, я поехал еще в две парикмахерские и установил, что точно такие же случаи были и там.

До чего же просто и нагло действовали жулики! Они не сдавали часть выручки в банк, выплачивали из нее 30—45 процентов — зарплату части мастеров, остальное делили между собой, а чтобы скрыть следы, ведомости и рабочие листы мастеров на эту сумму уничтожали. Оставалось только пожалеть, как поздно это пришло мне в голову и что все следы преступления уже уничтожены.

Конечно, воровать могли только руководители в сговоре с некоторыми работниками бухгалтерии. Очевидно, что ведущая роль в этом принадлежала Панюкову. Именно к нему я и направился.

Уяснив, о чем идет речь, Панюков нагло уставился на меня и небрежно бросил, что «все это не более как досужие предположения, документов-то нет, и пусть за это отвечает тот, кто их потерял». Кроме того, он далеко не уверен, что документы вообще были, мастера могли не работать или не сдавать деньги в кассу. «С ними и разбирайтесь»,— закончил он.

Это была наглость сверх всякой меры. Бывает, что иногда нервы не выдерживают и у следователей. С трудом сдерживая себя, я свистящим шепотом пригласил в кабинет управляющего двух понятых — младших сотрудников, которым и объявил, что будет произведен обыск. Панюков пытался что-то сказать, но я жестом остановил его и быстро стал осматривать стол, шкаф и сейф управляющего.

Обыск, как и следовало ожидать, почти не дал результатов, если не считать, что на дне одного из ящиков стола мне попался старый журнал «Нива». Я знал, что там может быть. Почти безошибочно раскрыв страницу, я увидел уже знакомую мне фотографию Розенкевича, а на углу портрета надпись, очевидно, рукой Панюкова: «А. Розенкевич — враг народа».

Смысл находки, особенно с учетом дописки, был очевиден: используя этот документ для шантажа, Панюков сперва заставил Розенкевича воровать, а затем, втянув его в это дело, таскал с собой по городам страны и, угрожая разоблачением, заставлял «работать».

Все это окончательно раздосадовало меня: уже не сдерживаясь и не особенно выбирая выражения, стал высказывать Панюкову все, что я о нем думаю. Помню, я сказал, что он не только сам погряз в воровстве и грязных махинациях, но и самым бесчестным образом втянул в это других, пользуясь слабостью человека, который всю войну был на фронте, потерял семью и однажды скрыл правду о своем отце.

Несколько минут в кабинете гремела обличительная речь. Притихшие понятые с интересом слушали некоторые подробности из жизни своего начальника...

* * *

Утром, уже в спокойной обстановке, все происшедшее еще раз подверглось оценке. Здраво рассуждая, в моем распоряжении не было бесспорных доказательств вины Панюкова. И, конечно, не случайно Панюков бросил мне при расставании, что моя обличительная речь может и не дойти до ушей правосудия, так как документов не было, а без них установить, сколько всего украдено и какова в этом роль управляющего, было почти невозможно. Документы, документы — как жаль, что сразу они не были изъяты! Ведь не случайно и Панюков и Розенкевич, поработав четыре-пять лет в одном месте, спокойно уезжают в другое, тщательно уничтожив следы своей «деятельности».

Словом, раздумья были не из приятных, и я настолько в них углубился, что не заметил, как у моего стола оказался не кто иной, как сам Розенкевич. Только его и недоставало! Между тем Виктор Арнольдович все тем же неуловимым жестом поправил галстук и, взглядом спросив разрешения, так же аккуратно опустился на стул.

Начал он своим обычным холодно-вежливым тоном, но я почувствовал, что он внутренне взволнован и даже напряжен:

— Видимо, я несколько опоздал. Теперь, когда вы уже разобрались в некоторых особенностях работы нашего учреждения, вряд ли прозвучит правдиво, если я скажу, что пришел, чтобы раскаяться.

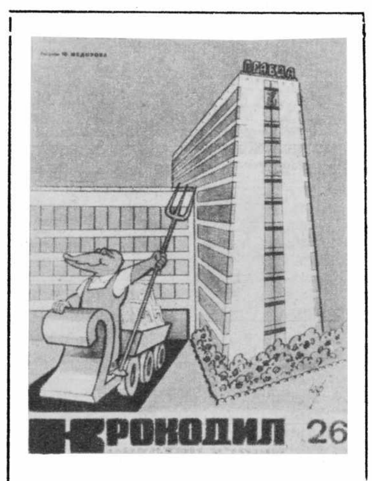
С минуту он помолчал, видимо, стараясь побороть волнение, затем продолжал в обычной своей манере:

— Скорее, я пришел поблагодарить вас. Вы высказали Панюкову все то, что я много лет не решался ему сказать. Мне передали этот разговор, и я жалею только о том, что не снабдил вас некоторыми подробностями, отчего ваша беседа только бы выиграла.

С этими словами он открыл небольшой чемодан и передал мне аккуратно завязанный сверток с документами. Заметив, что я продолжаю рассматривать содержимое чемодана, Розенкевич слегка смутился:

— Остальное это уже для меня лично. Видимо, по окончании беседы мне придется направиться не домой... Что касается документов, это те самые ведомости, которые вы не могли вчера найти. Кстати, их не нашел и юный детектив, проверявший содержание моего тайника. Надеюсь, деньги, которые он принес, пойдут в возмещение ущерба, тем более что сумма немалая, как вы увидите из этих документов.

Виктор Арнольдович умолк, слегка приподнял правую бровь и вопросительно посмотрел на меня, всем своим видом выражая готовность ответить на любой вопрос, интересующий следствие.

«КРОКОДИЛ»

2000 НОМЕРОВ

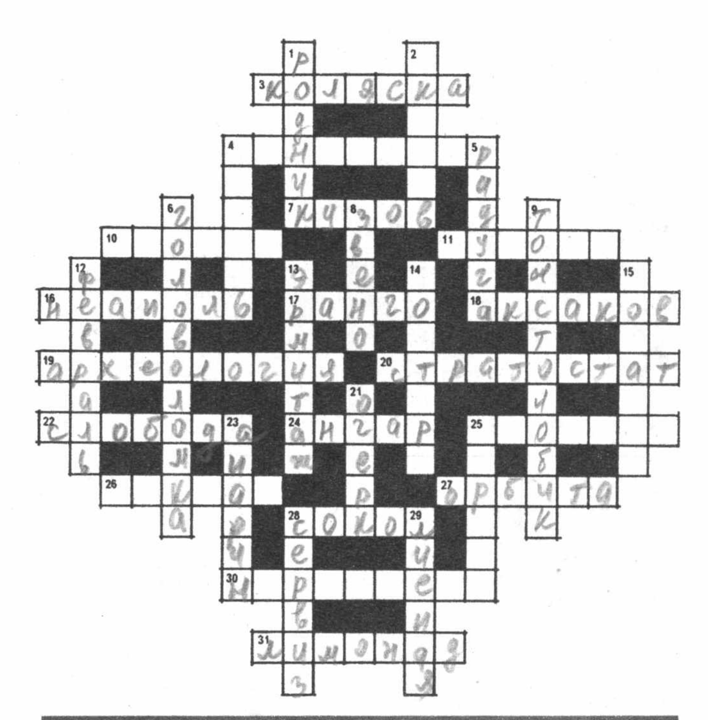
Конечно, «Крокодила» у нас не все боятся. Точнее сказать,— у нас его любят. Ведь «Крокодил», в сущности, очень добрый журнал. Он помогает, он учит, он защищает. Но с лентяями, прогульщиками, бюрократами, взяточниками и прочими мелкими и крупными негодяями «Крокодил» всегда суров и беспощаден. И вилы у него отнюдь не бумажные...

Лег на стол очередной номер журнала, а на нем надпись — «двухтысячный». И невольно вспомнишь, что две тысячи номеров — это почти пятьдесят лет жизни, а пятьдесят лет — это возраст солидный даже для всегда молодого, всегда задорного издания.

Можно смело сказать, что родился «Крокодил» вместе со всей советской сатирой: у «колыбели» журнала стоят замечательные мастера этого жанра: Демьян Бедный, Владимир Маяковский, Михаил Кольцов, Василий Лебедев-Кумач, художники Михаил Черемных, Д. Моор, Борис Ефимов. А сатирики более поздних поколений гордятся тем, что начиналась их творческая биография на крокодильских страницах. Родными братьями и боевыми соратниками «Крокодила» стали сатирические журналы, выходящие в союзных и автономных республиках страны.

...Итак, вышел двухтысячный номер. Но начинается новый день, и в адрес «Крокодила» приходят сотни новых писем. У журнала просят помощи, журналу жалуются на то, что есть еще в нашей жизни ненужного, вредного, мелкого. Снова спешат в командировки журналисты «Крокодила», снова уходят в печать острые фельетоны, яркие рисунки, без промаха разящие статьи. Нет, у доброго «Крокодила» вилы отнюдь не бумажные...

Б. СМИРНОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Повесть Н. В. Гоголя. 4. Порода собак. 7. Часть автомашины. 10. Игра. 11. Автор оперы «Турандот». 16. Порт в Италии. 17. Скотоводческая ферма на западе США. 18. Русский писатель. 19. Наука, изучающая историю человечества по вещественным памятникам. 20. Воздушный шар. 22. Населенный пункт в Древней Руси. 24. Стихотворение А. С. Пушкина. 25. Духовой инструмент. 26. Единица длины. 27. Путь движения небесного тела. 28. Хищная птица. 30. Указатель скорости подъема и спуска самолета. 31. Прохладительный напиток.

По вертикали: 1. Водный источник. 2. Персонаж романа И. С. Тургенева «Рудин». 4. Декоративный кустарник с душистыми цветками. 5. Оптическое явление в атмосфере. 6. Задача, загадка. 8. Авиационное подразделение. 9. Рыба семейства карповых. 12. Название месяца. 13. Музей в Ленинграде. 14. Артиллерийское орудие. 15. Аппарат для размножения рукописей, чертежей. 21. Вид повествовательной литературы. 23. Русский металлург. 25. Приток Куры. 28. Полный набор столовой или чайной посуды. 29. Приморский курорт в Латвийской ССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 7. Варламов. 8. Кокчетав. 9. Торт. 10. Нонпарель. 12. Трал. 13. Канада. 17. Юкатан. 19. Траншея. 20. Кронциркуль. 22. Соколов. 24. Акоста. 26. Эворон. 30. Пони. 31. Сервантес. 32. Лион. 33. «Сервилия». 34. Ваттметр.

По вертикали: 1. Калитва. 2. «Электра». 3. Каботаж. 4. Лотос. 5. Вобла. 6. Таганай. 11. Аранжировка. 14. Дискант. 15. Фронтон. 16. Ренклод. 18. Кольцов. 21. Скворец. 23. Торонто. 25. Спидвей. 27. «Обломов». 28. Тефия. 29. Декан.

На первой странице обложки: Студентка 2-го курса химического факультета Московского государственного университета комсомолка Мария Толстая.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Народный театр репетирует пьесу Я. Райниса «Вей, ветерок!». Участницы будущего спектакля (слева направо): Люба Титаренко, Лариса Щеголева, Лариса Круглова (см. в номере очерк «Рождение судеб...»).

Фото Д. Ухтомского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

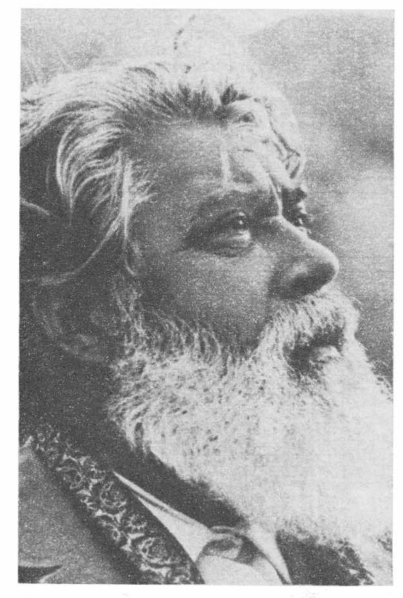
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/IX-71 г. А 00615. Подп. к печ. 28/IX-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1790. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1886.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

1

Все это было потом — Смоленск и Подмосковье, дорога жизни на Ладоге, Севастополь, Сталинград, Малая Земля под Новороссийском, Курская дуга, Днепр, Берлин. А первой была Брестская крепость...

Обрушив на крепость всю мощь своего оружия — целое море огня, гитлеровцы несколько недель выводили ее из строя по частям. А защитники крепости и в этом огне стояли насмерть, так и не отступив ни на шаг. И подвиг их вписан первыми строками в летопись мужества и патриотизма советского народа, поднявшегося на священную войну.

Отчизна не забыла доблести сынов своих. Сюда приезжали и приезжают тысячи людей, чтобы поклониться памяти героев. Холмские и Тереспольские ворота. Камни на месте пограничной заставы. Холодные ступени казематов, выщербленные осколками стены... Многое можно осмыслить, побывав здесь!

А теперь тут сооружен мемориал «Брестская крепость-герой». Средства на это величественное сооружение собрал народ. Автор комплекса — творческий коллектив во главе с народным художником СССР, лауреатом Ленинской и Государственных премий Александром Павловичем Кибальниковым. Строители с помощью многих предприятий страны воплотили замысел скульпторов и архитекторов в камне, в металле, в бетоне.

И вот торжественное открытие. Накануне в Брест съехались тысячи гостей, среди которых бывшие бойцы легендарного гарнизона, писатели, воины частей Советской Армии и флота, пограничники, друзья из Польской Народной Республики... И еще люди, у которых кто-то из близких в тот первый час войны встал на пути врага, не отступил под огнем, грудью закрыл Отчизну и лег в эту землю, остался здесь навсегда...

Открытие мемориала началось с митинга, на котором выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Белоруссии П. М. Машеров, участник обороны крепости Герой Советского Союза М. И. Мясников, писатель С. С. Смирнов, маршал авиации С. И. Руденко, Герой Советского Союза пограничник Ю. В. Бабанский и другие. Выступили и представители делегаций, прибывшие на торжество из разных краев страны и из Бреста. Затем товарищ П. М. Машеров зажег у подножия главного монумента Вечный огонь. Прогремел артиллерийский салют. Торжественным маршем прошли войска. На черном и сером камне расцвели венки цветов.

Окончилось торжество, и в цитадель вернулась тишина. Человек с боевыми медалями на пиджаке поднял камень у стены, задумался. В помятую каску солдата молодая женщина положила букетик астр.

А на берегу Муховца мальчишки играли в защитников Брестской крепости.

А. ЩЕРБАКОВ

г. Брест.

1. Народный художник СССР А. П. Кибальников.
2. Спустя тридцать лет сюда собрались герои обороны Бреста. И застыли в торжественном молчании.
3. Факел, от которого вспыхнет Вечный огонь, несет герой обороны Брестской крепости Самвел Матевосян.
4. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии, Герой Советского Союза П. М. Машеров зажигает Вечный огонь.
5. Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».
6. Не забыть!
7. Встреча.
8. Цветы у скульптуры «Жажда».
9. Есть и мой букет здесь...

Фото М. САВИНА.

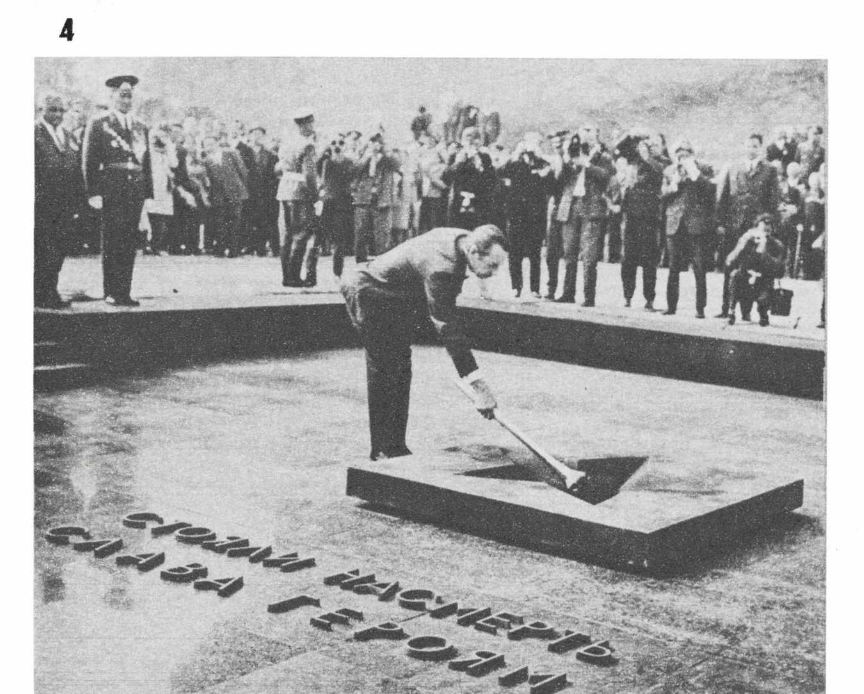
2

РОДИНА ПОМНИТ

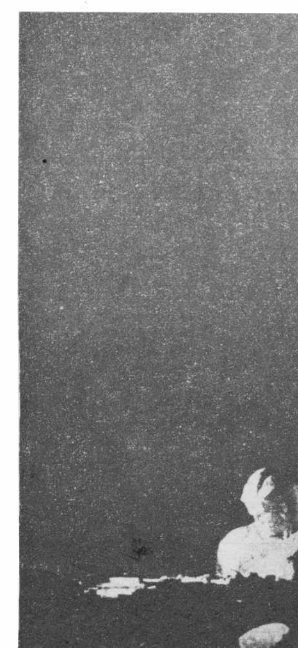
3

4

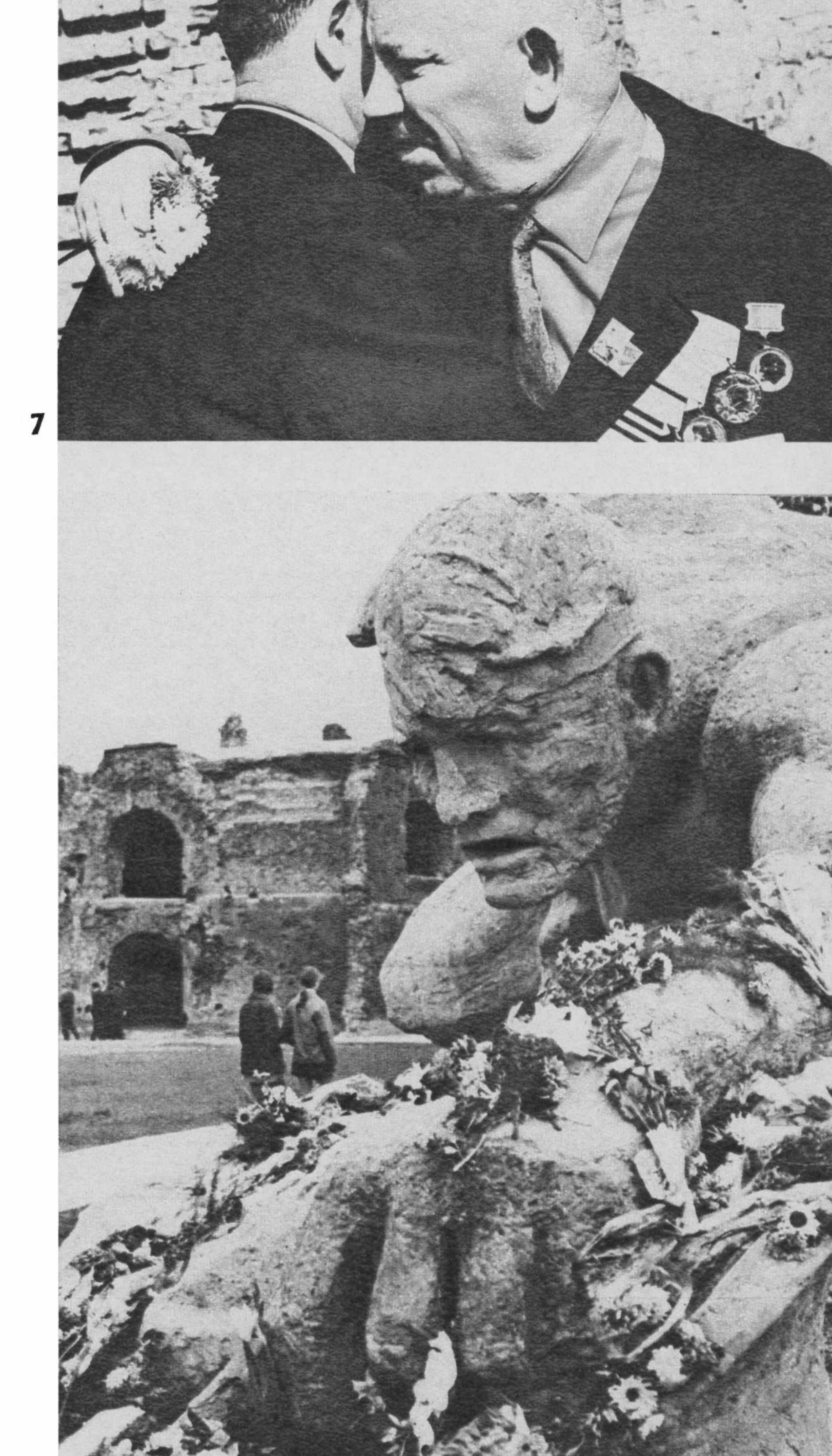

5

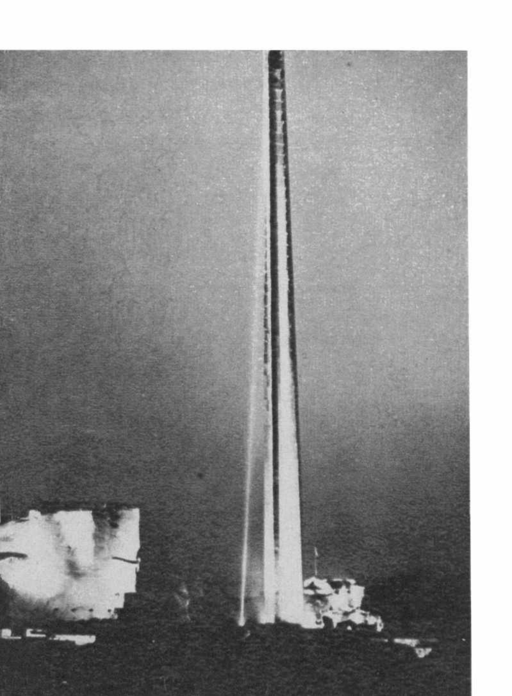

И СЛАВИТ

7

8

6

9

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.